

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№4 (12)
2025**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№4(12)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- СТЕФАНСКИЙ Е.Е. Это переходит все границы...Генезис
этических понятий, лингвокультурных типажей и коми-
ческих литературных приемов, связанных с преодолением
границ..... 4
- У ЦАЙЮЙ. Лингвокультурный типаж «трудоголик» в ки-
тайских СМИ: эволюция языковых средств репрезентации 9
- ЧЕРКАСОВА И.П. Концептуализация души и духовности
в поэзии Р.М. Рильке (на материале книги стихов «Buch
der Bilder»)19
- КАЛМЫКОВА Л.С., КРАСАВСКИЙ Н.А. К вопросу ис-
пользования антропоморфной метафоры в художествен-
ных произведениях Стефана Цвейга26
- КОТЕЛЬНИКОВА Н.Н. Социалистические ценности в
лингвистическом ландшафте китайского города.....33
- ПАВЛЕНКО А.И., ВАСИЛЬЕВ Л.Г. Якорь как событие
становления множественности в поэтическом переводе43
- МАЛЮЖИНСКИЙ А.В. Коммуникативные стратегии по-
литического протеста (на материале антитрампиетских
митингов)51
- ПОЛЬНИКОВА А.А. Русские и английские фразеологизмы
в современных медийных текстах: структурно-семантиче-
ский и функциональный анализ.....57

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Я.А. Волкова
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Д.Ю. Гулинов
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
С.А. Мызников
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

ШЕЙКО А.М. «Фильм о грушах»: новое прочтение в эпоху
цифровизации60

КОРОБКИНА Н.И. Сленг в речи современных школьников-
подростков71

МИХАЙЛИН И.А. Имена собственные в компьютерной
игре «Black book/Чёрная книга» как маркеры жанра
«приключения»78

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

МОСКВИН В.П. Местоимение: подходы к определению и
уточнение понятия87

КОКОВА Л.Дж., КОКОВА Б.Дж. Историческая топони-
мика соловецкого архипелага (по повести Ю. Нагибина
«Поездка на острова»)100

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУДРЯВЦЕВ Д.А. Научная проза в структуре сборника
Н.В. Гоголя «Арабески»105

СТОРОЖАКОВА А.С. Роль киноэкфрасиса в поэтике до-
революционных рассказов А. Грина111

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

ГУЛИНОВ Д.Ю. Романские языки в контексте глобализа-
ции116

НИКИФОРОВА Е.Б. Рецензия на книгу М.А. Казазаевой
«Синхронно-диахронический подход в языкознании:
проблематика и перспективы»: монография. Иркутск:
Аспринт, 2024. 192 с.120

ГУЛИНОВ Д.Ю. Глобализация в лингвокультурологиче-
ском измерении (рецензия на книгу Е.В. Бобыревой,
В.А. Бураковской, О.А. Дмитриевой «Глобализация и
лингвокультурные феномены»: монография. Красноярск:
Научно-инновационный центр, 2025. 198 с.)125

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	128
Information about authors.....	130
Состав редакционной коллегии	132
Состав научно-редакционного совета.....	132

Подписано в печать
08.12.2025

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 1000 экз.

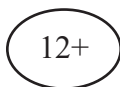
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 08/12/1

Выход в свет
22.12.2025

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2025

Е.Е. СТЕФАНСКИЙ
Самара

**ЭТО ПЕРЕХОДИТ ВСЕ ГРАНИЦЫ...
ГЕНЕЗИС ЭТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ
И КОМИЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИЕМОВ, СВЯЗАННЫХ
С ПРЕОДОЛЕНИЕМ ГРАНИЦ**

Рассматриваются древнейшие культурные коды, связанные с концептом «граница» и ее преодолением. В мифологическом сознании граница являлась разделительной линией между обитаемым человеческим космосом и враждебным ему хаосом. Нарушение таких границ в морально-правовой сфере привело к возникновению в русском языке слова «преступление»; архетип трикстера, существующего по обе стороны границы, породил разнообразные лингвокультурные типы плутов и авантюристов; прорывы хаоса в космос создали многочисленные приемы комического (оксюморон, каламбур, гротеск, иронию).

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, пословица,
литературный прием, граница, нарушение нормы.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксирована поговорка *Дворъ кольцом: три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, свѣтомъ огорожено* [5]. В момент ее фиксации составителем словаря эта поговорка иронически символизировала абсолютную бесхозяйственность. Однако сам факт иронического изменения ценностных характеристик передаваемых ею смыслов говорит о том, что в более древние времена она несла некую позитивную оценку. (Ср. возникновение противоположных значений слов в результате иронического переосмысления в случаях типа *пресловутый* ‘прославленный’ > ‘имеющий дурную славу’ или *честить* ‘оказывать честь’ > ‘ругать’).

Скорее всего, эта поговорка в древности имела космогонический смысл. Действительно, в данной паремии перечислены все необходимые компоненты для создания заселенного людьми пространства, сакрального структурированного космоса, который имплицитно противопоставляется беспорядочному, «нечистому» и связанному с пустотой и кромешной тьмой хаосу. В обитаемом мире уже имеется пространственный ориентир, символизирующий его центр, – это три кола, а также периферия, обозначающая границу и тем самым отделяющая его от враждебного хаоса. При этом создаваемый locus, по сути, безграничен как по горизонтали (*свѣтомъ огорожено*), так и по вертикали (*небомъ накрыто*). В этом творимом космосе заложен огромный потенциал развития, что символизируется *колами* и *завитыми хворостинами*, поскольку соответствующие этимологические корни (*kel- - *kol- и *vei- - *voi-) обозначают движение, рост, жизненную силу. Вечность этого пространства во времени подчеркивается магическим числом *три* (*три кола* и *три хворостины*), а также *кольцом* (у которого, как известно, нет конца).

В результате иронического переосмысления этой поговорки, произошедшего к XIX веку, происходит смысловое смещение границ между космосом и хаосом: симво-

лы, обозначавшие творение мира, превращаются в свою противоположность; то, что некогда символизировало вечность, упорядоченность и развитие, оказывается предзнаменованием полного развала и запустения. Ирония десакрализует идею творения мира и, вывернув наизнанку, преобразует в ее профанную противоположность – символ полного разорения, хаоса, непригодного для обитания людей.

Подобное противопоставление хаоса и космоса (в каких бы формах в каждом конкретном случае ни представляли эти локусы), а также осознание границ между ними, которые были ритуально непреодолимы и потому служили защитой для «своего» пространства (см. подробнее: [1; 2; 12], будучи глубоко укоренными в человеческом сознании, послужили мыслительной основой для возникновения целого ряда феноменов в культуре, языке и литературе, а именно:

- морально-правовых понятий, связанных с нарушением границ (см. *преступление, это переходит все границы*);
- лингвокультурных типажей, восходящих к архетипу трикстера, действия которого не поддаются морально-этической оценке, потому что он существует по обе стороны границы;
- целого ряда комических фигур речи и литературных приемов (и прежде всего иронии), основанных на преодолении границ, поскольку в момент такого преодоления неизбежно звучит смех.

Цель настоящей статьи – рассмотреть механизм возникновения названных феноменов.

Русский и другие славянские языки зафиксировали в устойчивых выражениях напряжение, существующее на любых границах.

Так, пословица *Межи да грани – ссоры да брани* (которая, скорее всего, лишь на достаточно позднем этапе отразила негативное отношение к инцидентам из-за собственности на землю) фиксирует в лексеме *брань* не словесные распри, а оборону, борьбу, отпор, связанные с магической напряженностью на границе «своего» и «чужого» миров.

Аналогичное напряжение на грани миров отразилось в словах и выражениях с *меж* и *между*. См.: *меж двух огней, между молотом и наковальней, междуцарствие*.

Особое значение в культуре придавалось преодолению границ. За чисто пространственным действием всегда возникали морально-правовые последствия такого преодоления. Перейдя пограничную реку Рубикон, Юлий Цезарь принял решение, которое уже нельзя отменить. В аналогичном положении оказалась дружина князя Игоря, оказавшись по ту сторону холмов, служивших естественной границей Русской земли. Поэтому в знаменитом рефрене из «Слова о полку Игореве» *О Руская земле! Уже за шеломянем еси* звучит не столько тоска по родной земле, сколько четкое понимание того, что обратной дороги нет.

Если же происходит преодоление не пространственных, а морально-правовых границ, то это находит отражение в таких лексемах и паремиях, как

- русск. *преступление, преступить черту закона*;
- польск. *przekroczenie* ‘проступок’ (букв. *перешагивание*); *przestępstwo* ‘преступление’, *przekroczyć wszelkie granice* ‘перейти все границы’;
- чешск. *překračovat meze slušnosti* ‘выходить (букв. *перешагивать*) за рамки, за границы приличия’, *jeho drzost nemá mezí* ‘его дерзость не имеет границ’;
- болг. *престъпление, прекрачва линията на закона* ‘преступать черту закона’.

Таким образом, славянские языки концептуализировали нарушение норм морали и права как преодоление некоей запретной черты.

Показательно, что в этой системе координат человек постоянно рефлексировал по поводу границ (морали, права, допустимого). По словам М.М. Бахтина, он «весь всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [4].

Эта рефлексия рождает муки совести. См., например, размышления героини повести А.С. Пушкина «Барышня-крестянка» после встречи со своим возлюбленным: «Напрасно возражала она самой себе, что беседа их **не выходила из границ благопристойности**, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, **совесть ее роптала** громче ее разума» (*Здесь и далее выделено нами – Е. С.*).

Процесс рефлексии по поводу границы морально-правовых норм становится структурообразующим в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (см. подробнее: [9, с. 153–157]). Автор акцентирует внимание читателей на внутренней форме слова *преступление*, на понимании преступления как *перешагивания*, подчеркивая, что ни мать, ни сестра Раскольникова не способны переступить черту нравственности. Одновременно он актуализирует устаревшее к середине XIX в. значение глагола *преступати* ‘изменяться, превращаться’, т.е. ‘переходить из одного мира в другой’. Так, Лужин с помощью сестры главного героя пытается *перейти* в высшее общество Петербурга, а страдающий от галлюцинаций Свидригайлов рассуждает о том, что привидения – это прорывы хаоса в космос.

И если преступление Раскольникова состоит не столько в убийстве старухи и ее сестры, сколько в насилии над собственной человеческой природой («Что же вы **над собой** сделали!» – говорит ему Соня Мармеладова), то и наказание заключается не столько в страданиях каторжника, сколько в истории его обновления, перерождения и переходе из одного мира в другой. Именно об этом пишет Ф.М. Достоевский в эпилоге романа.

Способность многократно преодолевать запретную черту в обоих направлениях рождает архетип трикстера, давший в мировой литературе начало типажам шутов, плутов, чудаков, авантюристов [6; 10, с. 7–15].

Одним из первых мифов, в котором нашел отражение данный архетип, является миф о Ромуле и Реме. Когда Ромул провел борозду и начал возводить укрепления вокруг будущего «вечного города», его брат-близнец перепрыгнул через вал, заявив, что никогда не видел столь мощных укреплений. Разъяренный Ромул убил его со словами, что так должен погибнуть всякий, кто нарушит границы Рима, поскольку в мифологическом сознании нарушение границ равно их ритуальному разрушению.

Рем, таким образом, – пересмешник, комический дублер культурного героя, которым является Ромул. Для таких героев характерно беспорядочное движение, священное безумие, ритуальное вредительство, развратность (см. подробнее: [13]). Эти черты нашли свое отражение в лексике славянских языков, используя которую, можно сказать, что трикстер – это *юркий шалун* и *шаловой охальник* (см. подробнее: [11, с. 64–68]).

«Трикстер – фигура победительная и обреченная одновременно – несет в своем образе некий великий смех, универсальный комизм, универсальное утверждение законности существования бинарности мира, – отмечают С.З. Агранович и С.В. Березин. Этот смех распространяется и на одураченных жертв плута, и на его асоциальность и невоздержанность, и на самые высокие общинные ценности и самые значимые ритуалы, на жизнь и смерть в равной мере» [3, с. 206].

Балансирование трикстера на границе хаоса и космоса рождает многочисленные стилистические фигуры, приемы языковой игры и литературные образы, основанные на соединении несоединимого, т.е. на проникновении в космос «кусочков хаоса».

Так, оксюморон (*живой труп*, *обыкновенное чудо*) буквально соединяет объекты разных миров, подчеркивая противоречивость изображаемого объекта. Каламбур, основанный, как правило, на игре омонимами (*Штирлиц выстрелил вслепую в упор. Упор упал, слепая тоже*) или свободным и фразеологически связанным значением слова (*Супруга вяжет у окна, супруг не вяжет лыка*), акцентирует внимание на многогранности мира. Гротеск моделирует невероятные ситуации и фантастические образы, доводя до абсурда сложившийся порядок вещей и заостряя их внутреннюю сущность, создавая,

как Гоголь, встречу майора Ковалева с отделившимся от него носом или, как Булгаков, подписывающий бумаги костюм-функцию, из которого извлечен его хозяин.

Но самым уничтожающим приемом оказывается ирония, которая является переносом по противоположности. «Ирония раздражает, – отмечает чешский писатель Милан Кундера. – Не потому, что она насмехается или нападает, а потому, что лишает нас уверенности, раскрывая неоднозначность мира» [7]. Используя этот прием, говорящий формально принимает мир таким, каким он есть, а по сути, переворачивает его, пересекая границы и превращая его в антипод. Рем восхищается мощностью укреплений, но при этом легко их перепрыгивает. Поговорка, записанная В.И. Далем, перечисляет все космогонические компоненты творимого локуса, но их сакральность настолько перестала осознаваться носителями русской лингвокультуры, что эти компоненты стали символизировать разорение.

Главная причина того, что все эти приемы вызывают комический эффект, заключается в том, что смех, по словам С.З. Агранович и С.В. Березина, всегда пребывает на границе, «маркируя извечность оппозиции и неразрушимость бинарной модели» [3, с. 295].

Список литературы

1. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове и поэтика сказки. Мифология, язык и фольклор как древнейшие матрицы культуры: Монография. М: МИФ, 2024.
2. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. Очерки по мифолингвистике: Монография. Самара: Изд-во СаГА, 2003.
3. Агранович С.З., Березин С.В. Номо amphibolos. Человек двусмысленный: Археология сознания. Самара: ИД «Бахрах – М», 2005.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
5. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989 – 1991.
6. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» М.: Гнозис, 2006.
7. Кундера М. Семьдесят три слова / Пер. Н. Санниковой // URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/5/semdesyat-tri-slova.html> (дата обращения: 16.07.2025).
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999 – 2009.
9. Стефанский Е.Е. Концепт «ЧЕРТА» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в Турции: Материалы Международной научной конференции «Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах», посвященной 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Карс: SONÇAĞ AKADEMİ, 2022. С. 153–157.
10. Стефанский Е.Е. Культурный архетип трикстера в мифе, фольклоре, языке и литературе // Известия на Научен център «Св. Дазий Доростолски». Книга XIV, година XIV, 2023. Фолклор – език – литература. Силистра: Академично издателство «Русенски университет», 2023. С. 7–15.
11. Стефанский Е.Е. Отражение образа трикстера в славянских именах эмоций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 5. С. 64–68.
12. Стефанский Е.Е. Семиотика ритуала и ее отражение в славянских языках (на материале концепта «черта») // Rozprawy komisji językowej. T. LVII. Łódź: Łódzkie rowarzystwo naukowe, 2011. S. 233–244.
13. Шабалина Т. Трикстер // Кругосвет: Энциклопедия. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/119/1011926/1011926a1.htm> (дата обращения: 27.07.2025).

1. Agranovich S.Z., Stefanskij E.E. Mif v slove i poetika skazki. Mifologiya, yazyk i fol'klor kak drevnejshie matricy kul'tury: Monografiya. M: MIF, 2024.
2. Agranovich S.Z., Stefanskij E.E. Mif v slove: prodolzhenie zhizni. Ocherki po mifolingvistike: Monografiya. Samara: Izd-vo SaGA, 2003.
3. Agranovich S.Z., Berezin S.V. Homo amphibolos. Chelovek dvusmyslennyj: Arheologiya soznaniya. Samara: ID «Bahrah – M», 2005.
4. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.
5. Dal' V.I. Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. M.: Russkij yazyk, 1989 – 1991.
6. Karasik V.I., Yarmahova E.A. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak» M.: Gnozis, 2006.
7. Kundera M. Sem'desyat tri slova / Per. N. Sannikovej // URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/5/semdesyat-tri-slova.html> (data obrashcheniya: 16.07.2025).
8. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. / Pod red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999 – 2009.
9. Stefanskij E.E. Koncept «ChERTA» v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Dostoevskij v Turcii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nasledie F.M. Dostoevskogo v nacional'nyh kul'turah», posvyashchennoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya F.M. Dostoevskogo. Kars: SONÇAG AKADEMİ, 2022. S. 153–157.
10. Stefanskij E.E. Kul'turnyj arhetip trikster v mife, fol'klоре, yazyke i literature // Izvestiya na Nauchen cent'r «Sv. Dazij Dorostolski». Kniga HIV, godina XIV, 2023. Folklor – ezik – literatura. Silistra: Akademichno izdatelstvo «Rusenski universitet», 2023. S. 7–15.
11. Stefanskij E.E. Otrazhenie obraza trikster v slavyanskijh imenah emocij // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2008. № 5. S. 64–68.
12. Stefanskij E.E. Semiotika rituala i ee otrazhenie v slavyanskijh yazykah (na materiale koncepta «cherta») // Rozprawy komisji językowej. T. LVII. Łódź: Łódzkie rowarzystwo naukowe, 2011. S. 233–244.
13. Shabalina T. Trikster // Krugosvet: Enciklopediya. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/119/1011926/1011926a1.htm> (data obrashcheniya: 27.07.2025).

It goes beyond all limits... The genesis of ethical concepts, linguocultural character types and comic literary techniques associated with overcoming the boundaries

The most ancient cultural codes, associated with the concept “boundary” and its overcoming, are considered. The boundary was the dividing line between the inhabitant human cosmos and the chaos, antagonistic to it, in the mythological consciousness. The violation of such boundaries in moral and legal sphere came to the origin of the word “crime” in the Russian language, the archetype of trickster, existing on both sides of the border, originated the various linguocultural character types of tricksters and adventurers, the leap of chaos in cosmos caused the numerous techniques of the comic (oxymoron, pun, grotesque and irony).

Keywords: *linguocultural character type, saying, literary technique, boundary, violation of norm.*

(Статья поступила в редакцию 19.09.2025).

ЦАЙЮЙ У
Волгоград

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ТРУДОГОЛИК» В КИТАЙСКИХ СМИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Исследуются языковые механизмы репрезентации лингвокультурного типажа «трудоголик» в современном китайском медиадискурсе. На материале текстов СМИ анализируется динамика взаимодействия традиционных и новых дискурсивных практик: от нормативных фразеологизмов конфуцианской этики до современных сленговых неологизмов. Особое внимание уделяется семантическим сдвигам в терминологии труда, изменению прагматики языковых единиц (от метонимии к иронии) и роли стилистических приемов (метафоры, гиперболы, иронии) в конструировании данного типажа. Выявляется, как эволюция языковых средств отражает трансформацию восприятия трудоголизма в китайском обществе, демонстрируя переход от сакрализации труда к его критическому переосмыслению.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, трудоголик, лексико-стилистические средства СМИ, метафора, метонимия, гипербола, каламбур, ирония.

С момента введения В.И. Карасиком термина «лингвокультурный типаж» [2, с. 8] концепция типажа получила широкое применение в исследованиях языковых личностей. Трудоголик как социально-психологический типаж актуален в контексте современных трудовых реалий, где гипертрофированная преданность работе становится нормой.

Цель статьи – выявить и систематизировать лексико-стилистические средства репрезентации данного типажа в китайских медиа, учитывая их культурную специфику и коммуникативную функцию.

Современное общество характеризуется стремительным экономическим ростом и жесткой конкуренцией [3], в результате чего сотрудники организаций стремятся сохранить конкурентноспособность и посвящают выполнению профессиональных обязанностей не только рабочее время, но и время по окончании рабочего дня, выходные дни и официальный отпуск. Трудоголизм как психологическое и социальное явление привлекает внимание ученых различных областей знания, включая психологию, социологию и лингвистику. В данной статье мы сосредоточимся на лексико-стилистических средствах, используемых для описания трудоголиков в китайском языке. Мы проанализируем, как язык отражает культурные особенности и социальные нормы, связанные с трудом и трудоголизмом.

Основу исследования составили тексты китайских СМИ, включая онлайн-издания и социальные сети. С одной стороны, СМИ – мощный фактор, влияющий на культуру, с другой – в текстах СМИ, как в зеркале, отражается культура наших современников [4].

Китайские СМИ как регистраторы и трансляторы социальных явлений используют разнообразную лексику для описания лингвокультурного типажа «трудоголик». Анализ проводился с опорой на методы стилистики и лингвокультурологии, с акцентом на тропы (метафору, гиперболу, иронию) и их роль в формировании образов.

Лексико-стилистические средства – это совокупность языковых выразительных средств, тропов и стилистических приемов, используемых для передачи идей, мыслей и эмоций автора [1, с. 173]. Метафора, метонимия, гипербола, каламбур, ирония и другие тропы, которые относятся к лексико-стилистическим средствам, в текстах китайских

СМИ используются для описания лингвокультурного типажа «трудоголик» наиболее часто, придавая ему образность, выразительность и своеобразие.

В первую очередь остановимся на определении лексемы *трудоголик*. Согласно словарным дефинициям, *трудоголик* «工作狂» (gōngzuò kuáng) – ‘человек, который чрезвычайно увлечен работой’ [10] (Здесь и далее перевод с китайского языка на русский наш – Ц. У). В китайском языке существует множество терминов, связанных с трудолюбием. Одним из наиболее распространенных является выражение «工作狂» (gōngzuò kuáng) – ‘рабочий безумец’. Этот термин не только описывает человека, потерявшего связь с реальностью вследствие чрезмерного увлечения работой, но и несет в себе негативную коннотацию, указывая на социальные последствия такого поведения.

Обратимся к стилистическим средствам, используемым для характеристики трудоголика. В китайских СМИ нередко используются конструкции типа «他工作得像个机器人» (tā gōngzuò de xiàng gè jīqìrén) – *Он работает, как робот* [22]. Это сравнение не только акцентирует внимание на рутинности работы, но и вызывает определенные эмоции, связанные с потерей человеческого облика на фоне усердного труда.

Традиционная китайская культура подчеркивает ценность трудолюбия и преданности делу, что закреплено в многочисленных фразеологизмах, описывающих поведение трудоголиков. Эти устойчивые выражения часто отражают коллективистские идеалы и используют официально-нормативную лексику, восхваляющую трудовые достижения и дисциплину. Ср.: «克己奉公» (kè jǐ fèng gōng) – ‘быть требовательным к себе, ставить общественные интересы выше личных’; «兢兢业业» (jīng jīng yè yè) – ‘проявлять усердие и осмотрительность’ [9]; «废寝忘食» (fèi qǐn wàng shí) – ‘забывать о сне и еде, полностью отдаваясь работе’ [15]. Дословно это выражение, используемое в репортажах об образцовых работниках для поощрения их трудолюбия и преданности делу как общепринятых ценностей, переводится как *отказываться от сна и забывать о пище* в значении ‘работать самоотверженно не покладая рук, самозабвенно отдаваться своему высокому делу’. Все эти идиомы отражают серьезность, ответственность, добросовестность трудоголиков и передают традиционные ценности китайской нации.

Фразеологизмы, описывающие в традиционной китайской культуре поведение трудоголика, связывают трудолюбие с моральными ценностями. Они глубоко укоренились в историческом контексте современного китайского общества, перекликаясь с трудовыми ценностями маоистской эпохи, демонстрируя историческую преемственность культа трудолюбия.

В маоистскую эпоху в середине XX века такие лозунги, как «劳动最光荣» (*Труд – высшая доблесть*) и «工作是最高的美德» (*Труд – это высшая добродетель*), стали основными символами социального духа и широко использовались в газетах, революционных песнях и плакатах. Например, в 1950-е гг. в репортажах «Жэньминь Жибао» об образцовых работниках часто подчеркивалось: «以劳动为荣, 以懒惰为耻» (*Гордимся трудом, стыдимся лени*) [13]. Эти лозунги тесно связывают индивидуальный труд с коллективными начинаниями и национальным строительством и возводят упорный труд в ранг высшего измерения морали и этики. Другими словами, труд носит не только личный характер, но и наделяется политической миссией построения социализма, формируя уникальный культ трудолюбия. Это повествование, которое освящает и морализирует труд, заложило культурную основу для последующего использования идиом в официальных средствах массовой информации.

Тексты СМИ предоставляют обширный материал для анализа лингвокультурного типажа «трудоголик», одновременно выступая каналом популяризации связанных с ним неологизмов. Благодаря быстрой скорости сбора информации и её обновления онлайн-издания регулярно публикуют широкий спектр репортажей, охватывающих различные сферы общественной жизни, включая повседневные рабочие ситуации. Именно

в материалах СМИ нередко возникают специфические неологизмы, отражающие культуру чрезмерной трудовой активности. Одним из ярких примеров является числовое выражение «996», возникшее в китайском обществе вследствие быстрого экономического развития и усиления конкуренции между работниками. Данное выражение обозначает распространённый рабочий график с 9 утра до 9 вечера шесть дней в неделю [5].

Основатель Alibaba Джек Ма публично заявил, что «996» (работа по 12 часов в сутки 6 дней в неделю) – это «благословение» [16]. Он назвал эту модель высокоинтенсивной работы «возможностью для тех, кто стремится к успеху» [Там же], и попытался рационализировать сверхурочную работу в соответствии с традиционными ценностями: «劳动最光荣» (*Труд – высшая доблесть*); «工作是最高的美德» (*Труд – это высшая добродетель*).

В Китае требование работать сверхурочно часто обосновывают традиционной идеей «天道酬勤» (*Небеса вознаграждают трудолюбие*), что является примером того, как старые ценности используются для поддержки современных трудовых норм. Однако такой подход вызвал сильную негативную реакцию со стороны общества: в 2021 г. информационное агентство Синьхуа выступило с категорическим возражением против привязки выражения «996» к выполнению политической миссии построения социализма, указав, что это нарушает трудовое законодательство и искажает ценности [19]. В современном китайском дискурсе происходит семантическая трансформация трудовых концептов: традиционное трудолюбие приобретает значение «истощение ресурсов (овердрафт)», а *борьба* переосмысливается как «эксплуатация». Цифровой код 996, первоначально обозначавший график работы (9:00–21:00, 6 дней в неделю), теперь функционирует как лингвокультурный маркер, отражающий противоречие между капиталистической логикой и индивидуальными правами.

На риторическом уровне наблюдается сдвиг от метонимического использования кода 996 для обозначения системы к ироническому его переосмыслению. Так, выражение «福报» «благословение», заимствованное из корпоративной риторики, подвергается деконструкции в публичном дискурсе. Говорящие используют его для самопародии, критикуя отношение к сверхурочному труду как к норме. Этот процесс демонстрирует, как языковые единицы меняют прагматику в условиях социального напряжения.

Феномен переутомления, отраженный в таких цифровых кодах, характерен не только для Китая, но и для Японии, где он является межкультурным зеркальным отражением феномена *кароси* (смерти от переутомления). Еще в 1970-е гг. в Японии в период быстрого экономического роста произошло большое количество внезапных смертей, вызванных переутомлением из-за продолжительного рабочего дня. Термин *кароси* «смерть от переутомления» был включен в японскую правовую и социальную систему. Япония выпустила «Белую книгу» о смерти от переутомления: 45,5% респондентов не высыпались по 6 часов в сутки [14]. Споры, вызванные феноменом «996» в Китае, по сути, являются общим проявлением восточноазиатской культуры сверхурочной работы на разных этапах развития под влиянием коллективных ценностей конфуцианской культуры (*Трудолюбие превыше всего*). Восточноазиатское общество в целом склонно считать трудовые вложения личной ценностью и вкладом в развитие общества, а конкурентное давление современных предприятий еще больше усиливает эту тенденцию. Популярность цифровых кодов как раз и является результатом такого сочетания культурных факторов и современного капитала.

С течением времени подобные термины становятся всё более популярными и начинают восприниматься как символы особого культурного явления. Так, выражение «996» закрепилось в качестве маркера высокой интенсивности рабочего процесса. Дальнейшее развитие данной тенденции породило еще более жесткие формулировки: «715» (работа семь дней в неделю по пятнадцать часов); «007» (режим круглосуточной занятости,

предполагающий работу каждый день, начиная с полуночи текущего дня и заканчивая полуночью следующего). Например, Цзя Голун, основатель и председатель правления Xibei Catering, опубликовал на платформе Weibo такие заметки: «996算个啥» (*Что такого необычного в системе 996?*), «我们是715» (*Мы – 715*), «白加黑» (*Белое добавляет черное*), «夜总会» (*Ночной клуб*) [21]. Его высказывания вызвали сильное недовольство среди пользователей сети, и эта система считается преступлением против человека.

Важно отметить, что выражения «996», «715», «007» отличаются особой формой подачи: они включают три числа, образуя своеобразный цифровой код, позволяющий мгновенно представить картину трудового ритма. Это служит примером эффективного использования языкового механизма метонимии, когда временные рамки определяют весь процесс интенсивной трудовой деятельности [6]. Таким образом, использование подобного рода выражений значительно упрощает восприятие сложных понятий и повышает эффективность коммуникации, обеспечивая понимание содержания даже без детального описания всех аспектов работы. Подобные механизмы способствуют активному развитию новой терминологической базы и оказывают влияние на формирование современных представлений о трудовых нормах и стандартах, укрепляя определённые культурные стереотипы и модели поведения. Таким образом, выражения «996», «715», «007» стали ключевыми при обсуждении культуры трудоголизма и связанных с ней проблем.

В контексте исследования лингвокультурного типажа «трудоголик» перечисленные числовые коды, в которых содержится гиперболизация, заслуживают особого внимания. Хотя далеко не все рабочие места подразумевают столь строгий график, данные выражения намеренно преувеличивают продолжительность и интенсивность труда, доводя до крайности идею дисбаланса между профессиональной деятельностью и личной жизнью.

Гипербола в данном случае служит эффективным инструментом медийного дискурса: она не только акцентирует остроту проблемы, но и стимулирует общественную дискуссию, побуждая к более глубокому осмыслению современных трудовых реалий.

Аналогичную функцию выполняет и выражение «夜总会» (yè zǒng huì) ‘ночной клуб’, которое, будучи использовано в переносном значении ‘постоянные ночные собрания’, сочетает в себе преувеличение и иронию. Гиперболизированный образ трудоголика, якобы проводящего на работе каждую ночь, подчёркивает аномальную частоту ночных трудовых сессий. При этом юмористическая подача смягчает критический посыл, позволяя аудитории в менее формальной манере осознать негативные аспекты трудоголизма.

В отличие от прямой критики, ирония и преувеличение вызывают у аудитории эмоциональную реакцию. Такой подход делает медиатексты более выразительными и запоминающимися. В результате информация быстрее распространяется и активнее обсуждается в обществе.

В китайских медиатекстах, посвящённых теме трудоголизма, получили распространение сленговые выражения, отражающие различные аспекты этого феномена. Такие лексемы, как «牛马» (niú mǎ) – ‘рабочий скот’ [20], «加班狗» (jiā bān gǒu) – ‘сверхурочная собака’ [8], «社畜» (shè chù) – ‘общественная скотина’ и «打工人» (dǎ gōng rén) – ‘работяга’ [Там же], выполняют двоякую функцию. Они не только описывают характерные черты трудоголиков, но и служат средством языковой игры и самоиронии, смягчая критический посыл за счёт юмористической окраски.

Особого внимания заслуживает выражение «牛马» (niú mǎ), где используется зооморфная метафора. Иероглифы 牛 ‘корова’ и 马 ‘лошадь’ создают яркие, узнаваемые образы, которые отличаются высокой степенью экспрессивности и социокультурной узнаваемостью. Подобные метафоры, с одной стороны, отражают усталость и безыс-

ходность работников, а с другой – содержат элементы самоуничтожения, что делает их особенно популярными в коммуникативно-массовом сознании.

В отличие от разговорного сленга, выражение «老黄牛» (lǎo huáng niú) – ‘старый жёлтый бык’ имеет глубокие литературные корни. Как отмечается в классическом стихотворении Лу Синя, этот образ традиционно ассоциируется с самоотверженным служением: «横眉冷对千夫指, 俯首甘为孺子牛» (*Нахмутив брови, с холодным презрением взираю на осуждающий перст вельможи, но с поклоном готов, как буйвол, служить ребенку*) [11]. Это стихотворение выражает готовность терпеть все страдания, обиды и желание посвятить всего себя делу. На основе этого стихотворения выражение «老黄牛» (lǎo huáng niú) – ‘старый бык’ используется в современном медийном дискурсе как символ тяжелой работы, упорства, трудолюбия и самоотдачи трудолюбивых, сохраняет связь с культурной традицией, но в то же время приобретает новые коннотации – символизирует не только трудолюбие, но и гипертрофированную преданность работе, характерную для трудолюбивых. При этом, в отличие от сленговых аналогов, оно несёт в себе торжественно-одобрительную окраску, отражая уважение к традиционным ценностям усердного труда.

В рамках исследования лингвокультурного типажа «трудоголик» особый интерес представляет китайское выражение «白加黑» (bái jiā hēi) – ‘белое плюс чёрное’, отличающееся лаконичностью и высокой экспрессивностью. Иероглифы 白 (bái) ‘белый’ и 黑 (hēi) – ‘чёрный’ символизируют день и ночь, что, соответственно, визуализирует идею непрерывной трудовой деятельности без отдыха. Данное выражение обладает ярко выраженной метафоричностью: оно концептуализирует взаимосвязь труда и временного цикла через противопоставление светлого и тёмного, вызывая устойчивые визуально-ассоциативные реакции. Благодаря этому выражение «白加黑» (bái jiā hēi) трансформируется из простого обозначения рабочего графика в эмоционально насыщенное описание образа жизни, приобретая дополнительные коннотации в медийном дискурсе.

Показательным примером трансформации является и уже упоминавшееся выражение «夜总会» (yè zǒng huì) – ‘ночной клуб’. В контексте лингвокультурного типажа «трудоголик» оно подвергается семантической трансформации, приобретая значение ‘постоянные ночные собрания’. Данный приём строится на каламбурном переосмыслении: исходная лексема, связанная с досугом, противопоставляется ситуации, когда ночное время посвящено работе. Подобная ирония подчёркивает дисбаланс между профессиональной деятельностью и личной жизнью, актуализируя критическое осмысление проблемы. В медийном языке такая стилистическая игра усиливает экспрессивность и способствует формированию культурно-специфических смыслов.

Сленговое выражение, обозначающее женщин-трудолюбивых в китайском языке, часто сопровождается заметным гендерным оттенком, который не только подчеркивает их достижения на рабочем месте, но и намекает на двойственное семейное и карьерное давление, с которым они сталкиваются. Например, выражение «铁娘子» (tiě niáng zǐ) – ‘железная леди’ для наименования карьеристок первоначально произошло от имени бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. После того как оно появилось в Китае, СМИ стали использовать его для описания решительных и энергичных женщин-профессионалов: 铁娘子李红梅在手术台上展现出惊人的毅力和工作效率, 即便面临身体的疲惫, 依旧保持坚定与活力 (*Железная леди Ли Хунмэй проявила удивительное упорство и эффективность в работе у операционного стола, даже несмотря на физическое истощение, она оставалась стойкой и энергичной*) [17].

В выражении «铁娘子» (tiě niáng zǐ) – ‘железная леди’ слово *железо* используется в качестве метафоры, чтобы подчеркнуть упорство и жесткость женщин, выходящие за рамки гендера, на рабочем месте и разрушить традиционный стереотип о женской слабости; однако гендерное ограничение слова *леди* не позволяет ему полностью выйти за

рамки гендерного контекста, подразумевая определенное неодобрительное значение: *Как женщина, она равнодушна, как железо*. Это выражение не только подтверждает преданность женщин своему делу, но и ставит их перед противоречивым выбором в отношении женских черт и профессиональных способностей.

Сленговое выражение «职场妈妈» (zhíchǎng māmā) – ‘работающая мать’ актуализирует проблему двойной нагрузки женщин-трудоголиков. В выражении объединены семантические поля профессиональной (‘работа’) и семейной (‘мать’) сфер, что регулярно подчеркивается в медиадискурсе через коллокации с лексемами «平衡» ‘баланс’ и «牺牲» ‘жертва’.

Примеры описания распорядка дня, в котором упоминаются дневная работа в высоком темпе, ночные кормления и уход за ребенком [7] демонстрируют, как языковая метафора ‘двойной фронт’ материализуется в дискурсивных практиках. Примечательно, что в отличие от мужчин-трудоголиков, чья вовлеченность в работу воспринимается как карьерная ориентированность, для женщин обязательным компонентом оценки остается вопрос совмещения ролей. Таким образом, гендерно маркированный сленг вербализует существующие в обществе двойные стандарты в восприятии трудовой преданности.

Выражение «加班狗» (jiā bān gǒu) – ‘сверхурочная собака’ представляет собой яркий пример сочетания метафоричности и гиперболизации в современном китайском сленге. Оно является разговорным и отличается прямой экспрессивностью с элементами юмора и самоиронии. Образ собаки здесь не случаен – с одной стороны, он подчеркивает слепую преданность работников, подобную собачьей верности, а с другой, через уничижительный оттенок слова «狗» (gǒu) – ‘собака’ передаётся ощущение бессилия и эмоционального выгорания от постоянных переработок. Такая двойственность способствует сильному эмоциональному отклику, объясняя популярность этого выражения в цифровую эпоху с её тягой к образным и ёмким формулировкам. Выражение «加班狗» (jiā bān gǒu) – ‘сверхурочная собака’ считается одним из наиболее репрезентативных вирусных мемов, распространенных в сети Интернет. Изображение «сверхурочной собаки» (加班狗) стало визуальным символом переутомления в китайском Интернете. На-

Рис. 1. 加班狗 «Сверхурочная собака».

пример, на широко распространенной фотографии собака лежит на офисном столе, ее глаза уставшие, уголки рта опущены, а под рукой чашка кофе (рис. 1).

Фотография обычно сопровождается текстом *Щенок, который работает сверхурочно во время каникул* [18].

Не менее показательна заимствованная из японского языка лексема «社畜» (shè chù) ‘общественная скотина’, где метафорическое противопоставление иероглифов 社 (shè) – ‘общество/компания’ и 畜 (chù) – ‘домашний скот’ создаёт мощный критический подтекст. Это выражение вскрывает парадокс современной трудовой культуры: внешнее стремление к профессиональным достижениям оборачивается внутренним порабощением, когда работник теряет автономию, превращаясь в послушное «животное корпорации».

Особое место занимает самоироничное выражение «打工 人» (dǎ gōng rén) – ‘наёмный работник’, возникшее как вирусный мем на китайской платформе Weibo. Семантическая прозрачность этого термина, где 打工 ‘подённый труд’, а 人 – ‘человеческая личность’, способствовала его мгновенному распространению. Простота и универсальность формулы позволили этому выражению стать объединяющим идентификатором для самых разных профессиональных групп. В отличие от предыдущих примеров, здесь ирония служит не столько критике, сколько психологической адаптации: через языковую игру работники дистанцируются от трудового гнёта, трансформируя тревогу в коллективный опыт. Этот феномен отражает важную тенденцию – использование языка как инструмента конструирования новой социальной идентичности в условиях стремительных изменений на рынке труда.

Стоит отметить, что из-за вербального и поведенческого сопротивления людей поклонению переутомлению появилось жаргонное выражение «躺平» (tǎng píng) – ‘ле-

Таблица 1

Лексико-стилистические средства описания лингвокультурного типажа

Категория лексики	Примеры	Стилистические средства	Функции	Культурная специфика типажа
Традиционные фразеологизмы	克己奉公, 废寝忘食	Метафора, гипербола	Идеализация самоотверженности	Конфуцианский идеал «благородного труженика»
Числовые коды	996, 715, 007	Метонимия, гипербола	Демаскировка эксплуатации	Цифровая дегуманизация трудовых отношений
Метафорические выражения	白加黑, 夜总会	Метафора, каламбур	Образная объективация перегрузки	Трансформация ценности труда в рутину
Сленг/самоирония	加班狗, 社畜, 打工 人	Зооморфная метафора, ирония	Коллективная идентификация	Феномен «корпоративного скотства» в групповом сознании
Сленг, относящийся к женщинам	女强人, 职场妈妈	Метафора	Расширение гендерных маркеров	Отражение двойного бремени, лежащего на женщинах

жать плашмя', которое быстро стало популярным [12]. Китайский сленговый неологизм «躺平» (tǎng píng) – 'лежать плашмя' характеризует такой образ жизни, как бездействие, отсутствие сопротивления и отсутствие усилий. Это выражение ярко иллюстрирует диалектику развития лингвокультурного типажа: чем сильнее давление трудовой этики, тем радикальнее формы языкового сопротивления. С риторической точки зрения, «躺平» (tǎng píng) – 'лежать плашмя' завершает отражение сложного социального менталитета с помощью простой метафоры движения: физическая поза 躺 (tǎng) 'лежать' указывает на отказ от борьбы и переутомления, в то время как 平 (píng) 'плашмя' подразумевает состояние *не стремиться к первому месту, не испытывать беспокойства*. Такая риторика отказывается от жестокости и конфронтации традиционного дискурса сопротивления и формирует бинарную оппозицию традиционным ценностям, таким как *Борьба превыше всего* и *Трудолюбие – это добродетель*. Она не критикует культуру трудоголиков напрямую, но, советуя не становиться трудоголиком, она отрицает единственную логику, в соответствии с которой только упорным трудом можно реализовать личную ценность.

Таким образом, анализ данных лексических единиц демонстрирует существование стилистического разнообразия при описании лингвокультурного типажа «трудоголик» – от разговорно-сленговых до литературно-возвышенных форм. Это позволяет медиадискурсу более гибко репрезентировать феномен трудоголизма, сочетая критический анализ с элементами языковой игры и культурными отсылками (см. Таблицу 1. «Лексико-стилистические средства описания трудоголиков в китайских СМИ»).

Анализ представленных языковых средств позволяет реконструировать эволюцию лингвокультурного типажа «трудоголик» в китайском социуме. Традиционные фразеологизмы конструируют архетип благородного труженика, воплощающего конфуцианские добродетели усердия и самоограничения. Однако современные языковые практики деконструируют этот идеал: числовые коды обнажают механистическую природу современного труда, где человек редуцируется до производственной единицы («996» как маркер «цифрового рабства»).

Особенно показательно, как зооморфные метафоры «加班狗» – 'сверхурочная собака', «社畜» – 'корпоративный скот' маркируют процесс деперсонализации в трудовых отношениях. Эти языковые формы фиксируют кризис идентичности современного работника, балансирующего между конфуцианским культом труда и реалиями капиталистической эксплуатации.

Парадоксальным образом сленговая самоирония «打工人» – 'работяга' выполняет компенсаторную функцию, создавая новый тип коллективной солидарности через языковую игру. Это позволяет говорить о формировании особого лингвокультурного кода, где традиционные ценности трудолюбия переосмысляются через призму цифрового отчуждения.

В заключение следует отметить, что анализ языковых средств репрезентации лингвокультурного типажа «трудоголик» в китайских СМИ выявил сложную динамику взаимодействия традиционных и современных дискурсивных практик. Традиционные фразеологизмы, укорененные в конфуцианской этике, продолжают использоваться в официальном дискурсе как нормативные маркеры трудового поведения, тогда как современные неологизмы и сленговые выражения отражают трансформацию восприятия трудоголизма в цифровую эпоху. Особый интерес представляет наблюдаемый семантический сдвиг, когда традиционные концепты трудолюбия приобретают новые, часто иронические коннотации. Стилистические приемы, такие как метафора, гипербола и ирония, выступают важными инструментами как конструирования, так и деконструкции данного лингвокультурного типажа. Гендерно-маркированная лексика демонстрирует специфику репрезентации женского трудоголизма, актуализируя проблему двой-

ной нагрузки. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эволюция языковых средств репрезентации лингвокультурного типажа «трудоголик» отражает фундаментальные изменения в трудовой этике современного китайского общества, находящие свое выражение в трансформации дискурсивных стратегий медиа.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
3. Кермазова Д.К. Уолт Уитмен Ростоу и теории стадии экономического роста // Форум молодых ученых. 2019. № 2 (30). С. 767–771.
4. Кондрашова Р.Ю. Эколингвистика. Язык региональных СМИ в зеркале русской речевой культуры: междисциплинарный сб. науч. тр. / Под ред. Н.Л. Шамне и О.А. Прохвятиловой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 285–286.
5. Руслан Конюков. «9-9-6» или трудоголизм в Китае // URL: <https://vc.ru/u/2214068-ruslan-konyukov/805864-9-9-6-ili-trudogolizm-v-kitae> (дата обращения: 10.01.2025).
6. Шангараева Л.Ф., Депутатова Н.А., Поморцева Н.П. Образование неологизмов в медиаполитическом дискурсе современного английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 7. С. 2151–2156.
7. 边工作边顾家, 职场妈妈你好吗 (Забиться о своей семье во время работы, как у тебя дела, работающая мать) // 新华网 (Синьхуа). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-11/14/c_1123709186.htm (дата обращения: 12.08.2025).
8. «打工人的自我修养: 一边自嘲, 一边做生活的主人 (Самосовершенствование наёмных работников: будьте хозяином жизни, смеясь над собой) // 搜狐(Соху). URL: https://www.sohu.com/a/427460902_167719 (дата обращения: 15.01.2025).
9. 关于焦裕禄那些人和事 (Эти люди и поступки, связанные с Цзяо Юлу) // 人民日报 (Жэньминь Жибао). URL: <http://dangshi.people.com.cn/n/2014/0321/c85037-24700047.html> (дата обращения: 07.01.2025).
10. 汉语词典 (Словарь китайского языка) // URL: https://www.hao86.com/ciyu_view_9d8d6943ac9d8d69/ (дата обращения: 27.03.2025).
11. 鲁迅. 鲁迅全集 (14) 北京: 人民文学出版社, 1981. (Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Т. 14. Пекин: Издательство народной литературы, 1981.).
12. 年轻人选择«躺平», 也是在传递信号 (Молодые люди предпочитают лежать плашмя, что также является сигналом) // 光明日报 (Новости Гуаньмина). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1700092343875956634&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 13.08.2025).
13. 人民日报 (Жэньминь Жибао) // URL: https://mp.weixin.qq.com/s/Ssao_ctl2wOz0-GJ04bEpA (дата обращения: 12.08.2025).
14. 日本发布过劳死白皮书: 45.5%受访者每天睡眠不足6小时 (Япония выпустила «Белую книгу» о смерти от переутомления: 45,5% респондентов не высыпались по 6 часов в сутки) // 中国青年网 (Китайская молодежная сеть). URL: http://news.china.com.cn/2023-10/16/content_116748227.htm (дата обращения: 12.08.2025).
15. 石羚 (Ши Лин). 人民日报评论员随笔: 让忙碌变得充实 (Эссе комментатора из «Жэньминь Жибао»: как превратить напряжённую жизнь в полноценную) // 人民日报 (Жэньминь Жибао). URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/1026/c1003-30363459.html> (дата обращения: 07.01.2025).
16. 说完«996是福报», 马云又出来解释了 (Сказав: «996 – это благословение», Ма Юнь снова объяснил...) // 上观新闻 (Новости Шангуаня). URL: <https://web.shobserver.com/staticsg/res/html/web/newsDetail.html?id=144713> (дата обращения: 12.08.2025).
17. 铁娘子李红梅: 手术台上的坚韧与家庭支持 (Железная леди Ли Хунмэй: упорство на операционном столе и поддержка семьи) // 百度 (Байду). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1838861378754026300&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 12.08.2025).
18. 微博 (Вейбо) // URL: <https://weibo.com/6751054766/5162654650076081> (дата обращения: 13.08.2025).

19. 新华社: 996等所谓«奋斗»绝不是福报 (Информационное агентство Синьхуа: Так называемая «борьба» сленга 996 ни в коем случае не является благом) // 中国青年网 (Китайская молодежная сеть). URL: http://news.youth.cn/jsxw/202101/t20210107_12651972.htm (дата обращения: 12.08.2025).

20. 3成打工人在自嘲 «牛马人生» (30% наёмных работников смеются над собой, называя свою жизнь «жизнью рабочей скотины») // 网易(Ванъи). URL: <https://www.163.com/dy/article/J6LP66NL0511CP87.html> (дата обращения: 15.01.2025).

21. «996算个啥, 我们是715, 白加黑, 夜总会», 西贝董事长言论惹争议, 公司回应 («Что такое необычного в системе 996», «Мы – 715», «Белое добавляет черное», «Ночной клуб»: высказывания председателя правления Сибэя вызвали споры, компания отреагировала) // 每日经济新闻 (Ежедневные экономические новости). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677218478907100977&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 14.01.2025).

22. «90后»女孩辞掉年薪50万银行工作: 忙得像个机器人, 经营任务完不成 (Девушка после 90-х уволилась с работы в банке с годовой зарплатой в 500 000 юаней: она была занята как робот и не могла выполнять свои деловые задачи) // 极目新闻(Новости Jimu). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764049543317812732&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 27.03.2025).

* * *

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: Uchebnik dlya vuzov. M.: Flinta: Nauka, 2010.

2. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya // Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: Sb. nauch. tr. / Pod red. V.I. Karasika. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 5–25.

3. Kermazova D.K. Uolt Uitmen Rostou i teorii stadii ekonomicheskogo rosta // Forum molodyh uchenyh. 2019. № 2 (30). S. 767–771.

4. Kondrashova R.Yu. Ekolingvistika. Yazyk regional'nyh SMI v zerkale russkoj rechevoj kul'tury: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. N.L. Shamne i O.A. Prohvatilovoj // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2011. № 1 (13). S. 285–286.

5. Ruslan Konyukov. «9-9-6» ili trudogolizm v Kitae // URL: <https://vc.ru/u/2214068-ruslan-konyukov/805864-9-9-6-ili-trudogolizm-v-kitae> (data obrashcheniya: 10.01.2025).

6. Shangaraeva L.F., Deputatova N.A., Pomorceva N.P. Obrazovanie neologizmov v mediapoliticheskom diskurse sovremennogo anglijskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. № 7. S. 2151–2156.

The linguocultural character type “hardworking man” in the mass media of the People’s Republic of China: the evolution of language means of representation

The language mechanisms of representation of linguocultural type “hardworking man” in the modern media discourse of the People’s Republic of China are studied. On the basis of the texts of mass media the dynamics of cooperation of traditional and new discursive practices: from the standard phraseological units of Confucianism ethics till the modern slang neologisms, is analyzed. The semantic shifts in the labour terminology, the change of pragmatics of language units (from metonymy till irony) and the role of stylistic techniques (metaphors, hyperboles and irony) in designing this type are emphasized. It is revealed how the evolution of linguistic means reflects the transformation of perception of work addiction in the society of the People’s Republic of China, demonstrating the change from the sacralization of labour to its critical reinterpretation.

Keywords: *linguocultural character type, hardworking man, lexical and stylistical means of mass media, metaphor, metonymy, hyperbole, pun, irony.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2025).

И.П. ЧЕРКАСОВА
Москва

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДУШИ И ДУХОВНОСТИ В ПОЭЗИИ Р.М. РИЛЬКЕ
(на материале книги стихов «Buch der Bilder»)**

Описана специфика концептуализации аксиологических доминант культуры в пространстве литературно-художественного дискурса. Поэтический дискурс рассматривается как система, обладающая следующими характеристиками: сгущение, синергия, концептуализация и кристаллизация смысла аксиологических доминант. Выявлены смыслы, репрезентирующие концепт «душа» в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, поэзия, аксиология, концепт, душа, смысл, синергия.

Динамика современного научного и технического развития демонстрирует возрастающую значимость национальных и общечеловеческих ценностей, определяющих сущность оснований гуманистического бытия. В этой связи художественный дискурс предстает одной из самых репрезентативных сфер, демонстрирующей аксиологический потенциал и креативные возможности творческой личности, способной представить читателю отдельные аспекты бытия в новом свете, в историческом преломлении. Способность литературно-художественного дискурса апеллировать к мышлению представителей разных эпох делает его одновременно связующим звеном между поколениями и философскими течениями, средством анализа исторического опыта и формирования направления общественного развития. В.П. Литвинов справедливо отмечал, что мышление существует и предъясняется не как знание, а как мысль и одновременно как провокация и средство побуждения встречной мысли [9, с. 9].

Художественный (литературно-художественный) дискурс неизменно вызывает большой интерес исследователей (М.П. Ахиджакова, С.Н. Бредихин, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Катермина, Ю.В. Кокора, Н.Ф. Крюкова, А.А. Лиховид, Л.А. Манерко, С.В. Серебрякова, О.Ю. Стародубова, М.С. Таценко, Р.Х. Туова, М.А. Ткачев, З.Р. Хачмафова, А.С. Черкасова, К.Э. Штайн и др.). Он обладает рядом специфических характеристик, совокупность которых воздействует на становление и трансформацию ценностных ориентиров личности. Во-первых, литературно-художественный дискурс формирует способность к пониманию другого, которую Д.С. Лихачев называл основным качеством интеллигентного человека, в противовес непониманию, сопряженному с грубостью, агрессией и др., являющими собой признак душевной и духовной слабости [11, с. 36–37]. Как отмечал Г.И. Богин, понимание помогает людям развиваться, улучшает взаимодействие между людьми и народами, обогащает «духовную жизнь индивида и рода, делая людей умнее, лучше и чище» [1]. Во-вторых, литературно-художественный дискурс создает эстетическую реальность, в которой, согласно В.И. Карасику, получают воплощение аксиогенные ситуации, без назидания концептуализируются смыслы и формируются оценки [6]. В.И. Тюпа называет креативность залогом культурного прогресса [16, с. 23], а феномен творчества и создания целостного эстетического мира – культурным событием [Там же, с. 26–27]. В результате складывается полилогическое поле возможного взаимодействия, творчества и сотворчества. В этой связи убедительно звучит высказывание В.А. Миловидова, определяющего литературу как часть культуры, которая, в свою очередь, выступает как «процесс обмена смыслами», открытыми интерпретирующему сознанию [12, с. 6]. Именно в литературно-художественном

дискурсе получает многогранную репрезентацию когнитивный субстрат системы языка, а также языкового мышления, как справедливо полагает Е.В. Савицкая [15].

Поэтический дискурс в системе художественного представляет наивысшую компрессию смысла или «сгущение мысли» [13; 14], что сопряжено с синергией художественного мировидения. Р. Якобсон характеризует поэзию как язык в его эстетической функции [19, с. 218]. А.А. Потебня также называет поэзию особым способом мышления, формирующим гармонию [14, с. 226–228]. К.Э. Штайн, в свою очередь, справедливо отмечает, что как феномен гармония способствует преодолению хаоса, а в рамках поэтического текста она определяет его целостность, глубину и дает возможность внутренней саморегуляции [18, с. 9–22].

В основе поэтического дискурса лежат концепты, отражающие духовно-эмоциональное пространство человеческого бытия. Будучи бинарными по сути [5], они репрезентируют направление разумной динамики, нацеленной на гармонию в мире. Одним из наиболее значимых в данной связи можно назвать концепт «душа», справедливо привлекающий внимание исследователей (О.В. Воропаева, Л.В. Варданян, В.В. Колесникова, А.К. Перевозникова, В.А. Степаненко, С.А. Кошарная и др.). Особое воплощение данный концепт получает в контексте поэтического мировидения. О.В. Воропаева акцентирует внимание на том факте, что «дух» и «душа» являются ядерными элементами пространства русской духовной поэзии [3, с. 6]. Данный концепт также занимает важное место и в концептосферах зарубежных авторов, уделяющих внимание внутреннему миру человека.

Поэтический мир Р.М. Рильке признается сложным, многогранным, загадочным и неисчерпаемым (И.А. Воробей, Е.Л. Лысенкова, Е.С. Шерстнева и др.). Синергия мировидения формирует неожиданные образы и поэтические трансформации. Так, в книге стихов («*Buch der Bilder*») духовность воплощается посредством контекстуальной презентации взаимосвязанных и взаимодействующих лексических единиц, формирующих авторское понимание: *Seele, Gefühl, Herz, Flügel, Engel*, которые занимают ключевые позиции в процессе развертывания художественного пространства и открывают грани концепта «душа». Ср.:

*Was spielst du, Knabe? Siehe deine Seele
verfing sich in den Stäben der Syrinx.*

Книга стихов Р.М. Рильке «*Buch der Bilder*» требует респонзивного мышления, понимаемого по В.П. Литвинову как «мышление, отвечающее на вызов» [10, с. 13], а также применения герменевтических техник понимания (декодирования, распрямления, герменевтического круга и др.), предложенных Г.И. Богиным [1] с целью выявления смыслов и постижения метасмыслов. В данном контексте понятие души получает сопряжение с представлениями о музыке и пении птиц. Творческий процесс выступает как исходная позиция и основа для постижения единства и многогранности мира, его непростого развития и становления. Ср.:

*Gieb ihr ein Schweigen, dass die Seele leise
heimkehre in das Flutende und Viele,
darin sie lebte, wachsend, weit und weise,
eh du sie zwangst in deine zarten Spiele.*

Посредством персонификации (*dass die Seele leise heimkehre/sie lebte, wachsend, weit und weise* и др.) формируется синергичная ткань поэтического мироздания, в котором душа получает независимость от тела, осязаемость, а также демонстрирует динамику развития. Способ презентации, по сути, позволяет воспринимать ее как основу человеческого бытия, тем самым снижая роль физической ипостаси мира. Амбивалентность

бытия открывается посредством единения физического и духовного, конкретного и абстрактного, музыки и тишины. Аллитерации также способствуют проявлению «духовной музыки, звуков духовного бытия». Ср.:

*Wie sie schon matter mit **den Flügeln** schlägt
so wirst du, **Träumer**, ihren **Flug** vergeuden...*

Образ крыла апеллирует к греческой мифологии, согласно которой душу (Психею) можно представить в виде бабочки или девушки с крыльями. Одновременно поэтический язык открывает возможность единения двух миров: духовного/иллюзорного и физического посредством *Träumer* и *Flug*, сближая их. В этом мире *Träumer* становится проводником между двумя пространствами и, способствуя актуализации полисемии, фиксирует многозначность понятия *Flug*. В художественном дискурсе полет преимущественно представляется как амбивалентное понятие, в смысловой структуре которого более весомой оказывается метафорическая составляющая (духовный подъем, достижения, радость бытия). Анализируя современный художественный дискурс, А.С. Черкасова называет смысл «состояние полета» неотъемлемой частью духовной жизни человека, формой бытия «между небом и землей» [17]. Открывается специфическая характеристика поэтического дискурса – одновременное сохранение нескольких значений. В результате ощущение духовного полета может стать реальным или остаться иллюзорным. Ср.:

*Sie haben alle müde Münde
und **helle Seelen ohne Saum** (Die Engel).*

Душа имеет божественную природу, т.к. открывает сопричастность миру ангелов. Но сочетание *helle Seelen* обнаруживает в рамках бинарии (в терминологии С.Г. Воркачева: см.: [4; 5]) имплицитный антисмысл: если души ангелов наполнены светом, светлые (*hell*), есть и возможность противоположных характеристик в ином, вероятно, человеческом мире, а *ohne Saum* заставляет переосмыслить сущность таких понятий, как открытость миру, искренность, прямота, чистосердечие и др. Ср.:

*Da sind sie wieder wie vor **allem Leide**
und schlafen **arm und** haben **keinen Ruhm**,
und ihre Seelen sind wie weiße Seide,
und von derselben Sehnsucht **beben beide**
und fürchten sich vor ihrem Heldentum.*

Пространство чистоты ассоциируется с областью единения цветового, звукового и эмоционального восприятия, при этом белый цвет символизирует отсутствие грехов, основным из которых является гордыня. В результате наряду с аксиологической в тексте формируется индивидуально-авторская эмоциональная картина мира, которая неотделима от поэтической, являя собой, как определяет Н.А. Красавский, оценочную «деятельность сознания при ментальном освоении фрагментов мира» [8, с. 59]. Музыка слова на базе аллитераций и повторов способствует формированию ощущения вечных проблем духовного бытия. Ср.:

*Auf Silber sprach jetzt Ring zu Ring,
und Stimme war in jedem Ding,
und wie **in vielen Glocken** hing
die Seele jedes Dings.*

Специфической характеристикой мировидения Р.М. Рильке является одухотворение вещи как носителя памяти о человеке, поколениях и эпохах. Посредством образа ко-

локола и понятия души предметный мир сближается с ангельским и божественным, а человек оказывается посредником между мирами земным и небесным. Ср.:

*Der blasse Zar wird nicht am Schwerte sterben,
die fremde Sehnsucht macht ihn sakrosankt;
er wird die feierlichen Reiche erben,
an denen seine sanfte Seele krankt.*

Здоровье и счастье личности не связаны с материальными ценностями, определяются не богатством и признанием, а духовным состоянием, которое находится в тесной взаимосвязи с эмоциональным миром, ощущением/отсутствием ощущения покоя, радости или тоски. Ср.:

*Meine Seele ist vielleicht grad und gut;
aber mein Herz, mein verbogenes Blut,
alles das, was mir wehe tut,
kann sie nicht aufrecht tragen.*

Дихотомия души и тела, духовного и физического пространств репрезентируется путем противопоставления *Seele* (души), символизирующей веру, надежду, мечты и *Herz* (сердца), символизирующего духовную и физическую боль, во взаимосвязи с *Blut* (кровью), олицетворяющей связь с предшествующими поколениями. Ср.:

*Mit meinen Sinnen, wie mit Vögeln, reiche
ich in die windigen Himmel aus der Eiche,
und in den abgebrochnen Tag der Teiche
sinkt, wie auf Fischen stehend, mein Gefühl.*

Синергийное измерение поэтического мира посредством сравнений и метафор создает единую неповторимую реальность, отличную от любых иных. В данной связи следует обратиться к мнению В.В. Волкова, акцентирующего внимание на том факте, что синергия художественного текста формируется не столько «внутри» сложноорганизованных его свойств – категорий, а в большей степени в их межкатегориальном взаимодействии, лежащем в основе «особой тайны» художественности [2, с. 99]. В этом измерении переплетаются мыслимое и ощущаемое, время и пространство, предметы, явления и представления. Ср.:

*Fühltest Du nicht, wie sehr wir in Dich drangen
mit allem Fühlen, Fürchten und Verlangen:
wir warten auf Dein liebes Angesicht,
das uns vergangen ist; wohin vergangen?*

Это трансцендентное измерение сближает человека посредством души и чувств с Божественным миром. Ср.:

*Ich hörte Dinge, die nicht hörbar sind:
die Zeit, die über meine Haare floß,
die Stille, die in zarten Gläsern klang, –
und fühlte: nah bei meinen Händen ging
der Atem einer großen weißen Rose.*

Выстраивая синергийное пространство, автор опирается на классический и развернутый оксюморон и демонстрирует кардинальные отличия духовного мира от физического. Он наделяет время способностью соприкасаться с предметами физического мира (*die Zeit, die über meine Haare floß*), тишину – звучанием (*die Stille...klang*), цветы/пред-

меты/красоту мира – дыханием (*der Atem einer großen weißen Rose*), а человека – сверхчувственным восприятием (*Ich hörte Dinge, die nicht hörbar sind*), умением слышать и постигать те стороны мира, которые, согласно бытовым представлениям, невозможно воспринимать посредством данных человеку органов чувств. Ср.:

*Alles ging mir **aus dem Herzen** fort,
ich wußte erst nicht wohin;
aber dann fand ich sie alle dort,
alle Gefühle, das, **was ich bin**,
stand versammelt und drängte und schrie
an den vermauerten Augen, die sich nicht rührten.*

В результате поэтической рефлексии происходит рождение смыслов, которые, по мнению В.И. Карасика, представляют собой приращения к квантам переживаемого знания [7, с. 293]; в результате осмысления и самопознания поэт воспринимает себя как совокупность чувств и эмоций, способных к действиям. Это чувства, не определяемые внешним миром, а определяющие и формирующие его, идентифицирующие и ранжирующие значимость объектов и явлений, ограничивающие и связующие разные пространства в противовес представлениям о роли общепринятых органов чувств, возможности которых оказываются иллюзорными (*an den vermauerten Augen, die sich nicht rührten*). Ср.:

*Nur wenn sie **ihre Flügel** breiten,
sind sie die **Wecker eines Winds**:
als **ginge Gott** mit seinen weiten
Bildhauerhänden durch die Seiten
im dunklen **Buch des Anbeginns**.*

Образные средства, аллюзии, аллитерации акцентируют значимость духовности/духовного мира, лежащего в основе творческого процесса и творчества как смысла бытия человека и человечества в целом. Ср.:

*Wunderlicher Blau,
in sich bewegt und von sich selbst gehalten,
Gestalten bildend, **Riesenflügel**, Falten
und Hochgebirge vor den ersten Sternen
und plötzlich, da: ein Tor in solche Fernen,
wie sie vielleicht nur **Vögel** kennen...*

Духовность человека, получая сопряжение с полетом (*Riesenflügel, Vögel*), символизирует возможность преодоления земных ограничений, расширение пространств и возможностей, открывающих постижение свободы, красоты и счастья. С.Г. Воркачев справедливо пишет о том, что счастье – это душевное состояние, которое могут испытать только «существа, наделенные душой» [4, с. 21]. Ср.:

*Im welken Walde ist ein Vogelruf,
der **sinnlos scheint** in diesem welken Walde.
Und dennoch ruht der runde **Vogelruf**
in dieser Weile, die ihn schuf,
breit wie ein Himmel auf dem welken Walde.*

Повторы (*Vogelruf, im welken Walde*) выстраивают кольцевую структуру, в рамках которой иллюзорность и кажущаяся бессмысленность перерастает в бесконечные пространства, объединяющие безбрежность, бесконечность и вечность, являющие собой основу бытия.

Таким образом, поэтический дискурс в системе художественного представляет наивысшую компрессию смысла, базирующуюся на неожиданных образах и поэтических трансформациях. В поэтической книге стихов Р.М. Рильке «*Buch der Bilder*» душа предстает как сложное структурно-семантическое образование, определяемое специфической точкой рефлексии, позволяющей увидеть мир как синергичное образование, в рамках которого особым образом ранжируется значимость объектов и явлений. Эмоционально-экспрессивный способ презентации амбивалентного мира позволяет трактовать духовность как основу человеческого бытия, тем самым снижая роль его физической ипостаси. Постепенная кристаллизация смысла в процессе последовательной презентации смысловых граней открывает неповторимые краски индивидуально-авторского мировидения.

Список литературы

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь, 2001 // URL: <https://klex.ru/2s6?ysclid=mgnxd319h620079517> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Волков В.В. Синергия и синергетичность в системе атрибутов художественного текста // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 1 (64). С. 95–108.
3. Воропаева О.В. Лингвоконцепты «Дух» и «Душа» в русской духовной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2016.
4. Воркачев С.Г. *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии: Монография. Волгоград: Парадигма, 2012.
5. Воркачев С.Г. О свойствах страсти: семантическое единство страсть – бесстрастие в лингвокультуре. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2024.
6. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019.
7. Карасик В.И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008.
9. Литвинов В.П. Работа логоса. Пятигорск: ПГФА, 2007.
10. Литвинов В.П. Герменевтические опыты. Пятигорск: ПГУ, 2018.
11. Лихачев Д.С. Письма о добром. М.: Наука, 2006.
12. Миловидов В.А. Семиотика литературно-художественного дискурса: Монография. М.: Буки Веди, 2016.
13. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
14. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
15. Савицкая Е.В. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления: Монография. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, Порто-Принт, 2021.
16. Тюпа В.И. Творчество как явление культуры // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 22–33.
17. Черкасова А.С. Лингвосинергетические особенности кристаллизации аксиологических доминант: на материале романа Р. Баха «Мост через вечность: история любви»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
18. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: СГУ, 2006.
19. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987.

* * *

1. Bogin G.I. Obretnie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku. Tver', 2001 // URL: <https://klex.ru/2s6?ysclid=mgnxd319h620079517> (data obrashcheniya: 12.09.2025).
2. Volkov V.V. Sinergiya i sinergetichnost' v sisteme atributov hudozhestvennogo teksta // Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya. 2020. № 1 (64). S. 95–108.
3. Voropaeva O.V. Lingvokoncepty «Duh» i «Dusha» v russkoj duhovnoj poezii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Arhangel'sk, 2016.

4. Vorkachev S.G. Anglica selecta: izbrannye raboty po lingvokonceptologii: Monografiya. Volgograd: Paradigma, 2012.
5. Vorkachev S.G. O svoystvah strasti: semanticheskoe edinstvo strast' – besstrastie v lingvokul'ture. Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 2024.
6. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy. M.: Gnozis, 2019.
7. Karasik V.I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti. Volgograd: Paradigma, 2014.
8. Krasavskij N.A. Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: Monografiya. M.: Gnozis, 2008.
9. Litvinov V.P. Rabota logosa. Pyatigorsk: PGFA, 2007.
10. Litvinov V.P. Germenevticheskie opyty. Pyatigorsk: PGU, 2018.
11. Lihachev D.S. Pis'ma o dobrom. M.: Nauka, 2006.
12. Milovidov V.A. Semiotika literaturno-hudozhestvennogo diskursa: Monografiya. M.: Buki Vedi, 2016.
13. Potebnya A.A. Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk. M.: Labirint, 1999.
14. Potebnya A.A. Slovo i mif. M.: Pravda, 1989.
15. Savickaya E.V. Kognitivnyj substrat semanticheskoy sistemy anglijskogo yazyka i anglijskogo yazykovogo myshleniya: Monografiya. Samara: Samarskij gos. social'no-pedagogicheskij un-t, Porto-Print, 2021.
16. Tyupa V.I. Tvorchestvo kak yavlenie kul'tury // Novyj filologicheskij vestnik. 2024. № 3 (70). S. 22–33.
17. Cherkasova A.S. Lingvosinergeticheskie osobennosti kristallizacii aksiologicheskikh dominant: na materiale romana R. Baha «Most cherez vechnost': istoriya lyubvi»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2004.
18. Shtajn K.E. Garmoniya poeticheskogo teksta. Sklad. Tkan'. Faktura. Stavropol': SGU, 2006.
19. Jakobson R. Raboty po poetike: Perevody. M.: Progress, 1987.

***The conceptualization of spirit and spirituality in the poetry of R.M. Rilke
(on the basis of the collection of poems “The Book of Images”)***

The specific character of conceptualization of axiological dominant ideas of culture in the space of literary and fictional discourse is described. The poetic discourse is described as the system with the following characteristics: concentration, synergy, conceptualization and crystallization of the sense of axiological dominant ideas. The senses, representing the concept “spirit” in the poetic discourse, are revealed.

Keywords: *discourse, poetry, axiology, concept, spirit, sense, synergy.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2025).

Л.С. КАЛМЫКОВА

Н.А. КРАСАВСКИЙ

Волгоград

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Анализируются особенности употребления антропоморфной метафоры в рассказах и новеллах известного писателя XX века Стефана Цвейга. Установлено, что в них наиболее часто метафоризируются чувства и эмоции. Данный лингвистический факт объясняется психологизмом прозы австрийского писателя, его коммуникативной интенцией показать сложный внутренний мир человека. Определены базовые функции антропоморфной метафоры в произведениях Стефана Цвейга: образная, экспрессивная и характерологическая.

Ключевые слова: метафора, антропоморфная метафора, текст, функция, новелла, рассказ, протагонист.

Изучение художественно-выразительных ресурсов языка, в частности метафоры, – традиционный объект многочисленных филологических изысканий [1; 2; 4; 5; 14; 17; 19]. Е.Н. Винарская, высоко оценивая потенциал метафоры, справедливо замечает: «Образная мысль характеризуется принципиальной метафоричностью. Наиболее ярко это свойство художественных текстов воплощается в таком классе его стилиобразующих выразительно-изобразительных лингвистических средств, как тропы и фигуры. Оригинальные тропы не только придают образам переносные значения и тем самым выразительные эмоциональные оттенки, но и вызывают на себя дополнительные ориентировочные реакции читателя» [3, с. 27].

Исследование художественного потенциала языка филологами позволяет определить его многочисленные функции – в первую очередь эстетическую, поэтическую и экспрессивную. Заметное место в исследовании художественно-выразительных ресурсов языка занимают научные труды, авторы которых ставят задачу описания индивидуальных стилей конкретных писателей [6; 7; 9; 10; 11, с. 121–36; 12; 13; 16]. Филологами выявляется, в частности, индивидуально-авторское употребление тропов – метафор, метонимии, сравнений и других стилистических средств языка. Их выявление в индивидуальной языковой картине мира того или иного писателя позволяет не только увидеть авторскую специфику употребления речевых ресурсов и, следовательно, образов и ассоциаций в его сознании, но и судить в целом о мировоззрении, мироощущении индивида.

В настоящей статье исследуется антропоморфная метафора как часто используемый троп в произведениях известного австрийского писателя прошлого века Стефана Цвейга (1881–1942 гг.).

Антропоморфная метафора находит, как известно, широкое применение в художественных текстах [1; 3; 18; 19], что обусловлено ее полифункциональной природой, в особенности выполняемой ею образной и экспрессивной функций. Приписывание явлениям природы, объектам мира – в том числе и внутреннего (чувственного, психологического) мира человека – способностей совершать определенные действия (думать, размышлять, переживать и т.п.) детерминировано, по всей видимости, прежде всего пси-

психологической установкой человека измерять, оценивать мир сквозь призму своего «Я». Для человека психологически релевантны его собственные поступки, преобразующие действительность, воздействующие на нее. Ассоциативный характер мышления человека обуславливает олицетворение объектов мира. Очевидно, что объем ассоциативного репертуара каждого индивида различен и нередко уникален. Не менее очевидно, что разнообразием и богатством ассоциативных рядов отличаются в первую очередь писатели, поэты, обладающие развитым образным мышлением, владеющие умением, даром образно и экспрессивно в художественной форме изображать действительность. К их числу относится Стефан Цвейг, чей идиоматический язык изобилует метафорами, большая часть которых оригинальны, неповторимы (см. подробнее: [10, с. 118–175]).

Многие представители европейской интеллигенции, в особенности австрийские писатели, находились в 10–20-е гг. прошлого века под сильным влиянием психоаналитического учения З. Фрейда. Не был исключением и С. Цвейг, знакомый и – более того – длительное время (в течение 30 лет) переписывавшийся со знаменитым психоаналитиком. Писатель высоко ценил психоанализ своего соотечественника, в частности технику свободных ассоциаций, раскрывающих человеческое подсознательное. «Цвейг на протяжении всей своей жизни занимался популяризацией психоаналитического метода, усердно работал на паблисити его творца, применяя усвоенные уроки в собственных работах», – пишет В.Н. Никифоров, эксперт по творчеству писателя [15, с. 460]. Не случайно С. Цвейга, наряду с австрийским писателем А. Шницлером, считают наиболее ярким представителем европейской психологической прозы [8, с. 22–51]. Увлечение психоанализом, как представляется, способствовало сознательному созданию С. Цвейгом острых, захватывающих сюжетов. Некоторые из них напоминают приключенческую, а порой и детективную литературу. Первостепенную роль для писателя играл при этом не только материал и стиль повествования, но и языковые средства воплощения авторского коммуникативного замысла.

Обращение к анализу ряда произведений Стефана Цвейга показывает, что высоким индексом частотности употребления в них обладает антропоморфная метафора. Этот факт обусловлен, как мы указывали выше, своеобразным эгоцентризмом человека – его стремлением квалифицировать окружающую действительность, ее субъектов и событий, происходящих в ней, через призму своего «Я».

В новелле «Страх» («Angst»), произведении, наиболее полно, ярко и красочно отражающем фрейдистские следы, антропоморфная метафора служит эффективным средством описания психологического состояния персонажей, прежде всего эмоционального состояния протагонистки Ирены Вагнер. Показательно, думается, и само название новеллы. Приведем пример, иллюстрирующий страх Ирены: «Ihre Gedanken wanderten den Weg unablässig zurück und schrakten immer entsetzt empor, wenn sie zu jener Minute kamen, in die grauenhafte Nähe der Erpresserin» (*Ее мысли неустанно возвращались по этому пути и всякий раз в ужасе замирали, когда достигали той минуты, той жуткой близости с шантажисткой. – Здесь и далее перевод наш – Л. К., Н. К.*) [20]. Выражение «die Gedanken wanderten ... und schrakten» (букв. *Ее мысли возвращались и ужасали*) описывает страх героини новеллы перед ее преследовательницей-шантажисткой. Сильное беспокойство мешает Ирене Вагнер сконцентрироваться, страх не позволяет ей мыслить здраво, оставаться адекватной в восприятии мира. Глаголом *schrecken* «ужасать» здесь передана высокая степень проявления концепта «страх». Чувство страха выражается и в текстовом эпизоде, когда протагонистка просыпается после пережитого во сне кошмара и видит перед собой мужа. Она испытывает жуткий страх, т.к. осознает, что он мог слышать ее непроизвольные бормотания и крики, полные отчаяния, во сне и понять их причину, догадаться о любовной афере супруги и маниакально преследуемой ею шантажистке, угрожающей выдать тайну ее

измены общественности. Страх образно персонифицирован. Он уподобляется острому предмету, пронзившему человеческую плоть: «Ein Schrecken zuckte ihr durch und durch» (*Ужас пронзил ее насквозь*) [Там же]. Мы видим, что чувство страха изводит главную героиню, изматывает ее морально и не дает ей вернуться к прежней спокойной жизни, подтверждением чего служит употребление метафоризируемого субстантива *Schrecken* и глагола *zucken*. Приведенные выше примеры выполняют в тексте в первую очередь экспрессивную и образную функции, в яркой форме выражая чувства протагонистки. Показателен второй пример, в котором читатель ассоциативно, с опорой на семантику глагола *zucken*, живо представляет себе образ ножа, кинжала. Если же оценивать примеры из новеллы с позиции адресата, то речь идет о реализации суггестивной функции. Писатель осознанно воздействует приведенным выше фрагментом текста на читателя, провоцируя у него целый каскад переживаний и – возможно – сопереживаний.

Высокий индекс частотности употребления антропоморфной метафоры страха в данном произведении объясняется как большим прагматическим потенциалом этого тропа, так и самим художественно и мастерски изображенным сюжетом. Чувство страха может сковывать человека в поступках, блокировать его активность в целом (в данном случае Ирену): «...packte sie mit einem Male wieder jene sinnlose Angst» (... и снова охватил ее тот бессмысленный страх) [20]. Страху приписывается человеческая способность хватать людей. Обращает на себя внимание употребление акционального глагола *packen* ‘хватать’, обладающего семой активного, если не сказать – крайне агрессивного действия.

Переживание страха замедляет когнитивную деятельность человека. Он мешает Ирене Вагнер рационально мыслить. Охваченная страхом, она не может придумать правдоподобную историю своего отсутствия в доме для объяснения мужу: «Sonst rüstete sie immer im Voraus eine sorgfältig ausgeklügelte, allen Möglichkeiten der Überprüfung trotzende Lüge, heute aber hatte die Angst sie daran vergessen lassen und zu einer so ungeschickten Improvisation gezwungen» (*Обычно она заранее готовила тщательно продуманную ложь, которая выдерживала любую проверку, но сегодня страх заставил ее забыть об этом и прибегнуть к столь неуклюжей импровизации*) [20]. Страх – главный мотив поступка Ирены сокрыть содеянное от мужа (супружескую измену). Страх преследует протагонистку, не дает ей жить спокойно, что мы можем заметить и в следующем примере: «Sie vermochte nicht mehr zu lesen, nichts mehr zu tun, dämonisch gejagt von ihrer inneren Angst» (*Она больше не могла ни читать, ни что-либо делать, одержимая демонической внутренней тревогой*) [Там же]. Удачное использование писателем глагола *jagen* 1. ‘гнать’; 2. ‘охотиться’ вызывает у читателя ассоциацию с охотником, преследователем и его беззащитной жертвой. Этот образ, равно как и упоминание мифологического существа демона, экспрессивизирует приведенное текстовое высказывание, тем самым реализует образную и экспрессивную функции антропоморфной метафоры.

В рассказе «Звезда над лесом» («Der Stern über dem Walde») особая роль отведена описанию метафоризируемых мыслей протагониста, что объясняется интровертностью, мечтательной натурой, нерешительностью и закомплексованностью протагониста – официанта Франсуа. Автор раскрывает образ персонажа, в основном, не через поступки, а через описание потока его мыслей, обнажающих в художественной форме мироощущение протагониста. Следует заметить, что этот рассказ, в отличие от предыдущей новеллы, – образец монологической прозы. Текст рассказа представляет собой бесконечные внутренние рассуждения, переживания главного действующего персонажа. Эту манеру повествования С. Цвейг перенял у почитаемого им Артура Шницлера – представителя «венского модерна» (достаточно вспомнить его повесть «Поручик Густль»),

успешно практиковавшего «поток сознания» как средство психологической характеристики художественного персонажа.

Понимание Франсуа факта нулевых шансов на симпатию и внимание со стороны графини Островской, обслуживаемой им как официантом, передано С. Цвейгом посредством метафоризации его мыслей: «Und plötzlich liefen alle Gedankenketten stürmisch und unabwendbar zusammen» (*И внезапно все цепочки мыслей бурно и неотвратно сплелись воедино*) [23]. Использование писателем глагола *zusammenlaufen* ‘соединиться, сплестись’, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует ход мыслей протагониста. Цепочки мыслей сходятся воедино, образуют некий механизм – четкий план того, что ему следует делать дальше. Именно в этот момент Франсуа решает покончить жизнь самоубийством. В приведенном ниже отрывке описывается эпизод, когда протагонист, лежа на рельсах в поле, ждет поезд, на котором графиня возвращается с курорта домой в Варшаву к мужу: «Die Gedanken erstarrten ihm ganz in dieser bangenden Einsamkeit» (*Мысли в нем застыли в этой тревожной, гнетущей пустоте одиночества*) [Там же]. Мысли суицидального Франсуа изображены как некая застывшая, лишенная всякого движения субстанция, вызывающая у читателя смутный, окрашенный траурной тональностью образ. Протагонист застыл в ожидании собственной смерти. Мысли наделены свойством «замирать», подобно тому как останавливается в движении, в полной растерянности человек, не знающий, что ему делать, как поступить дальше. Когда же поезд оказывается совсем рядом, психическое состояние Франсуа резко меняется: «Wirr sprangen die Gedanken» (*Беспорядочно мысли скакали в голове*) [Там же]. Здесь мыслям приписывается способность совершать резкие и лихорадочные движения. Они уподобляются некоему физическому субъекту, умеющему совершать интенсивные телодвижения, хаотичные действия. Прагматический эффект использования метафоры усиливается за счет употребления наречия *wirr* ‘спутанно, беспорядочно’, характеризующего поведение Франсуа. Протагонист взволнован, он не может справиться с мыслями, он обеспокоен тем, что его смерть останется незамеченной графиней, она так ничего не узнает ни о его любви, ни о причинах его суицида. В высказывании «Die Gedanken erstarrten ihm ganz in dieser bangenden Einsamkeit» реализуются образная и экспрессивная функции. Используемый в нем глагол *erstarren* вызывает у читателя ассоциации с чем-то застывшим, лишенным жизни. Оценочное словосочетание *bangende Einsamkeit*, образно передающее состояние протагониста, выполняет экспрессивную функцию.

С помощью антропоморфной метафоры характеризуется и сама любовь Франсуа к графине: «Eine Liebe ohne Besonnensein, die nicht denkt, sondern nur träumt» (*Любовь без рассудка, которая не думает, а только мечтает*) [23]. Любовь протагониста описывается как нечто безрассудное, лишенное рациональности, но только мечтающее и не способное к действиям. Метафора раскрывает в приведенном текстовом эпизоде не столько саму «анатомию» любви протагониста, сколько его характер в целом. Чувство любви, овладевшее Франсуа, граничит с болезненным состоянием, чуть ли не с глубоким психическим расстройством. Протагонист не совершает каких-либо поступков (даже речевых), он абсолютно инертен. Мечтательность и созерцательность, на наш взгляд, – это базовые характеристики психологически мастерски описываемого С. Цвейгом персонажа.

В рассказе «Звезда над лесом» антропоморфная метафора, помимо образной и экспрессивной функций, выполняет и характерологическую функцию. Посредством этого тропа развернуто дается психологический портрет протагониста.

В новелле «Письмо незнакомки» («Der Brief einer Unbekannten») применение антропоморфной метафоры обусловлено прежде всего интенцией С. Цвейга детально, глубоко раскрыть мир глубоких чувств, всю гамму эмоций главного действующего персонажа. После возвращения в Вену девушка (ее имя ни разу С. Цвейгом не названо) пы-

тается увидиться со знаменитым писателем Р., в которого она влюбилась еще в подростковом возрасте. Момент случайной встречи героини с ее возлюбленным описывается ею в приведённом ниже примере: «Unwillkürlich streifte mich Dein zerstreuter Blick, um sofort, kaum daß er der Aufmerksamkeit des meinen begegnete – wie erschrak die Erinnerung in mir!» (*Непроизвольно скользнул по мне твой рассеянный взгляд, и тотчас, едва он встретился с моим внимательным взглядом, – как робко, боязливо вздрогнули во мне воспоминания!*) [22]. Взгляд статусного мужчины, избалованного повышенным женским вниманием, мельком, но с интересом фокусируется на привлекательной внешности героини, что приводит ее в замешательство. Воспоминаниям девушки приписывается антропоморфный признак – способность дрожать. Они способны переживать чувство страха, испытывать робость. Девушка, с детства влюбленная в писателя, теперь, после встречи взглядами, впервые ощущает себя взрослой, понимает, что ее детская мечта может воплотиться в жизнь. Это обстоятельство и пугает, и радует ее.

В момент, когда главные действующие лица видятся в последний раз и молодая женщина пытается воскресить у возлюбленного воспоминания о ней, автор метафоризирует душу незнакомки: «Meine ganze Seele zitterte in dem Gedanken» (*Вся моя душа дрожала при этой мысли*) [22], что имеет своим результатом художественное изображение главного действующего лица. Удачен выбор С. Цвейгом при описании эмоционального состояния девушки глагола *zittern*, передающего богатую палитру ее душевных порывов.

В коммуникативном пространстве новеллы «Жгучая тайна» («Brennendes Geheimnis») значительное место занимает описание глубоких и импульсивных переживаний персонажей. При этом активна роль метафоры. Так, узнав тайну барона-ловеласа и матери, Эдгар чувствует себя обманутым и преданным. Барон, как теперь понимает Эдгар, проявлял к нему интерес только для того, чтобы познакомиться с Матильдой, матерью подростка. Душа Эдгара воспламеняется ненавистью к барону. Ненависти приписывается способность «скалить зубы»: «Sein Haß wies die blanken Zähne» (*Его ненависть оскалилась, обнажив острые зубы*) [21]. Читатель понимает: мальчик не собирается играть по правилам взрослых, притворяясь, что ничего не происходит. В этот момент он мыслит себя личностью, а не тенью матери. В приведенном выше высказывании реализуется образная функция. Образ острых, обнаженных зубов – знак угрозы, намерения предпринять агрессивные действия.

Переживания Матильды, так же как и эмоции, чувства ее сына Эдгара, часто описываются посредством метафоры: «In ihr war seit gestern ein Mißbehagen erwacht, das ihr dasselbe sagte: eindringlicher und eindringlicher» (*Со вчерашнего дня в ней пробудилось неприятное чувство, которое все настойчивее и настойчивее говорило ей то же самое*) [21]. Глаголами *erwachen* ‘пробудиться’, *sagen* ‘говорить, сказать’ приписываются способности человека пробуждаться и говорить его чувствам (*Missbehagen* – ‘неприятное чувство, дискомфорт, неудовлетворенность’).

Резюмируем изложенное выше.

Антропоморфная метафора широко применяется в прозе Стефана Цвейга. Так, этот троп употребляется 47 раз в новелле «Страх», 50 раз в рассказе «Звезда над лесом», 58 раз и 55 раз в произведениях «Жгучая тайна» и «Письмо незнакомки». Причина активного употребления антропоморфной метафоры в произведениях писателя видится прежде всего в значительной психологической напряженности их сюжетов, в авторской интенции в мельчайших деталях показать всю широкую панораму психической жизни своих персонажей. Метафора служит писателю эффективным художественно-изобразительным средством выражения глубинных смыслов, фиксирующих познавательный человеческий опыт, позволяет художнику слова ярко, образно передать эмоциональный мир человека.

В новеллах и рассказах С. Цвейга метафоризируются переживания человека и его мысли. Наиболее часто посредством антропоморфной метафоры художественно описываются такие чувства персонажей, как страх и любовь.

Использование антропоморфной метафоры в произведениях австрийского писателя служит реализации образной, экспрессивной и характерологической функций.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2009.
3. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высшая школа, 1989.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001.
6. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983.
7. Грищенко А.И. Идиостиль Николая Моршенина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2008.
8. Жеребин А.И. На рубеже веков // История австрийской литературы XX века. Т. 1. Конец XIX – середина XX века. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. С. 22–51.
9. Захарова Е.М. Структурные, семантические и прагматические характеристики сравнения в индивидуально-авторской картине мира Германа Гессе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2019.
10. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля: Монография. Волгоград: Перемена, 2023.
11. Красавский Н.А., Москалев И.Ю. Эпитет и метафора как художественно-выразительные средства идиостиля Артура Шницлера // Мир лингвистики и коммуникации. 2021. № 2. С. 121–136.
12. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учеб. пособие. М.: Флинта:Наука, 2004.
13. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): Учеб. пособие. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984.
14. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частные классификации. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
15. Никифоров В.Н. Стефан Цвейг // История австрийской литературы XX века. Т. 1. Конец XIX – середина XX века. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. С. 447–465.
16. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1992.
17. Потемня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990.
18. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д.Н. Шмелев: Монография. СПб.: Наука, 1993.
19. Федоров А.И. Образная речь. Новосибирск: Наука, 1985.
20. Zweig Stefan. Angst. Hamburger Lesehefte Verlag. Husum/Nordsee. 2013.
21. Zweig Stefan. Brennendes Geheimnis // URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/24173> (дата обращения: 22.08.2025).
22. Zweig Stefan. Brief einer Unbekannten // Zweig Stefan. Brief einer Unbekannten. Die Hochzeit von Lyon. Der Amokläufer. Drei Erzählungen. Frankfurt am Main. S. Fischer Verlag. 1985.
23. Zweig Stefan. Der Stern über dem Walde // URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/zweig/sternwal/sternwal.html> (дата обращения: 13.08.2025).

* * *

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
2. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus. M.: Flinta, 2009.

3. Vinarskaya E.N. Vyzritel'nye sredstva teksta (na materiale russkoj poezii). M.: Vysshaya shkola, 1989.
4. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
5. Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka: Ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. M.: Ajris-Press: Rol'f, 2001.
6. Grigor'ev V.P. Grammatika idiostilya: V. Hlebnikov. M.: Nauka, 1983.
7. Grishchenko A.I. Idiostil' Nikolaya Morshena: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: MPGU, 2008.
8. Zherebin A.I. Na rubezhe vekov // Istoriya avstrijskoj literatury XX veka. T. 1. Konec XIX – seredina XX veka. M.: IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN, 2009. S. 22–51.
9. Zaharova E.M. Strukturnye, semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki sravneniya v individual'no-avtorskoj kartine mira Germana Gesse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2019.
10. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie konceptosfery emocij Germana Gesse, Stefana Cvejga i Roberta Muzilya: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2023.
11. Krasavskij N.A., Moskalev I.Yu. Epitet i metafora kak hudozhestvenno-vyrazitel'nye sredstva idiostilya Artura Shniclera // Mir lingvistiki i kommunikacii. 2021. № 2. S. 121–136.
12. Maslova V.A. Poet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoy: Ucheb. posobie. M.: Flinta:Nauka, 2004.
13. Mezenin S.M. Obraznye sredstva yazyka (na materiale proizvedenij Shekspira): Ucheb. posobie. M.: MGPI im. V.I. Lenina, 1984.
14. Moskvina V.P. Vyzritel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury: Obshchaya i chastnye klassifikacii. Terminologicheskij slovar'. 3-e izd. Rostov n/D: Feniks, 2007.
15. Nikiforov V.N. Stefan Cvejg // Istoriya avstrijskoj literatury XX veka. T. 1. Konec XIX – seredina XX veka. M.: IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN, 2009. S. 447–465.
16. Pishchal'nikova V.A. Problema idiostilya. Psiholingvisticheskij aspekt: Ucheb. posobie. Barnaul: Izd-vo Altajskogo universiteta, 1992.
17. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika / Sost., avt. vstup. st. i komment. A.B. Muratov. M.: Vysshaya shkola, 1990.
18. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka / Otv. red. D.N. Shmelev: Monografiya. SPb.: Nauka, 1993.
19. Fedorov A.I. Obraznaya rech'. Novosibirsk: Nauka, 1985.

Considering the issue of use of anthropomorphical metaphor in the fictional works by Stefan Zweig

The peculiarities of use of anthropomorphical metaphor in the stories and novellas of the known writer of the XXth century Stefan Zweig are analyzed. It is stated that feelings and emotions are the most frequently metaphorized in them. This linguistic fact is explained by the psychologism of the prose of the Austrian writer and its communicative intention to show the complicated inner world of man. The basic functions of anthropomorphical metaphor in the creative works by Stefan Zweig (imaginative, expressive and characterological) are identified.

Keywords: *metaphor, anthropomorphical metaphor, text, function, novella, story, protagonist.*

(Статья поступила в редакцию 05.10.2025).

Н.Н. КОТЕЛЬНИКОВА
Волгоград

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ КИТАЙСКОГО ГОРОДА

Анализируется китайская наружная социальная реклама, выявляются лингвосемиотические механизмы репрезентации ключевых социалистических ценностей Китая в городском лингвистическом ландшафте. Делается вывод, что руководство КНР умело и эффективно использует социокультурное пространство китайских городов с целью популяризации государственных и партийных идей.

Ключевые слова: КНР, лингвистический ландшафт, социальная реклама, основные социалистические ценности

Описание лингвистического ландшафта является относительно новым перспективным междисциплинарным методом изучения современного состояния языка и общества. Термин *лингвистический ландшафт* (linguistic landscape) ввели в употребление в 1997 г. Р. Лоундри и Р. Борхис, определявшие его как «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, названий улиц, вывесок на магазинах и общественных учреждениях» [9, р. 25]. Д. Гортер лаконично определяет лингвистический ландшафт (далее – ЛЛ) как «использование письменного языка в публичном пространстве» [8, р. 2]. Отечественные исследователи В.В. Баранова и К.С. Федорова дают следующее определение термину: ЛЛ – это «понятие, включающее всю совокупность визуального существования языка (и различных языков) в пространстве. Это любые указатели, рекламные щиты и плакаты, вывески, объявления, граффити, таблички с названиями улиц, районов, населенных пунктов и т.п., на которых в той или иной графике, с использованием тех или иных визуальных средств представлена различная информация, выраженная посредством языка» [1, с. 104]. Китайские исследователи определяют ЛЛ (语言景观) как «комплекс визуальных знаков (вербальных и невербальных, т.е. текстов, изображений или и того и другого), выполняющих определенные функции в общественном пространстве. Он включает дорожные знаки, рекламные щиты, вывески магазинов, названия организаций и учреждений, лозунги, слоганы, краткие сведения о туристических достопримечательностях и др.» [3, с. 598]. Проще говоря, ЛЛ – это все множество визуальных знаков и текстов, доступных наблюдателю в общественном пространстве. ЛЛ является чрезвычайно важным элементом жизни всего языкового сообщества. С одной стороны – это зеркало, отражающее мир людей, их быт, традиции, социокультурные и политические реалии, и поэтому является важным источником для понимания происходящих в конкретном обществе политических, социальных и культурных процессов. С другой стороны – это мощный инструмент формирования системы ценностей общества, культурных норм и стандартов, канал информации, который нельзя выключить, который постоянно, исподволь и зачастую неосознанно для адресатов влияет на восприятие мира представителями того или иного общества. В китайском обществе этот инструмент умело используется в качестве транслятора и популяризатора государственной идеологии. В КНР идеологическая работа является важной частью государственной политики, отражающей и определяющей долгосрочные траектории национального развития.

Одним из направлений идеологической работы является внедрение в общественное сознание основных социалистических ценностей, составляющих базовое ценностное содержание современной идеологии КНР.

Основные (ключевые) социалистические ценности Китая (社会主义核心价值观) – аксиологическая система, включающая 12 основных ценностей, – впервые были выдвинуты Ху Цзинтао в докладе на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 г., а в феврале 2014 г. были опубликованы в официальной газете ЦК КПК «Жэньминь жибао». Следует отметить, что само слово *ценности* (价值观) является новым для китайского языка. Оно образовано путем словосложения в результате слияния двух именных основ: 价值 (*стоимость, цена, ценность*) и 观 (*взгляд, мнение, концепция*), поэтому дословно может переводиться как *ценностные воззрения*. Как отмечает О. В. Дубкова, впервые слово 价值观 было зафиксировано в энциклопедическом словаре «Цыхай» в 1999 г., а в 2005 г. появилось в «Словаре современного китайского языка», где получило следующее определение: «Ценности – оценочные взгляды на определенные убеждения, тенденции, мнения и отношения, которые играют роль поведенческой ориентации, критериев оценки, принципов оценки и являются мерилем оценки» [2, с. 195]. 12 основных социалистических ценностей – это базовые ценностные концепты, записываемые 24-мя иероглифами, в связи с чем в китайской политической публицистике их называют «ценности в 24 иероглифах» (24字核心价值观). Они систематизированы в трехуровневую иерархию:

1) государство: 富强 (*богатство и могущество*), 民主 (*демократия*), 文明 (*цивизованность, культура*), 和谐 (*гармония, согласие*);

2) общество: 自由 (*свобода*), 平等 (*равенство*), 公正 (*справедливость*), 法治 (*верховенство права*);

3) личность: 爱国 (*патриотизм*), 敬业 (*преданность работе*), 诚信 (*честность, порядочность*), 友善 (*дружелюбие*).

Эта ценностная система сформирована на основе фундаментального мировоззренческого ядра социалистической доктрины, в рамках которой приоритет отдается коллективным интересам государства и общества, тогда как индивидуальные интересы рассматриваются как подчиненные и производные от общественных. Как отмечает А. В. Чебунин, «современная идеология КПК и КНР полностью сохранила ориентацию на социализм, где общество рассматривается не как совокупность индивидуумов, а как единое целое, которому принадлежат все ресурсы, управление и распределение которых основано на общественных интересах, в отличие от капиталистической системы, где контроль и распределение ресурсов основаны на частных интересах капиталистов. Соответственно интерпретация основных социалистических ценностей происходит в контексте этого базового мировоззренческого ядра, что обуславливает системность, целостность и единство социально-политического и аксиологического аспектов идеологии КНР» [7, с. 32]. Важно отметить, что эта система ценностей опирается на наследие конфуцианской мысли и традиционные категории духовной культуры китайского народа. Таким образом, ключевые ценности социализма, называемые Ху Цзиньтао «душой процветающего государства» (兴国之魂), призванные «направлять общественные идейные течения и способствовать достижению общественного консенсуса» [10], представляют собой систему социальных норм и правил традиционного китайского общества, ставшую фундаментом для построения социалистического общества с китайской спецификой. О важности продвижения идеи ключевых социалистических ценностей говорит и тот факт, что одна из поправок, внесенных в Конституцию КНР в 2018 г. (ст. 24 ч. 1) была направлена на подчеркивание их роли в развитии государства. Как отмечает Сун Лэй, «эти поправки следуют идеям XIX съезда КПК, способствуют установлению и реализации в обществе базовых ценностей соци-

ализма, укрепляют общую борьбу всего государства и всей партии за общие моральные устои» [6, с. 162].

Одним из важных инструментов популяризации и формирования основных социалистических ценностей в китайском обществе является ЛЛ китайских городов, благодаря которому идея ценностной системы стала «видимой» для каждого китайского гражданина. Эта «видимость» обеспечивается за счет большого количества билбордов и ситилайтов, плакатов, растяжек и баннеров, стел и интерактивных конструкций, на которых в вербальной или креолизованной форме представлены основные социалистические ценности Китая. Информацию, пропагандирующую систему социалистических ценностей, относят в Китае к социальной рекламе, что вполне закономерно, поскольку этот вид коммуникации как раз направлен на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам. В Китае для обозначения социальной рекламы используется термин 公益广告, который буквально переводится как «реклама, ориентированная на общественные интересы». Точных статистических данных относительно процента социальной рекламы среди всех видов наружной рекламы в Китае не существует, поскольку он варьируется в зависимости от конкретного города, региона. Однако следует заметить, что эта доля весьма велика. Так, документ *«Положение о контроле за объектами наружной рекламы в г. Шэньчжэнь»* устанавливает минимальный порог в 25% для размещения социальной рекламы в общем рекламном пространстве города [11], а в соответствии со статистическим исследованием, доля социальной рекламы в городах провинции Юньнань составляет 17,5% от общего количества наружной рекламы [12].

Материалом исследования послужили образцы китайской наружной социальной рекламы, отобранные методом целенаправленной выборки по тематическому признаку (содержание и форма выражения идей направлены на пропаганду основных социалистических ценностей Китая), общим объемом 210 единиц. Образцы наружной рекламы для исследования были собраны как путём полевой фотофиксации в городах Пекин и Тяньцзинь, так и взяты из сети Интернет (преимущественно с сайтов, на которых представлен корпус социальной рекламы (公益广告作品库) китайских городов/провинций). Поскольку подавляющее большинство образцов отобранной нами социальной рекламы представляют собой поликодовые тексты, в которых знаки не просто соседствуют, а взаимодействуют между собой, образуя единое целое, исследование основывалось на принципах лингвосемиотического анализа. Такой подход обеспечивает комплексное понимание коммуникации, показывая, как сочетание вербальных и невербальных элементов усиливает воздействие на адресата.

Наш анализ позволил выделить две основных формы представления 12 ключевых социалистических ценностей в ЛЛ китайского города: декоративные архитектурные композиции и плакаты.

Пропагандистские архитектурные композиции представляют собой разновидность малых архитектурных форм, выполняющих функцию художественно-декоративного элемента ландшафтного дизайна. Они устанавливаются в парковых зонах, вдоль тротуаров, на площадях, на газонах разделительных зон между полосами движения и т.п. Эти композиции являются основой для размещения на них иероглифических надписей, пропагандирующих социалистические ценности. Несмотря на то, что на композиции размещается только вербальная информация, такой городской текст также следует рассматривать как поликодовое, синкретическое сообщение, поскольку сами архитектурные композиции выполнены в форме некоего иконического знака, воплощающего определенный художественный образ (рис. 1–6).

Проведенное исследование показало, что в подавляющем большинстве случаев (84%) подобные архитектурные композиции выполнены в красном цвете. Красный

цвет – основной цвет китайской культуры, имеющий множество глубинных смыслов. Его символическое значение уходит корнями в древние верования, где красный считался цветом огня, жизненной силы, энергии ян. Он традиционно символизирует счастье, удачу, процветание, благополучие, защиту от злых духов, тесно связан с традиционными обрядами и обычаями, испокон веков любим и почитаем жителями страны. В символике социалистического Китая красный цвет символизирует кровь, пролитую за победу в коммунистической революции, и является основным цветом государственной идеологии КНР. Архитектурные композиции могут представлять собой как единую конструкцию, так и состоять из нескольких модулей. Чаще всего (46% от изученных нами примеров) конструкции представляют собой композицию из шести кругов (восьмиугольников/шестиугольников), в каждом из которых размещено по два слова из списка 12 ценностей (см. рис. 1–2). Следует отметить, что в китайской нумерологии цифра 6 символизирует плавность, гармонию и благополучное завершение дел. Круги (шести-/восьмиугольники), служащие основой для размещения вербальной части текста, имеют определенное художественное оформление, часто представляют собой традиционный геометрический орнамент паньчан (盘长纹), который восходит к китайскому «узлу счастья» (吉祥结) – одному из восьми драгоценностей буддизма, символу долголетия, мудрости и сострадания Будды. В этом орнаменте линии узора сплетаются подобно веревке в традиционных узлах, создавая ощущение отсутствия начала и конца, поэтому орнамент является символом вечности и постоянства. Активно используются и другие традиционные орнаменты. Так, на рис. 1 основой для вербальной части текста стал традиционный орнамент шоу (团寿纹), который представляет собой стилизованный иероглиф 寿 ‘долголетие’. Круги-основы могут выражать и другие смыслы. Например, на рис. 2 они стилизованы под шестеренки, символизирующие собой взаимосвязанность всех элементов между собой и важность каждого из них для слаженной работы всего механизма. Архитектурная композиция может иметь и другие формы, чаще всего основой для вербальной части становятся конструкции в форме веера (см. рис. 3), китайских фонарей, узлов счастья – все это является символами традиционной китайской культуры, а также в форме дерева, на котором основы для вербальной части представлены в виде плодов. Часто на архитектурной композиции присутствует государственная символика – составными частями конструкции могут быть серп и молот (символ Коммунистической партии Китая), а также пять желтых звезд как на флаге КНР.

Говоря о вербальной части, отметим, что кроме 12 слов, обозначающих социалистические ценности Китая, на архитектурных композициях также часто присутствует фраза, определяющая тему социальной рекламы «社会主义核心价值观» (*основные социалистические ценности*). Эта фраза обычно написана в верхней или левой части конструкции. Если конструкция не монолитна, а состоит из отдельных модулей, то надпись часто располагается на отдельной стеле. Важно отметить, что в подавляющем большинстве случаев слово 核心 (*основной, главный; сердцевина, ядро*) в составе этой фразы графически выделено (написано каллиграфическим шрифтом, размер шрифта больше, отличается цветом), что акцентирует значимость этого слова. Другая вербальная информация на архитектурных композициях присутствует довольно редко и представляет собой либо указание структуры, разместившей конструкцию в городском пространстве, либо краткую фразу идеологической направленности в форме лозунга или идеологему, связанную с основной тематикой композиции. Так, на рис. 2 вербальный компонент, помимо перечисления ключевых ценностей и обозначения тематики послания, включает в себя фразу 不忘初心继续前行 (*Не забывая, с чего начали, продолжаем двигаться вперед*), а также надпись «Китайская мечта», расположенную в центре конструкции. Эти надписи подчеркивают идею о том, что следование социалистическим ценно-

Рис. 1

Рис. 2

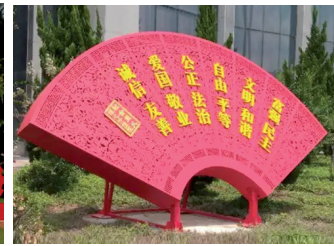

Рис. 3

Рис. 1–3. Примеры пропагандистских архитектурных композиций, направленных на популяризацию основных социалистических ценностей Китая

ствам служит достижению общей для всего государства мечты о великом возрождении китайской нации.

Социальная реклама, посвященная социалистическим ценностям, в плакатной форме в лингвистическом ландшафте китайских городов встречается чаще, чем пропагандистские архитектурные композиции, что объясняется значительно меньшими затратами на изготовление и размещение. Реклама в плакатной форме представляет собой печатное полиграфическое изделие большого формата, размещаемое как на специальных рекламных конструкциях (билбордах, ситибордах, стритлайтах и т.п.), так и в виде баннеров на заборах и жилых домах (рис. 7–9). Социальная реклама в плакатной форме помимо вербальной составляющей обязательно содержит и иконическое (визуальное) сообщение. Говоря о вербальной составляющей, отметим, что плакатная реклама основных ценностей социализма может презентовать все 12 ценностей или лишь одну из этих ценностей.

Иконическая составляющая рекламы, одновременно презентующей все 12 ценностей, не выполняет (и не может выполнять) иллюстративную функцию. Основным визуальным стилистическим средством здесь является визуальная аллюзия. Визуальная аллюзия представляет собой узнаваемый образ из разных сфер жизни общества, визуально включенный в поликодовый текст. Аллюзия создает образ той сферы, в понятиях которой реципиент должен воспринимать и оценивать сообщение, подсказывает ход рассуждений, необходимый для желаемой оценки. Цель аллюзии заключается в создании подтекста, в активации у реципиента ассоциативного ряда, обеспечивающего идентификацию скрытых смыслов, а ее эффективность обусловлена опорой на разделяемые лингвокультурным сообществом ценности. В случае с рассматриваемым нами видом социальной рекламы визуальная аллюзия становится средством выражения двух основных концептов: «государство» и «традиционная культура». Из проанализированного нами материала в 39% случаев визуальный компонент рекламы, презентующей все 12 ценностей, представляет собой аллюзию к концепту «государство». К основным маркерам (репрезентантам) этой аллюзии можем отнести: врата Тяньаньмэнь (один из главных символов КНР, символ государственности), флаг КНР, мраморная орнаментированная колонна Хуабяо (символ государственности, власти, а также связи народа и власти), серп и молот (символ Коммунистической партии Китая), каменный лев-страж (символ силы, власти, защиты), здание Дома народных собраний (одно из самых политически символических зданий в Китае), Великую китайскую стену (символ Китая, ве-

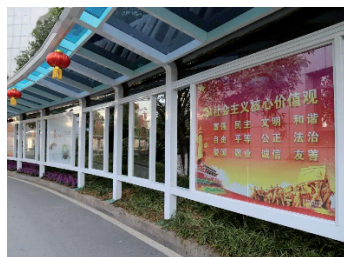

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

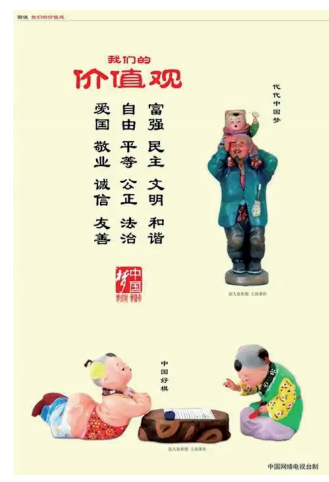

Рис. 9

Рис. 4–9. Примеры плакатной социальной рекламы, направленной на популяризацию основных социалистических ценностей Китая.

личия китайской нации), ритуальный треножник Дин (символ власти и государственности) и др. (рис. 4, 6, 7). Все эти образы подчеркивают значимость информации, передаваемой вербально, на государственном уровне, ее официальность и высокую общественную ценность. Однако тематикой иконического компонента наибольшей доли проанализированных образцов (51%) была традиционная культура Китая. Маркерами, с помощью которых осуществляется отсылка к традиционной культуре, стали произведения традиционных форм искусства и народно-прикладных промыслов: вырезание из бумаги, каллиграфия, национальная живопись гошуа, Тяньцзиньские глиняные статуэтки, Шэньсийские народные лубочные картинки, Гуаньдунские гравюры и др. (рис. 5, 8, 9). Использование форм традиционного искусства является обращением к культурной памяти и традиционным ценностям, подчеркивает органичность встроенности текстов нового времени в фундаментальные национальные традиции. Подобное художественное оформление вторит заявлениям Председателя КНР Си Цзиньпина о том, что «воспитание социалистических ценностных воззрений обязательно должно опираться на лучшие

традиции китайской культуры, в которых запечатлены глубинные духовные устремления китайской нации» [5, с. 6]. Помимо двух вышеупомянутых основных тематик в визуальном оформлении социальной рекламы социалистических ценностей можно отметить еще одну – идею современного города (8% от изученных образцов). В этом случае фоновым изображением для вербального компонента рекламы становятся такие маркеры, как высотные здания, сложные транспортные развязки, скоростные поезда и т.п. Апелляция к образу современного мегаполиса направлена на демонстрацию выдающихся достижений социализма с китайской спецификой, на укрепление идеи о том, что следование единым ценностным ориентирам является залогом дальнейшего экономического развития и процветания страны.

Рассматривая плакатную рекламу, темой которой становится одна из 12 ценностей, отметим, что в большинстве проанализированных нами образцов (68%) можно наблюдать явную связь между вербальным и визуальным компонентами. Визуальный компонент при этом выполняет иллюстративную функцию и может демонстрировать возможные проявления влияния ценностных воззрений на поведение людей в повседневной жизни. Например, иконический компонент рекламы, направленной на популяризацию ценности 文明 (цивилизованность, культура) изображает двух детей, один из которых переходит дорогу по пешеходному переходу на зеленый свет светофора, другой – поднимает упавший на тротуар мусор. Визуальный ряд рекламы, посвященной ценности 友善 (дружелюбие), изображает детей, уступающих место в автобусе беременной женщине, а ценности 爱国 (патриотизм) – школьников, отдающих честь при поднятии государственного флага и т.п. Однако, поскольку ценностные воззрения являются понятиями абстрактными, то часто иллюстрируются с помощью изображений-символов, как уникальных, свойственных исключительно китайской культуре, так и универсальных международных. Например, символическим изображением, иллюстрирующим ценность 敬业 (преданность работе), становится бык, который в китайской культуре является олицетворением самоотверженного труда, усердия и надежности (рис. 10); ценность 诚信 (честность, порядочность) – жест рукопожатия (международный символ) или жест сцепления мизинцев, который в Китае традиционно символизирует взаимное доверие и обязательство выполнить обещанное; ценность 公正 (справедливость) – весы (международный символ) или мифический единорог Сечжи, который в традиционной китайской культуре олицетворяет справедливость и правосудие. Важно отметить, что часто иконический компонент, иллюстрирующий ту или иную ценность, оформлен в виде произведения традиционного китайского искусства (см. рис. 10–12).

Отдельно стоит сказать о так называемой «игре иероглифов» (по аналогии с «игрой слов») – приеме полной креолизации текста, при котором иероглифический знак становится предметом художественной обработки и стилизации, в результате чего образуется визуальное единство иероглифа и некоего изображения. Этот прием «делает возможной реализацию в одном контексте семантического значения иероглифа и “картинки”, созданной с помощью стилизации его внешней формы» [4, с. 210] и широко используется в социальной рекламе Китая. Такую полную креолизацию текста мы можем видеть на рис. 13 в рекламе, направленной на популяризацию социалистической ценности 富强 (богатство и могущество). Вертикальная черта иероглифа 强 (сила, могущество), крупно расположенного в центре плаката, заменена изображением космического корабля, олицетворяющим выдающиеся достижения КНР в сфере освоения космоса. А в социальной рекламе, пропагандирующей ценность 诚信 (честность, порядочность), нижний элемент графемы 言 в составе иероглифа 信 представлен в виде ритуального сосуда Дин, верхний – в виде традиционной китайской ручки-кольца с головой льва (рис. 14). Эти графические элементы, вписанные в структуру иероглифическо-

Рис.10

Рис. 11

Рис. 12

Рис.13

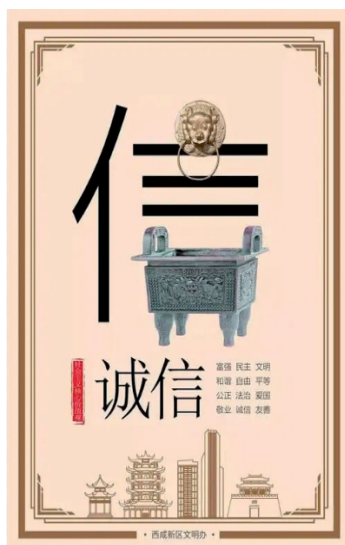

Рис. 14

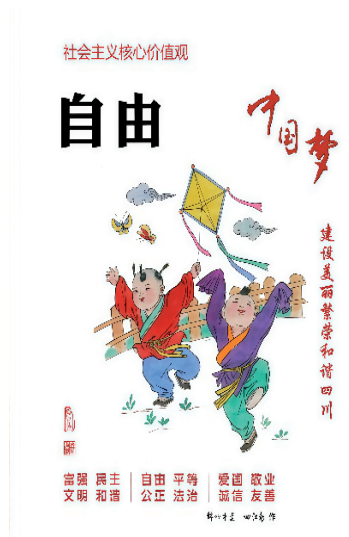

Рис. 15

Рис. 13–15. Примеры плакатной социальной рекламы, направленной на популяризацию основных социалистических ценностей Китая

го знака, символизируют то, что социалистическая ценность 诚信 (честность, порядочность) является традиционной китайской добродетелью, неотъемлемой частью культуры и уходит корнями в глубокую древность. В 32% проанализированных нами образцов иконическое изображение не носило иллюстративный характер, не выполняло информативную функцию и не имело непосредственной связи с пропагандируемой ценностью, а выступало визуальным фоном, транслирующим ассоциативные отсылки все к

тем же определенным выше концептам – «государство», «традиционная культура», «современный город».

Говоря о вербальном компоненте плакатной рекламы, пропагандирующей одну из 12 социалистических ценностей, следует выделить несколько компонентов текста, которые могут присутствовать в рекламе:

- 1) тематика рекламы (основные социалистические ценности);
- 2) основная информация (ценность, на пропаганду которой направлена реклама);
- 3) разъяснение основной информации (разъяснение сути пропагандируемой ценности, ее значения для государства и всего общества, влияния на жизнь граждан в форме тезиса, призыва к действию, слогана и др.);
- 4) фоновая информация (перечисление всех 12 ценностей);
- 5) дополнительная информация (сообщение о серии социальной рекламы, авторе и издателе).

В примере, продемонстрированном на рис. 15, представлены все указанные структурные элементы: вверху красным шрифтом указана тематика «社会主义核心价值观» (*основные социалистические ценности*); ниже крупным черным шрифтом – основная информация: «自由» (*свобода*); по правому краю красным шрифтом в вертикальном написании дано разъяснение основной информации в форме призыва «建设美丽繁荣和谐四川» (*Создадим прекрасный, процветающий и гармоничный Сычуань!*), акцентирующее внимание на важности пропагандируемой ценности для улучшения жизни; в нижней части плаката красным шрифтом представлена фоновая информация – перечисление всех 12 ценностей; под ней мелким черным шрифтом дополнительная информация – имена авторов рекламного плаката, а дополнительная информация, обозначающая серию социальной рекламы, дана в каллиграфическом написании в правом верхнем углу плаката – «中国梦» (*Китайская мечта*).

Отметим, что в Китае есть серия рекламы, направленная исключительно на популяризацию основных социалистических ценностей – «图说我们的价值观» (*Наши ценности в иллюстрациях*). В подавляющем большинстве случаев на плакатах социальной рекламы присутствует лишь несколько из указанных структурных элементов текста, а в обязательном порядке – лишь сама пропагандируемая ценность, часто сопровождаемая общим списком ценностей и дополнительной информацией (см. рис. 11–14).

Подводя итоги нашего исследования, нельзя не отметить активное и умелое использование руководством КНР социокультурного пространства городской среды с целью популяризации государственных и партийных идей. В ЛЛ китайских городов идея основных (ключевых) социалистических ценностей Китая представлена повсеместно в виде социальной рекламы, имеющей две основные формы воплощения: в форме декоративных архитектурных композиций и в плакатной форме. Вербальный компонент отличается простотой и в большинстве случаев представляет собой простое перечисление 12 социалистических ценностей, но находится в тесном взаимодействии с визуальным компонентом, что позволяет наполнить сообщение более глубоким содержанием.

Анализ иконической составляющей показал, что визуальный ряд преимущественно направлен на формирование образа сильного Китая, который сочетает в себе как современные реалии, так и уникальную традиционную китайскую культуру. Обилие национально-культурных, традиционных и мировоззренческих отсылок в поликодовых текстах социальной рекламы рассматриваемой тематики вызывает ассоциации с культурной преемственностью, с последовательностью, непротиворечивостью в развитии общества и делает идею культивирования ценностных воззрений родной, близкой и понятной для граждан КНР. Наличие государственной символики подчеркивает значимость сообщения, его высокую общественную ценность, официальность, поддержку ру-

ководящими структурами государственной и партийной власти КНР. Визуальные отсылки к образу современного мегаполиса направлены на демонстрацию выдающихся достижений социализма с китайской спецификой укрепление идеи о том, что следование единым ценностным ориентирам является залогом дальнейшего экономического развития и процветания страны.

Список литературы

1. Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1 (6). С. 103–121.
2. Дубкова О.В. К проблеме определения базовых ценностей в картине мира китайцев // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 193–20.
3. Лю Лифэнь. 公示语 (общественные знаки) и 语言景观 (языковой ландшафт): лингвистические термины и стоящие за ними понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 3. С. 588–602.
4. Котельникова Н.Н. Социальная реклама в коммуникативном пространстве современного китайского города как индикатор внутренней политики КНР // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 206–213.
5. Котельникова Н.Н. Традиционные культурные ценности в медиаурбанистическом пространстве современного китайского города (на материале социальной рекламы серии «Китайская мечта») // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2. № 5. С. 4–11.
6. Сун Лэй. Содержание и процесс принятия поправок к Конституции Китая в 2018 году // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. С. 155–166.
7. Чебунин А.В. Аксиологический аспект идеологии КНР // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. № 2. С. 26–36. 8. Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3. P. 1–6.
9. Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. No. 16 (1). P. 24–49.
10. 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 // 中国人大网 URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinzhuanti/xxgcsbjsszqhjs/2012_11/19/content_1814689_6.htm (дата обращения: 04.10.2025).
11. 《深圳市户外广告设施管理办法》对公益广告的发布有什么要求吗 // URL: https://cgj.sz.gov.cn/zcwd/content/post_11070475.html (дата обращения: 04.10.2025).
12. 2023年云南省公益广告发布情况良好 // URL: https://www.cqn.com.cn/zj/content/2024-01/08/content_9017444.htm (дата обращения: 04.10.2025).

* * *

1. Baranova V.V., Fedorova K.S. (Ne)vidimost' i (vne)nahodimost': trudovye migranty i yazykovoj landshaft Sankt-Peterburga // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2017. T. 2. № 1 (6). S. 103–121.
2. Dubkova O.V. K probleme opredeleniya bazovyh cennostej v kartine mira kitajcev // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2020. Vyp. 3 (832). S. 193–203.
3. Lyu Lifen'. 公示语 (obshchestvennye znaki) i 语言景观 (yazykovoj landshaft): lingvisticheskie terminy i stoyashchie za nimi ponyatiya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2023. T. 15. Vyp. 3. S. 588–602.
4. Kotel'nikova N.N. Social'naya reklama v kommunikativnom prostranstve sovremennogo kitajskogo goroda kak indikator vnutrennej politiki KNR // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 6 (139). S. 206–213.
5. Kotel'nikova N.N. Tradicionnye kul'turnye cennosti v mediaurbanisticheskom prostranstve sovremennogo kitajskogo goroda (na materiale social'noj reklamy serii «Kitajskaya mehta») // Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya. 2020. T. 2. № 5. S. 4–11.
6. Sun Lej. Soderzhanie i process prinyatiya popravok k Konstitucii Kitaya v 2018 godu // Vestnik SPbGU. Pravo. 2021. T. 12. S. 155–166.
7. Chebunin A.V. Aksiologicheskij aspekt ideologii KNR // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. 2024. № 2. S. 26–36.

The socialist values in the linguistic landscape of the Chinese city

The Chinese external social advertising is analyzed. The linguosemiotic mechanisms of representation of key socialist values of the People's Republic of China in the urban linguistic landscape are revealed. It is concluded that the authorities of the People's Republic of China skillfully and effectively use the sociocultural space of the Chinese cities with the purpose of the popularization of national and party ideas.

Keywords: *the People's Republic of China, linguistic landscape, social advertising, fundamental socialist values.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2025).

А.И. ПАВЛЕНКО

Тирасполь

Л.Г. ВАСИЛЬЕВ

Калуга

**ЯКОРЬ КАК СОБЫТИЕ СТАНОВЛЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ**

Предлагается модель перевода, ориентированная на анализ множественных поэтических версий оригинального текста. Поэтический перевод трактуется как процесс, в котором закономерность возникает не в языке, а между текстами. Вводится категория «якорь» – зона временной устойчивости, которая проявляется в динамике различий и повторений.

Ключевые слова: *становление перевода, поэтический перевод, различие и повторение, первичный и вторичный якорь, эмерджентность, реплицируемость.*

Современная теория перевода сталкивается с необходимостью описания тех форм смысловой динамики, которые не укладываются в рамки системных эквивалентностей. Предлагаемая модель предназначена для анализа множественных переводов – т.е. таких случаев, когда один и тот же исходный текст обретает несколько версий в пределах одной или нескольких культурно-языковых традиций. В этом контексте перевод понимается не как акт замещения знаков одного языка знаками другого, а как процесс становления, в котором смысл и его форма выражения создаются заново при каждом новом воплощении текста.

Хотя модель изначально разрабатывается в рамках поэтического перевода, её принципы могут быть применимы и к другим типам дискурсов – художественному в целом, философскому, риторическому – везде, где перевод не исчерпывается передачей информации, а порождает новое смысловое событие. Поэзия же служит здесь предельным случаем интенсивности: в ней каждый элемент – лексика, синтаксис, ритм, рифма и др. – неразделимы и взаимно определяют друг друга.

Поэтический перевод следует рассматривать не как результат, а как движение – динамическую траекторию между текстами, где смысл не передаётся, а становится, проявляясь в серии трансформаций. Эта серия – не линейная цепь замен, а множественное поле возможных интерпретаций, образующее ризоматическое пространство, в котором каждый перевод существует не изолированно, а в соотношении с другими.

Отечественная лингвистическая теория перевода, представленная в трудах А.В. Фёдорова [10], Я.И. Рецкера [8], Л.С. Бархударова [1] и др. традиционно стремилась к выявлению устойчивых соответствий между элементами исходного и переводного текста. Эта линия мысли опирается на лингвистическую установку XX в., где перевод понимался как особая форма межъязыковой коммуникации, а его задача – как обеспечение эквивалентности между языковыми системами. Соответствие в таком контексте мыслится как регулярное явление, закреплённое в системе языка: один знак или структура одного языка закономерно коррелирует с определёнными средствами выражения в другом, а задача переводчика – распознать эти закономерности и применить их на практике.

В этой традиции перевод оценивается посредством определения степени его тождественности оригиналу – насколько точно элементы переводного текста воспроизводят значения, связи и функции элементов исходного. Так, в модели Я.И. Рецкера, известной как «теория закономерных соответствий», перевод трактуется как особый вид лингвистической корреляции, подчинённой системным отношениям между языками. В рамках указанной теории Я. И. Рецкер выделяет эквивалентные и варианты соответствия [8, с. 10–37]. В модели Л.С. Бархударова разграничиваются типы семантических соответствий (полное соответствие, частичное соответствие, отсутствие соответствия); при этом сохраняется представление о переводе как о трансформации, управляемой языковой закономерностью [1, с. 74–75].

Однако в случае поэтического перевода такая системность проявляется лишь частично: поэзия не просто передаёт значения – она создаёт событие языка, где смысл и его выражение неотделимы друг от друга. В этом контексте закономерность перестаёт быть языковой и становится динамической: то, что удерживается в переводе, не принадлежит языку как системе, а возникает в процессе речевого становления. Здесь обнаруживается принципиальный сдвиг: если для Я.И. Рецкера и Л.С. Бархударова перевод – это операция в рамках структуры, то для предлагаемой модели становления перевод – это движение в пространстве различий, где смысл не копируется, а возникает: 1) в пределах отдельного текста через его процессуальное развёртывание как поэтической машины (конфигурации сцепления текстовых элементов, их параметров и отношений) и 2) в пределах ризоматической текстовой сети через диахроническое развёртывание исходного импульса – от оригинала через последовательность переводов.

Если в модели Я.И. Рецкера закономерность существует внутри языка, то в развиваемой здесь концепции она возникает между текстами как актами речевого производства. У Я.И. Рецкера закономерное соответствие – это языковая категория, подчинённая правилам системы. Оно формулируется как повторяемость отношения «исходная единица – единица перевода» и может быть выявлено на множестве эмпирических примеров. В этом смысле его закономерность системна, т.е. встроена в структуру языка и презентует внутренние связи языковой организации.

В модели становления перевода речь идёт не о системном, а о динамическом типе закономерности: она обнаруживается не в языке как таковом, а в последовательности текстов, связанных процессом становления. Здесь регулярность – не априорное соответствие в системе, а апостериорная устойчивость в речевом континууме. Перевод, таким образом, представляется не как реализация языковой нормы, а как порождающее событие, в котором исходный текст актуализирует фигуру напряжения между формой и смыслом, устойчивую в серии переводов.

Так, в классической модели каждый перевод соотносится с оригиналом, а в модели становления каждый перевод соотносится со всеми предшествующими и последующими текстами в сети, где оригинал разворачивается как множество версий. В терминах Ж. Делёза (см. «Различие и повторение» [5] и «Тысяча плато» в соавторстве с Ф. Гваттари [6]) можно сказать, что закономерность у Я.И. Рецкера принадлежит логике репрезентации, в то время как закономерность в предлагаемой модели мыслится в логике становления. В теории закономерных соответствий эквивалентность выступает как режим тождества между оригиналом и переводом, здесь – как режим повторения через различия. В поэтическом переводе повтор не восстанавливает идентичность исходной сущности, а создаёт новое; удержание не консервативно, а продуктивно, поскольку в нём смысл не переносится, а конституируется заново. Это означает, что закономерность перестаёт быть свойством системы и становится свойством движения. Она не предшествует переводу – она рождается в нём. Именно это делает перевод не только инструментом репрезентации, но и режимом существования текста, его становлением во множестве языков и культур.

В этой связи показательное следующее высказывание А.Д. Швейцера: «Рассматривая многочисленные примеры переводческих решений, каждый раз убеждаешься в том, что при всём их многообразии и несхожести друг с другом трудно найти такие, которые не были бы описаны в работах А.В. Фёдорова, Я.И. Рецкера и их учеников» [11, с. 18]. Это суждение фиксирует предельную уверенность в универсализме системной лингвистической модели перевода. В нём перевод мыслится как феномен, полностью объяснимый через категорию закономерных соответствий. Даже нестандартные решения, вполне присущие поэтическому переводу, должны трактоваться – исходя из позиции А.Д. Швейцера – как вариации внутри системы, а не как события, выходящие за её пределы.

Такое понимание базируется на логике Я.И. Рецкера: закономерность существует априорно, как свойство соотношения языков, и переводчик лишь выбирает одно из возможных системных решений. В поэтическом же переводе – и в предлагаемой здесь модели – закономерность возникает, как уже было сказано, апостериорно: она не предшествует переводу, а порождается самим актом повторения. То, что А.Д. Швейцер понимает как универсальную закономерность, в поэтическом ряду становится эффектом становления – закономерностью, рождающейся из множества индивидуальных актов порождения текста. Следовательно, необходимо переосмыслить границы данного высказывания: для системной лингвистики закономерность объясняет перевод, для поэтической герменевтики – перевод объясняет закономерность; категория закономерности фиксирует не предзаданное языком соответствие, а процесс исторического закрепления текстового компонента в речевой сети. Так универсализм А.Д. Швейцера, оставаясь справедливым в отношении языковых соответствий, теряет силу в области становления поэтического смысла, где закономерность – не предпосылка, а результат.

Иными словами, если в рамках лингвистической теории перевода закономерность трактуется как устойчивое отношение между единицами языков, то в модели становления перевода – как сохраняющаяся на протяжении конкретного периода времени локальная единица или конфигурация текстовых компонентов в речевой сети. Различие

между этими подходами можно обозначить как переход от языковой системности к текстовой динамике, от статической корреляции к процессуальной множественности. Сравнительная характеристика двух моделей представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Сопоставление теории закономерных соответствий и модели становления перевода

Параметр	Теория закономерных соответствий	Модель становления перевода
Режим мышления	Репрезентация	Становление
Базовая аналитическая единица	Лексическая, фразеологическая, синтаксическая, стилистическая [11, с. 18]	Событие удержания интенсивности различий в речевой реализации
Тип отношения текстовых компонентов	Статическое соответствие	Динамическое становление
Тип регулярности	Априорная (задана языком)	Апостериорная (возникает через текстовые реализации)

В дальнейшем для обозначения событий удержания интенсивности различий, возникающих не в системе языка, а в последовательности текстов, используется термин «якорь». В отличие от понятия «закономерность», которое фиксирует статическое соответствие между элементами, «якорь» обозначает событие временной фиксации – момент, когда поток различий организуется вокруг зоны локальной консистентности. Таким образом, якорь отражает не языковую закономерность, а процесс удержания конфигурации интенсивностей в процессе становления.

Важно отметить, что якорь – это не копия оригинала, а временная зона устойчивости внутри бесконечного процесса становления смысла. Он не принадлежит ни одному из текстов, но возникает между ними – в сравнении, в эффекте их соотнесения. Это не объект, который можно локализовать в пределах конкретного речевого отрезка, а событие фиксации, которое актуализируется только через последовательные реализации в пределах текста или – что важнее – в последовательности текстов. Именно поэтому якорь в данной модели не является метафорой, обозначающей статичную категорию – остановку или закрепление, напротив – это динамический принцип сопротивления энтропии смысла.

Поэтический перевод – это непрерывный процесс рассеивания и сборки. Якорь представляет собой зону сопротивления этому распаду; место, где смысл не просто повторяется, но обретает контур, фигуру узнаваемости. Иными словами, в системе множественных переводов якорь соединяет в себе движение и фиксацию. Это состояние можно определить как точку напряжения между потоком и структурой, где смысл обретает форму, но ещё не теряет подвижности. В поэтическом тексте таких зон устойчивости может быть бесчисленное множество. Они не выстраиваются в иерархию, не поддаются окончательной систематизации, потому что свойства поэтического текста, по сути, неисчерпаемы: в нём ритм, лексика, синтаксис, система образов – взаимопроникающие измерения одного плана консистентности. Следовательно, якорь нельзя ограничить одной модальностью: он и ритмический, и лексический, и синтаксический; в целом – множественный.

Несмотря на то, что якорь является одним из центральных элементов предлагаемой модели, он не исчерпывает её категориального аппарата. Наряду с якорем в структуре модели присутствуют и другие элементы, описывающие динамику становления смысла, однако в рамках данной статьи фокус будет сосредоточен исключительно на этой категории. Такое ограничение продиктовано не стремлением к редукции модели, а необходимостью аналитической точности. Существует бесчисленное множество модусов осмысления обсуждаемого явления, равно как и возможностей его категоризации на основании тех или иных присущих ему свойств, однако здесь мы останавливаемся лишь на некоторых основных аспектах – тех, что позволяют наглядно проследить принципы функционирования модели.

Материалом для последующего анализа специфики объекта исследования является стихотворение «The Fly» У. Блейка и его русскоязычные версии. Теоретические положения, приводимые ниже, сопровождаются практическими примерами из указанного речевого материала.

На основании критерия происхождения, т.е. того, является ли отправной точкой процесса формирования якоря пространство оригинального текста или текста перевода, можно выделить два основных типа якорей – первичные и вторичные. Первичный якорь представляет собой исходный импульс, задающий направление интерпретации: это событие смысловой фиксации, возникающее в момент, когда переводчик формирует новую траекторию становления текста.

Рассмотрим оригинал и пять последовательно выполненных переводов первых двух строк четвёртой строфы стихотворения «The Fly», сопровождающиеся ритмическими схемами:

1) оригинал У. Блейка (1794): *If thought is life / And strength and breath*, (○⊥○⊥ / ○⊥○⊥) [4, с. 34];

2) перевод С.Я. Маршака (1965): *Коль в мысли сила, / И жизнь, и свет* (○⊥○⊥○ / ○⊥○⊥ – в данном переводе и во всех последующих, представленных ниже) [2, с. 88–89];

3) перевод В.Л. Топорова (1982): *Но если мыслить / И значит – быть*, [3, с. 169];

4) перевод Д.Н. Смирнова (1986): *Но если мысль / Есть жизнь и свет*, [9];

5) перевод С.А. Степанова (1993): *Считают: мысль / Есть жизнь и свет*, [4, с. 35];

6) перевод А.И. Кудрявицкого (1994): *Но если разум / Для нас – как свет*, [7].

Обратим внимание лишь на некоторые обнаруживаемые здесь примеры первичного якоря. Прежде всего, это метрический инвариант – двустопный ямб, закрепившийся во всех версиях. Другим примером первичного якоря является ритмический паттерн чередования ударных и безударных слогов во второй строке, результатом последовательного становления которого (от оригинала через представленные переводы) стала полная идентичность ритмических структур в рассматриваемом отношении. Ещё один устойчивый элемент – синтаксическая специфика второй строки: *and strength and breath*, переданное у С.Я. Маршака посредством парного союза *и жизнь, и свет*, а затем воспроизведённое во всех позднейших версиях с минимальными вариациями. Таким образом, именно синтаксическое подобие и двучленное ритмическое построение становятся в данном случае событиями создания зон фиксации, которые обеспечивают консистентность строфы при имеющихся лексических расхождениях. Что касается лексических соответствий, то связь *life* – *жизнь* представляет собой частный случай формально устойчивого, хотя и семантически очевидного решения. Напротив, компонент *breath* не формирует якоря в последующих переводах: из-за метрических ограничений многосложное «дыхание» оказывается нерелевантным, а в переводах обнаруживается более компактная единица *свет*, что указывает на расценивание, а не закрепление.

Вторичный якорь, напротив, возникает не как исходное, а как реактивное событие, берущее начало в одном из переводов – как трансформация уже сложившейся конфигурации. Если первый открывает поле интерпретации, то второй его консолидирует, превращая индивидуальное решение в элемент коллективной памяти переводческой традиции.

Ключевым принципом при этом является то, что единичное новаторство не образует якорь. Отдельное решение, каким бы выразительным или оригинальным оно ни было, остаётся событием индивидуальной интерпретации, пока не получает повторения в последующих переводах. Статус якоря возникает лишь в тот момент, когда элемент начинает воспроизводиться – осознанно или неосознанно – в последующих версиях, формируя тем самым траекторию удержания текстовой интенсивности. Повторение здесь не сводится к механическому воспроизведению: оно актуализирует связь между переводами и закрепляет конфигурацию, которая начинает функционировать как структурная константа внутри поэтического ряда. Таким образом, якорь – это не уникальное изобретение переводчика, а результат становления традиции внутри множества версий.

Говоря о вторичных якорях, представляется возможным выделить две их основные разновидности на базе специфики обусловленности их появления в последующих переводах: *эмерджентные* и *реплицированные*.

Эмерджентный якорь представляет собой случай, когда, когда один и тот же текстовый компонент появляется в нескольких переводах независимо – как результат конвергенции под давлением собственно языковых и дискурсивных факторов: свойств языка перевода, метрической традиции и особенностей построения рифмопар, жанровой конвенции, доминирующих парадигм интерпретации. Здесь срабатывают возможности и ограничения системы: переводчики не копируют друг друга, а стремятся к сходным оптимальным решениям. В качестве диагностических признаков эмерджентного характера якоря могут выступать: 1) относительная частотность появления в корпусе зависит от степени «естественности» данного решения в контексте языковых и дискурсивных параметров; 2) функциональное сходство без формальной идентичности: решение работает аналогично, но выражено иными средствами, – т.е. сходство возникает на уровне функции, а не материи выражения; 3) отсутствие специфических признаков межтекстового влияния (лексических или синтаксических калек, уникальных совпадений иного рода), что позволяет интерпретировать якорь как результат структурного давления языка и поэтической традиции. Функция такого якоря – открыть и стабилизировать норму в последовательности переводов: он консолидирует оптимальный способ реализации данной текстовой интенсивности в целевом языке.

Пример эмерджентного якоря можно наблюдать в первой строке четвёртой строфы, где все переводчики воспроизводят вариант двустопного ямба, отличный от исходного, с характерным распределением ударений (◡◡◡◡◡, а не ◡◡◡◡◡, как в оригинале). Этот ритмический паттерн проявляется независимо во всех версиях, что позволяет квалифицировать его как эмерджентный якорь. Он возникает не из подражания, а из структурного давления системы русского стиха.

Реплицированный якорь – это вторичный якорь, возникающий как намеренная ориентация на более раннюю версию: переводчик усваивает найденное кем-то решение и продолжает его – дословно, либо с варьированием. Такой режим формирует линию преемственности. К некоторым маркерам реплицированности якоря можно отнести: 1) наиболее очевидный – наличие паратекстовых индикаторов связи (эпиграф, посвящение, ремарка в предисловии, упоминание автора предыдущего перевода в интервью, комментариях, рецензиях); 2) воспроизведение уникальной детали раннего перевода (лексемы, синтаксической структуры, рифмопары), не встречающейся в других версиях: особое значение имеет комбинация нескольких совпадений – лексических, син-

тактических и метрических – что создаёт эффект системной зависимости, а не случайного сходства. Все эти признаки позволяют говорить о сознательном продолжении переводческой линии, в рамках которой вторичный текст воспринимает и развивает решения предшествующих. Потенциальная функция реплицированного якоря – канонизировать решение, превратив его из единичной находки в элемент коллективной памяти и обучения, а также в механизм адаптивного следования, возникающий в тех случаях, когда переводчик не вырабатывает принципиально нового решения, а сознательно принимает уже существующую поэтическую конфигурацию.

Одним из примеров реплицированного якоря в анализируемом корпусе служит появление у С.Я. Маршака во второй строке четвёртой строфы слова *свет*, отсутствующего в оригинале, но соотносимого с семантическим рядом *life – strength – breath*. Несмотря на то, что этот элемент не имеет прямого соответствия в тексте У. Блейка, он закрепляется в переводческой традиции и воспроизводится почти во всех последующих версиях (за исключением перевода В.Л. Топорова), причём в той же позиции – как компонент рифмопары (*свет – нет*). Такое стабильное воспроизведение указывает на его реплицированный характер: выбор С.Я. Маршака создал модель интерпретации, в которой *свет* становится символическим эквивалентом жизненной энергии и одновременно структурным элементом рифмы. Тем самым формируется не просто формальная повторяемость, но зона смысловой консистенции, воспроизводимая в переводах как каноническая.

К той же категории можно отнести переводы Д.Н. Смирнова и С.А. Степанова: строки *Есть жизнь и свет* полностью совпадают по лексике, синтаксису и ритмическому рисунку. Тот факт, что эти два перевода следуют друг за другом на временной шкале, позволяет говорить о прямом наследовании решения. Подобное совпадение невозможно объяснить действием языковой или метрической необходимости – оно демонстрирует сознательное воспроизведение ранее найденного решения.

Данные разновидности вторичных якорей – полюса одной шкалы, а не жёсткие классы. На практике возможны смешанные случаи: эмерджентный якорь, который затем реплицируется или решение репликации, совпадающее с наиболее оптимальным вариантом с точки зрения структурных характеристик целевого языка и ритмико-семантической организации поэтической традиции. Следовательно, невозможно категорически утвердить конкретный пример вторичного якоря как принадлежащий к одному из типов. Напротив – следует характеризовать его как располагающийся в определённой степени близости к одному из полюсов в континууме *эмерджентность – реплицируемость*.

Выделение данных типов вторичных якорей представляется ценным с нескольких точек зрения. Теоретически оно позволяет описать переводческую традицию как динамическую сеть повторов и отклонений, а не как совокупность изолированных актов. Это смещает фокус от вопроса, насколько перевод точен, к вопросу, какие формы устойчивости формируются в процессе множественных переводов. Практический анализ вторичных якорей даёт инструмент для картирования эволюции переводческой нормы – того, как определённые решения переходят из индивидуального в коллективное, превращаясь в речевые и жанровые константы. Такой подход позволяет реконструировать не просто хронологию переводов, но и топологию влияний, выявляя линии связи, зоны напряжения и точки новации, которые определяют траекторию становления поэтического смысла в языковой традиции.

Таким образом, предложенная модель становления перевода позволяет рассматривать последний не как замкнутый акт выбора между эквивалентами, а как динамику становления смысла в разворачивающейся текстовой последовательности. Категория якоря в её процессуальном понимании выявляет моменты фиксации внутри движения, точ-

ки, где смысл не просто репрезентируется средствами другого языка, а получает новую форму темпорального существования. Различие между первичными и вторичными, эмерджентными и реплицированными якорями демонстрирует, что устойчивость перевода не сводится к системным соответствиям языка, а формируется как эффект различия и повторения. Исследование множества переводов стихотворения «The Fly» У. Блейка через оптику предложенной здесь модели открывает возможность видеть перевод не как результат отражения, а как сеть становлений, где каждая новая версия одновременно удерживает и изменяет поэтический импульс оригинала.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975.
2. Блейк У. Вильям Блейк в переводах С. Маршака. М.: Художественная литература, 1965.
3. Блейк У. Избранные стихи. Сборник. Сост. А.М. Зверев. На англ. и русск. яз. М.: Прогресс, 1982.
4. Блейк У. Песни Невинности и Опыта. СПб: Азбука-классика, 2004.
5. Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
7. Кудрявицкий А.И. Мошка // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: https://lit.lib.ru/k/kudrjawickij_a_i/williamblakepoemsdoc.shtml (дата обращения: 17.10.2025).
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007.
9. Смирнов Д.Н. Мотылёк // WIKILIVRES.RU. URL: [https://wikilivres.ru/Мотылёк_\(Блейк/Смирнов\)](https://wikilivres.ru/Мотылёк_(Блейк/Смирнов)) (дата обращения: 17.10.2025).
10. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.
11. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

* * *

1. Barhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda). M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1975.
2. Blejk U. Vil'yam Blejk v perevodah S. Marshaka. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1965.
3. Blejk U. Izbrannye stihy. Sbornik. Sost. A.M. Zverev. Na angl. i russk. yaz. M.: Progress, 1982.
4. Blejk U. Pesni Nevinnosti i Opyta. SPb: Azbuka-klassika, 2004.
5. Delyoz Zh. Razlichie i povtorenie / Per. s. fr. N.B. Man'kovskoj, E.P. Yurovskoj. SPb.: Petropolis, 1998.
6. Delyoz Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / Per. s fr. i poslesl. Ya.I. Svirskogo; nauch. red. V.Yu. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010.
7. Kudryavickij A.I. Moshka // Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova. URL: <https://lit.lib.ru/k/ku drjawickijai/williamblakepoemsdoc.shtml> (data obrashcheniya: 17.10.2025).
8. Recker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda / Dopolneniya i kommentarii D.I. Ermolovicha. 3-e izd., stereotip. M.: R. Valent, 2007.
9. Smirnov D.N. Motylyok // WIKILIVRES.RU. URL: [https://wikilivres.ru/Motylyok_\(Blejk/Smirnov\)](https://wikilivres.ru/Motylyok_(Blejk/Smirnov)) (data obrashcheniya: 17.10.2025).
10. Fyodorov A.V. Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Ucheb. posobie. 5-e izd. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij Dom «FILOLOGIYA TRI», 2002.
11. Shvejcer A.D. Perevod i lingvistika. M.: Voenizdat, 1973.

Anchor as the event of formation of multiplicity in poetic translation

The model of translation, oriented to the analysis of multiple poetic versions of original text, is suggested. The poetic translation is interpreted as the process where the regularity appears not in the language but between texts. The category "anchor" - the zone of temporal stability is introduced that is manifested in the dynamics of differences and repetitions.

Keywords: *formation of translation, poetic translation, difference and repetition, primary and secondary anchor, emergence, replicability.*

(Статья поступила в редакцию 18.10.2025).

А.В. МАЛЮЖИНСКИЙ
Волгоград

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА
(на материале антитрампистских митингов)**

Рассматриваются ключевые коммуникативные стратегии, используемые в дискурсе политического протеста. На материале лозунгов и высказываний участников антитрампистских митингов в США проводится лингвистический анализ семи основных стратегий: конфронтации и прямого обличения, театрализации и карнавализации, аргументации и легитимации, консолидации и построения коллективной идентичности, дискредитации оппонента и контрнарратива, страдания, а также мобилизации. Делается вывод о полистратегическом и гетерогенном характере современного протестного дискурса.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический протест, коммуникативная стратегия, дискурсивный анализ, антитрампистские митинги.*

Современная политическая реальность характеризуется ростом социальной активности и усилением роли внеинституциональных форм политического участия. Центральное место среди них занимает политический протест, который трансформируется из спорадического акта несогласия в сложный, многомерный коммуникативный феномен. Протестный дискурс перестал рассматриваться в лингвистике как хаотичный набор лозунгов, сегодня он изучается как целостная система, обладающая специфическими стратегиями и тактиками, направленными на достижение конкретных коммуникативных целей: мобилизации сторонников, легитимации требований, привлечения медийного внимания и деконструкции позиции оппонента.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного описания и анализа конкретных вербальных механизмов (коммуникативных тактик), которые обеспечивают эффективность протестного высказывания. Если коммуникативная стратегия понимается как общий план достижения цели, то тактика представляет собой ее конкретное языковое воплощение. Именно на тактическом уровне происходит выбор лексических единиц, грамматических конструкций и речевых жанров, которые делают протестное сообщение убедительным, запоминающимся и способным к воздействию на разнородную аудиторию.

Объектом настоящего исследования является дискурс политического протеста как особая разновидность публичной коммуникации. Предметом исследования выступают коммуникативные тактики, реализующиеся в вербальных практиках участников протестных акций.

Цель работы – выявить, классифицировать и проанализировать ключевые коммуникативные тактики, используемые в политическом протесте. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- 1) уточнить содержание понятия *протест*;
- 2) проанализировать содержательный аспект понятия *политический протест* и выделить его ключевые характеристики;
- 3) выделить основные коммуникативные стратегии политического протеста в протестных выступлениях и описать их.

Для установления содержания и границ концепта «протест» был проведен анализ дефиниций в авторитетных толковых словарях русского и английского языков [3; 6; 7; 9; 12].

Результаты анализа демонстрируют многозначность данной лексики. Ядерное значение, общее для всех рассмотренных источников, можно сформулировать как «решительное или категорическое возражение против чего-либо, заявление о несогласии» [3; 6; 7]. Это значение является центральным и наиболее частотным в общеупотребительной лексике.

В англоязычной традиции, как показывают определения словарей Cambridge Dictionary [9] и Merriam-Webster [12], также выделяется ядро – *a strong complaint expressing disagreement* – и периферия, включающая, например, спортивные протесты (*objection to a governing body of a sport*).

Таким образом, лексикографический анализ позволяет выделить следующие дифференциальные признаки ядерного значения концепта: интенция возражения/несогласия, решительный/категоричный характер и публичность выражения.

В научном дискурсе протест трактуется не как простое действие, а как комплексное коммуникативное явление. Он рассматривается как коммуникативный феномен, характеризующийся решительным возражением, и входит в систему речевых жанров конфликтного типа [5]. Его периферию составляют такие жанры, как возражение, возмущение и коммуникативный саботаж.

С коммуникативной точки зрения, протест является особой системой со своими пространственно-временными и коллективно-личностными параметрами. Его интенциональная направленность не только служит цели выражения несогласия, но и выступает средством самовыражения и конструирования идентичности [1].

Одним из вариантов протестного коммуникативного поведения является политический протест. Под этим термином в научной среде понимается «проявление негативного отношения к политической системе в целом <...> в открыто демонстрируемой форме» [1].

Эффективность любого сложного коммуникативного явления напрямую зависит от выбора и реализации специфических вербальных и невербальных средств, направ-

ленных на привлечение внимания, мобилизацию сторонников, легитимацию требований и деконструкцию позиции оппонента.

Для достижения этих целей участники протеста используют определённые коммуникативные стратегии. Отправной точкой в их осмыслении традиционно служит когнитивно-дискурсивный подход Т. ван Дейка, который определяет коммуникативную стратегию как «общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации» [2, с. 274]. Ученый подчеркивает, что выбор стратегии детерминирован интенцией говорящего в рамках заданного коммуникативного контекста, а ее реализация может служить достижению как личных, так и широких социальных целей [Там же].

Дальнейшее развитие это понятие получило в работах отечественной исследовательницы О.С. Иссерс, которая расширяет дефиницию Т. ван Дейка, вводя операциональный аспект. С ее точки зрения, коммуникативная стратегия представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 54]. Данный подход имплицитно включает в себя не только реализацию, но и этап планирования, «в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникаторов» [Там же]. Таким образом, О.С. Иссерс интегрирует стратегию в динамический процесс и предполагает проектирование не только общей линии поведения, но и выбор конкретных тактик и языковых средств. Это составляет ключевое отличие от позиции Т. ван Дейка, рассматривавшего стратегию скорее как реактивный феномен интерпретации.

Учитывая полисемию понятия, в качестве методологической основы данного исследования мы избираем подход О.С. Иссерс как наиболее релевантный для анализа политического протеста. Его преимущество заключается в том, что он фокусируется на первичности цели говорящего и рассматривает стратегию как осознанный план, предвещающий коммуникативный акт и определяющий его реализацию.

Нами был проведен дискурсивный анализ материала протестных выступлений, направленных против политики президента Д. Трампа. В центре коммуникативной ситуации находится конфликт между сторонниками демократической партии США, среди которых есть либеральные активисты, афроамериканские и латиноамериканские сообщества, молодёжь и феминистские группы, и президентом Д. Трампом. Поводом для протестов стало возвращение Д. Трампа к власти, его риторика и ряд принятых актов. Ключевыми темами выступлений были угрозы демократии, обвинения в авторитаризме, а также проблемы расового и гендерного неравенства, защиты прав меньшинств и конституции. Анализ высказываний протестующих проводился с учетом их коммуникативных целей, согласно которым были выделены следующие коммуникативные стратегии протестного дискурса.

Стратегия конфронтации и прямого обличения

Данная стратегия является прямой вербальной реализацией ядерного значения протеста. Её цель — эскалация и визуализация конфликта через открытое и агрессивное выражение несогласия путем создания «системного шока» [14]. Лингвистически это реализуется

- использованием инвективной лексики и императивных конструкций: лозунги типа *Fuck Trump!*, *Impeach Trump!* или *Screw project 2025!* [11] функционируют как категорические требования или выражения гнева. Они не предполагают диалога, их задача – маркировать оппонента и четко обозначить позицию неприятия;

- созданием бинарных оппозиций и прямых обвинений: фраза *The only minority running America is billionaires* [11] прямо обличает правящую элиту, противопоставляя её интересам большинства. Лозунг *Resist Fascism* [Там же] выполняет аналогичную функцию, идентифицируя оппонента с враждебной идеологией.

Стратегия театрализации и карнавализации

Эта стратегия обеспечивает привлечение внимания медиа и общества посредством создания запоминающихся, часто игровых образов, трансформирует протест в коллективный перформанс и выражается

– в использовании рифмы и ритма: скандирование *No Trump! No KKK! No fascist USA!* [11] благодаря ритмической организации легко запоминается и объединяет толпу, синхронизируя её действия и усиливая эффект коллективности и мнемоники;

– в метафоризации: метафора *Eat the rich!* [Там же] буквально «переваривает» социальную иерархию – богатые, находящиеся наверху пищевой цепочки, сами становятся объектом потребления. Это акт символического каннибализма, выражающий гнев и желание устранить существующую экономическую несправедливость;

– в драматизации, посредством которой лозунги получают драматический контраст для создания морального аргумента: *Dreams are not illegal!* [11];

– в использовании вместо слов идеографических знаков, при помощи которых протест становится визуальным и символическим манифестом: *Silence = death* [Там же];

– в креативном переосмыслении концептов: лозунг *The only minority running America is billionaires* [Там же] иронично переворачивает популярный концепт «меньшинство», который обычно подразумевает группу, требующую защиты и прав. Здесь меньшинство – это крошечная, но гипермогущественная экономическая элита.

Стратегия аргументации и легитимации

Данная стратегия, в противовес эмоциональной конфронтации, апеллирует к рациональности и законности с целью убедить колеблющуюся аудиторию с помощью документов и фактов. Упоминание в речах конкретных программ (например, *if you read the project 2025* [11]) переводит дискурс из эмоциональной плоскости в область рациональной аргументации, призывая аудиторию к самостоятельному изучению и осмыслению материала.

Стратегия консолидации и построения коллективной идентичности

Как отмечает М. Олсон, ключевую роль в протесте играет формирование чувства общности [13]. Протест становится борьбой не только *против*, но и *за* новую солидарность. Стратегия консолидации и построения коллективной идентичности реализуется

– посредством использования местоимения *мы* и концепта «the people»: например, классический лозунг *We are the people!* [11] позволяет протестующим говорить от имени всей нации, объединяя разнородную аудиторию под одним символическим знаменем;

– с помощью предъявления персональных историй и декларирования идентичности: такие высказывания, как *I am a woman. I am from an immigrant family <...> and I care about all of that* [Там же], служат микро моделью коллективной идентичности, связывая индивидуальный опыт с опытом широких социальных групп (женщин, мигрантов и т.п.).

Особый исследовательский интерес в рассматриваемой стратегии представляет феномен сознательного использования иностранного (недоминантного) языка в качестве стратегического коммуникативного ресурса. Данная тактика направлена на консолидацию конкретной этнолингвистической группы и символическое расширение границ дискурсивного сообщества.

Яркой иллюстрацией этого феномена служит использование испаноязычного лозунга *¡El pueblo unido jamás será vencido!* [11] на акциях протеста в США. Выбор испанского языка вместо английского (языка доминирующей политической системы) выполняет ряд значимых функций:

– функции маркирования групповой идентичности: использование испанского служит мощным маркером солидарности и культурной принадлежности, актуализируя общее происхождение и опыт латиноамериканского сообщества, в частности выходцев из Мексики;

– функции символического сопротивления: намеренный отказ от языка оппонента (английского) представляет собой акт символического отрицания легитимности противостоящей политической силы и усиливает риторику конфронтации;

– функции диаспоральной мобилизации: обращение на родном языке способствует мобилизации не только непосредственных участников акции, но и более широкой диаспоральной общности, а также апеллирует к поддержке международного испаноязычного сообщества, трансформируя локальный протест в явление с международным резонансом.

Стратегия дискредитации оппонента и создания контрнарратива

Эта стратегия, основанная на теории дискурса М. Фуко, направлена на подрыв символической власти оппонента через разоблачение и перехват его риторики [8]. Она актуализируется

– созданием контрнарратива: лозунг *Education against indoctrination. Protect our kids* [11] перехватывает консервативный тезис о «вредной индоктринации» в школах и переворачивает его, обвиняя саму власть в идеологической обработке;

– разоблачением с помощью контрнарратива: в примере *I think the majority of this country is for abortion <...> just all the minority groups that are just get ignored by politicians ...* [Там же] утверждается, что декларируемая властями политика, обращенная к народу, не реализуется на практике – наоборот, социальные группы и их проблемы игнорируются.

Стратегия страдания / жертвенности

Целью стратегии является завоевание симпатий общественности через драматизацию позиции жертвы. Согласно мнению исследователя коммуникации В.Т. Кумбса, страдание изображает говорящего как несправедливую жертву какой-то злонамеренной внешней организации, усиливая эффект несправедливости и легитимизируя протестные действия [10]. Примером может служить фраза *I have been a victim of it [bias and hatred]* [11].

Стратегия мобилизации

Суть данной стратегии заключается в мотивации адресата к активным действиям (участию в митингах, шествиях, гражданскому неповиновению, онлайн-активизму). Показательным примером могут служить такие фразы как *I woke up (you should too) / Democrats wake up!* [11].

Проведенный анализ демонстрирует, что коммуникативное пространство политического протеста является гетерогенным и полистратегическим. Участники антитрампиетских митингов не ограничиваются одной тактикой, а органично сочетают прямую эмоциональную конфронтацию и рациональную аргументацию, карнавализованные перформансы и серьезные попытки построения коллективной идентичности.

Каждая из выделенных стратегий использует свой набор лингвистических средств – от инвектив и императивов до личных нарративов и рифмованных слоганов, – но все они служат общей цели: сделать протест видимым, легитимным в глазах различных аудиторий и эффективным в деле подрыва доминирующего дискурса власти. Именно комплексное и ситуативное использование этих стратегий превращает стихийное выражение недовольства в мощный и осмысленный инструмент современной политической коммуникации.

Список литературы

1. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация. Краснодар: Экоинвест, 2013.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петров; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.

3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Российская энциклопедия, 1999.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
5. Комалова Л.Р. Речевые практики протеста: ассоциативное исследование понятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 30–31.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
9. Cambridge Dictionary. Protest // URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/protest> (дата обращения: 26.08.2025).
10. Coombs W.T. Choosing the right words: The development of guidelines for the section of 'appropriate' crisis-response strategies // Management Communication Quarterly. 1995. Vol. 8. No 4. P. 447–476.
11. <https://www.youtube.com/watch?v=HY4QJf0YCIU> (дата обращения: 25.08.2025).
12. Merriam-Webster Dictionary. Protest // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/protest> (дата обращения: 26.08.2025).
13. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Harvard University Press, 1965.
14. Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.

* * *

1. Gusejnov A.Sh. Protestnaya aktivnost' lichnosti: sushchnost', dinamika, transformaciya. Krasnodar: Ekoinvest, 2013.
2. Dejk van T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya / Sost. V.V. Petrov; Pod red. V.I. Gerasimova; Vstup. st. Yu.N. Karaulova i V.V. Petrova. M.: Progress, 1989.
3. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M.: Rossijskaya enciklopediya, 1999.
4. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi: monografiya. 5-e izd. M.: LKI, 2008.
5. Komalova L.R. Rechevye praktiki protesta: associativnoe issledovanie ponyatiya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. № 12. S. 30–31.
6. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1984.
7. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1935–1940.
8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s fr. V. Naumova pod red. I Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999.

The communicative strategies of political protest (based on the anti-Trump protests)

The key communicative strategies, used in the discourse of political protest, are considered. On the basis of slogans and speeches of the participants of the anti-Trump protests in the USA the linguistic analysis of seven basic strategies is conducted: confrontation and direct condemnation, staging and carnivalization, argumentation and legitimation, consolidation and formation of collective identity, discreditation of opponent and counternarrative, sufferings and mobilization. It is concluded about the polystrategic and heterogeneous character of modern protest discourse.

Keywords: *political discourse, political protest, communicative strategy, discursive analysis, anti-Trump protests.*

(Статья поступила в редакцию 30.09.2025).

**РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ
МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Определены особенности использования русских и английских фразеологических единиц в современных медийных текстах. Материалом послужили тексты, опубликованные на новостных интернет-сайтах в 2023–2025 гг. Установлены структурно-семантические типы фразеологизмов, выявлены их тематические группы и функции в медиадискурсе.

Ключевые слова: *фразеологизмы, медиатекст, интернет-СМИ, экспрессия, функция.*

Актуальность темы статьи обусловлена ростом интереса к языковым особенностям медиатекстов и их роли в формировании общественного мнения [2; 3, с. 47–52; 4; 6]. Цель статьи – выявить особенности функционирования фразеологических единиц в русско- и англоязычных медиатекстах.

Материалом послужили медиатексты 2023–2025 гг., опубликованные на русско- и англоязычных новостных интернет-сайтах. Проанализировано 100 контекстов, содержащих 50 русских и 50 английских фразеологизмов.

В научной литературе существует множество определений медиатекста. Мы придерживаемся дефиниции этого феномена Н.А. Кузьминой, которая рассматривает медиатекст как «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется общение в сфере массовых коммуникаций» [4, с. 13].

Важнейшими характеристиками медиатекста являются его медиальность, массовость, интегративность, открытость и культурная детерминированность. Это предполагает, что медиатекст должен быть создан с учётом технических возможностей передачи сообщений, ориентирован на массовую аудиторию, сочетает в себе различные формы представления информации (текст, изображение, звук, видео) и имеет культурные особенности, отражающие мировоззрение той социальной группы, для которой он предназначен [4].

В зависимости от жанра медиатексты могут выполнять разные функции: информировать, анализировать и обосновывать, а также побуждать к действиям, как это происходит в рекламе, PR и маркетинге. Эти функции проявляются через структуру медиатекста, которая включает в себя как вербальные, так и невербальные элементы, что оказывает воздействие, в том числе и эмоциональное, на аудиторию.

Фразеологизмы в новостных интернет-текстах придают материалу большую убедительность, укрепляют авторскую позицию, помогают создавать яркие эмоционально окрашенные образы. Использование фразеологизмов в различных формах, например, в заголовках или в аналитических статьях, способствует усилению воздействия на читателя, делает информацию более доступной и привлекательной.

Классификация фразеологизмов основана на работах В.В. Виноградова [1] и Н.М. Шанского [7], предложивших выделять их следующие типы: фразеологические сращения (*попасть впросак, once in a blue moon*); фразеологические единства (*плясать под чужую дудку, hit the nail on the head*); фразеологические сочетания (*тоска берет, ruffle feathers*); фразеологические выражения (*кончил дело – гуляй смело, to be or not to be*).

Структурно-семантическая классификация фразеологизмов, разработанная В. В. Виноградовым и дополненная Н.М. Шанским, позволяет выявить четыре фундаментальных типа устойчивых оборотов в медийных текстах различной языковой среды – сращения, единства, сочетания и выражения, каждый из которых обладает своей степенью лексикализации, семантической прозрачности и стилистической гибкости.

Наш анализ показал, что в текстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, широко используются фразеологизмы, обладающие высокой экспрессивностью и усиливающие воздействие на аудиторию.

В русскоязычных СМИ наибольшее распространение получили фразеологические единства (36,4%) и сращения (31,8%). На долю фразеологических сочетаний приходится 22,7% случаев, в то время как фразеологические выражения встречаются лишь в 9,1% примеров. Подобное статистическое распределение свидетельствует о явном предпочтении российской журналистикой ярких, эмоционально окрашенных языковых конструкций, которые при этом сохраняют связь с первоначальным значением составляющих их элементов.

В англоязычных медиа наблюдается несколько иная картина. Здесь также лидируют фразеологические единства (38,5%), но второе место занимают фразеологические сочетания (30,8%). Фразеологические сращения и выражения представлены примерно одинаково – по 15,4% каждый. Такое соотношение отражает характерную для англоязычной прессы склонность к более понятным и логически прозрачным языковым оборотам.

Тематический анализ показывает, что фразеологизмы являются в современных медийных текстах ярким выразительным средством. В российских новостных СМИ фразеологические обороты распределяются практически равномерно по всем шести тематическим рубрикам. Каждая рубрика («Спорт», «Наука и искусство», «Регионы», «Общество», «Судьбы», «Личность») составляет по 16,7% от совокупного числа проанализированных примеров, что свидетельствует об отсутствии ярко выраженной тематической доминанты в использовании идиоматических выражений.

В англоязычных новостных СМИ ситуация отличается более выраженной концентрацией в отдельных рубриках. Наибольший удельный вес занимают материалы спортивной тематики (28,6%) и сюжеты о жизненных судьбах (21,4%). Рубрики «Регионы», «Общество» и «Личность» обеспечивают по 14,3% каждого, а наименьшая доля приходится на тему «Наука и искусство» (7,1%). Такое распределение отражает специфику жанров: спортивные репортажи и истории о личных судьбах активно насыщаются фразеологическими единицами, тогда как в иных рубриках они используются умеренно. Кроме того, анализ функционального потенциала фразеологизмов выявил четыре ключевые функции — обобщающую, оценочно-характеризующую, экспрессивно-образную и стилистическую. В российских новостных текстах наибольшую долю составляют экспрессивно-образные обороты (45,7%), предназначенные для придания высказыванию эмоциональной насыщенности и создания ярких образов, которые опираются не на буквальное значение слов, а на ассоциативные коннотации читателя и тем самым усиливают восприятие информации. За ними с заметным отставанием следуют фразеологизмы с оценочно-характеризующей функцией (28,6%), фиксирующие авторское отношение к событиям или героям посредством переноса качественных характеристик на описываемые явления и формирующие у аудитории определенный взгляд на проблему. Значительно реже встречаются обобщающие выражения (17,1%), призванные лаконично подводить итоги и устанавливать общую тональность материала без углубления в детали и обеспечивающие компактность изложения; и, наконец, стилистические обороты (8,6%), главным образом служащие созданию единого жанрового и речевого тона публикации. Такое распределение функций

отражает стремление российских журналистов сочетать выразительную образность и четко выверенную авторскую позицию.

В англоязычных новостных изданиях имеет место доминирование фразеологических сочетаний с обобщающей функцией (44,4%), поскольку они позволяют журналистам предельно сжато представить факты и события; на втором месте находятся экспрессивно-образные обороты (41,7%), обеспечивающие метафоричность и эмоциональную динамику репортажей при сохранении повествовательного ритма; далее представлены оценочно-характеризующие идиомы (25%), призванные ненавязчиво доносить тонкую авторскую оценку или риторический акцент на важности сообщения, и лишь около пятой части (22,2%) приходится на жестко закрепленные в языке фразеологические сращения, мобильность и сфера применения которых остаются более ограниченными. Такая конфигурация объясняется жанровыми предпочтениями англоязычной журналистики, где требования к краткости и универсальности формулировок сочетаются с необходимостью сохранять образную силу и авторский взгляд.

Нельзя не отметить, что, несмотря на очевидную эффективность фразеологических оборотов в привлечении внимания и организации подачи информации, их чрезмерное использование чревато перенасыщением текста устойчивыми выражениями, что может приводить к затруднению восприятия и ослаблению коммуникативной чёткости сообщения, особенно когда авторская оценка начинает «забываться» под тяжестью образных клише.

В заключение следует констатировать, что фразеологизмы остаются незаменимым инструментом современных медийных практик, их функциональный потенциал проявляется не только в стилистическом обогащении и создании эмоциональных акцентов, но и в возможности структурировать информационное поле материала, протягивая невидимые «мосты» семантической связи между автором и аудиторией, а значит, успешная журналистская стратегия неизбежно предполагает разумное сочетание лексической новизны и традиционной идиоматической выразительности для достижения максимального эффекта коммуникации.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
2. Добросклонская Т.Г. Введение в медиалингвистику. М.: Флинта, 2020.
3. Кузнецова В.В. Классификация жанров медийно-развлекательного дискурса // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (05). С. 47–52.
4. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: Учеб. пособие. Омск, 2011.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. М.: Наука, 1996.
6. Фомичева И.Д. Интернет-СМИ: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2007.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Академия, 2015.

* * *

1. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1977.
2. Dobrosklonskaya T.G. Vvedenie v medialingvistiku. M.: Flinta, 2020.
3. Kuznecova V.V. Klassifikatsiya zhanrov medijno-razvlekatel'nogo diskursa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 47–52.
4. Kuz'mina N.A. Mediatekst: sushchnost' i struktura. M.: INION RAN, 2011.
5. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. M.: Nauka, 1996.
6. Fomicheva I.D. Internet-SMI: teoriya i praktika. M.: Aspekt Press, 2007.
7. Shanskij N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. M.: Akademiya, 2015.

***The Russian and English phraseological units in modern media texts:
structural-semantic and functional analysis***

The specific features of use of Russian and English phraseological units in modern media texts are defined. The texts, published at news web-sites in 2023-2025, were used as the material.

The structural and semantic types of phraseological units are identified, their thematic groups and functions in media discourse are revealed.

Keywords: *phraseological units, mediatext, web-based media, expression, function.*

(Статья поступила в редакцию 04.10.2025).

А.М. ШЕЙКО
Волгоград

**«ФИЛЬМ О ГРУШАХ»:
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Описывается эксперимент, цель которого – выявление особенностей анализа информации и выделения ключевых элементов и смысловых блоков респондентами и алгоритмами искусственного интеллекта. Материалом исследования послужил «Фильм о грушах», созданный в лаборатории У. Чейфа в 1975 г.

Ключевые слова: *«Фильм о грушах», ИИ-алгоритм, визуализация, извлечение информации, анализ информации, цифровая лингвистика.*

«Фильм о грушах» был создан в 1975 г. исследовательской группой под руководством У. Чейфа и традиционно использовался в качестве стимульного материала для получения нарративных текстов и анализа дискурса. Фильм представляет собой шестиминутное цветное видео, демонстрирующее некоторую последовательность событий; количество действующих лиц ограничено несколькими участниками: садовник, собирающий груши, мальчик, воруемый их, мужчина с козой, девочка на велосипеде и группа гуляющих ребят. Аудиосопровождение включает только звуки природы, реплики у персонажей и диалоги отсутствуют [1; 2; 3]. На основе «Фильма о грушах» проводятся лингвистические исследования, послужившие основой для множества проектов [4; 5; 7], например: «Рассказы о грушах: когнитивные, культурные и языковые аспекты

порождения повествования» (1980), «Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме» (1994), «Chinese Pear Stories» [10], «Русский мультимедийный дискурс» [2].

Перед проведением эксперимента, описанного в данной работе, мы обратились к нескольким чат-ботам для поиска справочной информации о фильме. Отметим, что ответ, соответствующий нашему запросу, мы получили только после нескольких последовательных попыток (более 5 раз).

Первый чат-бот на запрос «У. Чейф “Фильм о грушах”» предоставил следующий ответ:

Цель эксперимента «The Pear Film» («Фильм о грушах»), разработанного Уолтером Чейфом и его коллегами, состоит в изучении естественных процессов формирования повествования и характеристик спонтанной речи. Эксперимент направлен на исследование того, как люди структурируют свою речь, организуют события в последовательностях, выбирают выражения и формируют связные рассказы на основе визуальной информации.

Содержание видеоролика «The Pear Film» («Фильм о грушах»), используемого в одноименном эксперименте, включает серию коротких сцен, связанных с различными действиями, выполняемыми персонажами вокруг груш. Основные элементы содержания включают:

Начало сюжета: Мужчина берет корзину и собирает груши с дерева.

Подготовка продуктов: Женщина моет груши и готовит салат с использованием груш и других ингредиентов (здесь и далее выделено нами – А. Ш.).

Общение персонажей: Персонажи взаимодействуют друг с другом, обмениваясь комментариями относительно вкуса и качества груш.

Приготовление пищи: Процесс приготовления блюда, включающего нарезанные груши, сопровождается комментариями героев.

Завершение сюжета: Конец видеоролика демонстрирует завершение процесса приготовления и подачу готового блюда.

Содержание эксперимента (основная цель и решаемые задачи) полностью соответствует фактическим сведениям, но допущена ошибка в имени исследователя Уоллеса Чейфа, а описание сюжета не соотносится с видеорядом: появилась несуществующая информация о приготовлении и подаче блюда, обмен комментариями между персонажами (как мы указывали в начале работы, реплики у персонажей отсутствуют). Единственное, что связывает предложенное описание с фильмом, – наличие груш.

Обратившись к другому чат-боту, мы получили следующий результат:

«Фильм о грушах» (The Pear Film) У. Чейфа – это настоящий эксперимент в области визуального искусства и анимации. Это короткометражное произведение разрушает традиционные представления о фильмах, предлагая зрителю не линейный сюжет, а скорее ряд абсурдных и метафоричных сцен, которые можно воспринимать как размышления о существовании, идентичности и жизни вообще.

«Фильм о грушах» (The Pear Film) – это короткий видеоролик, в котором главными персонажами являются две груши. В фильме они начинают разговаривать друг с другом, обсуждая различные абстрактные и философские темы. Однако сюжет в традиционном понимании здесь отсутствует – все действие сосредоточено на визуальных и звуковых образах, которые создают странную и иногда комичную атмосферу.

Ролик фокусируется на метафорах, символах и нелепых ситуациях, которые можно интерпретировать как размышления о жизни, существовании, смысле и даже абсурдности мира. Абсурд и нелепость ситуации, где груши разговаривают, создают пространство для различных философских интерпретаций, не давая четких ответов.

Необычные персонажи: Главные герои – это две груши, что само по себе уже является нестандартным выбором. У. Чейф использует такой выбор, чтобы избавиться от привязки к человеческим эмоциям и поведению и предоставить зрителю пространство для более широких интерпретаций.

В предложенном описании мы видим упоминание эксперимента (но его суть не соответствует эксперименту в нашем исследовании), как и в первом случае, присутствуют фактические несоответствия. Инициалы У. Чейфа приводятся в сокращенном виде, персонажи и сюжет охарактеризованы неверно, упоминание реплик главных персонажей (отсутствующих в оригинальном сюжете) вводит пользователя в заблуждение, а общая концепция фильма сдвигается от лингвистической к экзистенциально-философской.

После еще нескольких запросов в этом же чат-боте мы получили более релевантную информацию:

«Фильм о грушах» (англ. The Pear Film) – это короткометражный фильм, созданный в 1976 году для исследовательских целей. Он был снят под руководством психолога Роджера Шэнка и лингвиста Роберта Абельсона с целью изучения того, как люди интерпретируют и рассказывают истории.

Сюжет: В фильме показано несколько сцен, связанных с грушами. Например, мужчина собирает груши с дерева, затем мальчик на велосипеде проезжает мимо и случайно роняет корзину с грушами. Позже появляется медведь, который съедает упавшие груши, а воробьи прилетают и клюют оставшиеся плоды.

Цель исследования: Фильм использовался для анализа восприятия и интерпретации событий людьми. После просмотра участники эксперимента должны были рассказать историю, основываясь на увиденном. Исследователи изучали, какие детали участники включили в свои рассказы, как они структурировали повествование и какие выводы сделали из происходящего.

Значение: Этот эксперимент стал важным вкладом в изучение когнитивных процессов, связанных с пониманием и пересказыванием историй. Результаты показали, что люди склонны добавлять к рассказу информацию, которая не была явно показана в фильме, но помогает связать события в логическую последовательность. Это исследование также способствовало развитию теории схем (или сценариев) в психологии и искусственном интеллекте, которые описывают, как мозг организует и хранит знания о типичных ситуациях. Таким образом, «Фильм о грушах» является значимым инструментом в изучении человеческого мышления и интерпретационных способностей.

Предложенные сведения в наибольшей степени соответствуют фактической информации в части описания сюжета (за исключением выдуманных фактов про медведя и воробьев) и цели проведения эксперимента, авторами которого ошибочно указаны Р. Шэнк и Р. Абельсон, проводившие исследования в области построения когнитивных структур (сценариев), описывающих определенную последовательность событий [8]. Именно по этой причине данные эксперимента У. Чейфа подменяются данными из экспериментов Р. Шэнка и Р. Абельсона о развитии теории схем, знании о типичных ситуациях и построении логических последовательностей.

Следующий этап нашего исследования включал анализ видеоролика с точки зрения систем искусственного интеллекта: респондентам было предложено пересказать сюжет фильма в виде промта (текстового запроса, на основании которого генерируется контент) и выделить ключевые особенности видеоряда, которые могут быть использовать при обучении алгоритмов ИИ. В исследовании приняло участие 48 респондентов. В качестве отправной точки для проведения сравнительного анализа мы взяли структуру сюжета фильма, предложенную в статье L. van Schuppen, K. van Krieken, J. Sanders [9] (см. Таблицу 1).

Структура сюжета фильма, взятая за основу исследования

No. Event	Порядок Событие
1. A man is picking pears	1. Мужчина собирает груши
2. The man polishes a pear	2. Мужчина вытирает грушу
3. A man walks by with a goat	3. Мимо проходит другой мужчина с козой
4. A boy arrives on his bike	4. Подъезжает мальчик на велосипеде
5. The boy takes one pear	5. Мальчик берет одну из груш
6. The boy takes a basket of pears	6. Мальчик забирает корзину с грушами
7. A girl on a bike counters the boy	7. Встреча с девочкой на велосипеде
8. The boy's hat falls off	8. С мальчика слетает шляпа
9. The boy hits a rock with his bike	9. Мальчик наезжает на камень
10. The boy falls	10. Мальчик падает
11. The pears fall on the ground	11. Груши рассыпаются
12. Three boys help him	12. Трое мальчиков остановились помочь
13. The boys find the hat	13. Мальчики находят шляпу
14. The boys return the hat	14. Мальчики возвращают шляпу
15. The boys receive a pear	15. Мальчиков угощают грушей
16. The boy rides on	16. Мальчик уезжает на велосипеде
17. The man looks for his basket	17. Мужчина ищет корзину
18. The boys walk past the man, eating pears	18. Мальчики проходят мимо мужчины и едят груши

По мнению авторов работы, события сюжета, которые могут быть по-разному интерпретированы респондентами при описании видеоряда, включают следующие элементы:

- появление мужчины с козой (п. 3) – эпизод, не относящийся к действию фильма и последующим событиям;
- встреча мальчика с девочкой и падение с велосипеда (п. 7–11) – эпизод, важный для установления причинно-следственных связей;
- ракетка для пинг-понга (появление мальчиков в п. 12) – эпизод, позволяющий охарактеризовать незнакомые предметы;
- обнаружение садовником пропажи груш (п. 17–18) – эпизод, связанный с проявлением эмоций и оценкой поступков.

Структура сюжета, составленная респондентами

No. Event	Порядок Событие	Порядок Событие
1. A man is picking pears 2. The man polishes a pear	1. Мужчина собирает груши на дереве (крупный план)	1. Мужчина собирает с дерева груши, спускается с лестницы и высыпает горсть груш в одну из корзин
3. A man walks by with a goat 4. A boy arrives on his bike 5. The boy takes one pear 6. The boy takes a basket of pears	2. Другой мужчина с козой подходит к дереву 3. Мальчик на велосипеде крадет корзину (динамичная сцена)	2. Появляется мужчина с козой 3. Появляется мальчик на велосипеде, забирает одну корзину с грушами и уезжает
7. A girl on a bike counters the boy 8. The boy's hat falls off 9. The boy hits a rock with his bike 10. The boy falls 11. The pears fall on the ground 12. Three boys help him 13. The boys find the hat 14. The boys return the hat	4. Падение, рассыпанные груши, дети помогают собрать	4. Мальчик едет по полю на велосипеде, ему навстречу едет девочка на велосипеде. Порыв ветра сносит шляпу мальчика, он не замечает камень, наезжает на него и падает с велосипеда. Корзина с грушами рассыпается
15. The boys receive a pear 16. The boy rides on	5. Мальчик уезжает, другой мальчик забирает у него 2 груши	5. Рядом оказываются три мальчика, они помогают упавшему подняться и собрать груши. Взамен мальчик на велосипеде дает одному из них 3 груши
17. The man looks for his basket 18. The boys walk past the man, eating pears	6. Мужчина спускается с дерева, обнаруживает пропажу (разочарованное лицо)	6. Мальчик с грушами возвращается к друзьям, они проходят мимо мужчины, собирающего урожай. Он спустился с дерева и с удивлением смотрит на

Рис. 1. Сцена с мальчиком, мужчинами и деревьями.

Большинство респондентов составили промт в виде текстового запроса, но некоторые участники выделили ключевые сцены (в скобках даны комментарии респондентов), сопроводив их описанием (см. Таблицу 2):

Следующим этапом нашего исследования был сравнительный анализ элементов сюжета, выделенных респондентами, со структурой, предложенной ИИ-суммаризатором, что позволило сопоставить ключевые для восприятия характеристики и сцены. Для визуального представления текстовой информации был использован инструмент Marify [6]. Мы получили диаграмму (рис. 1), в которой описаны 5 основных эпизодов фильма

Рис. 2. Описание окружения и атмосферы.

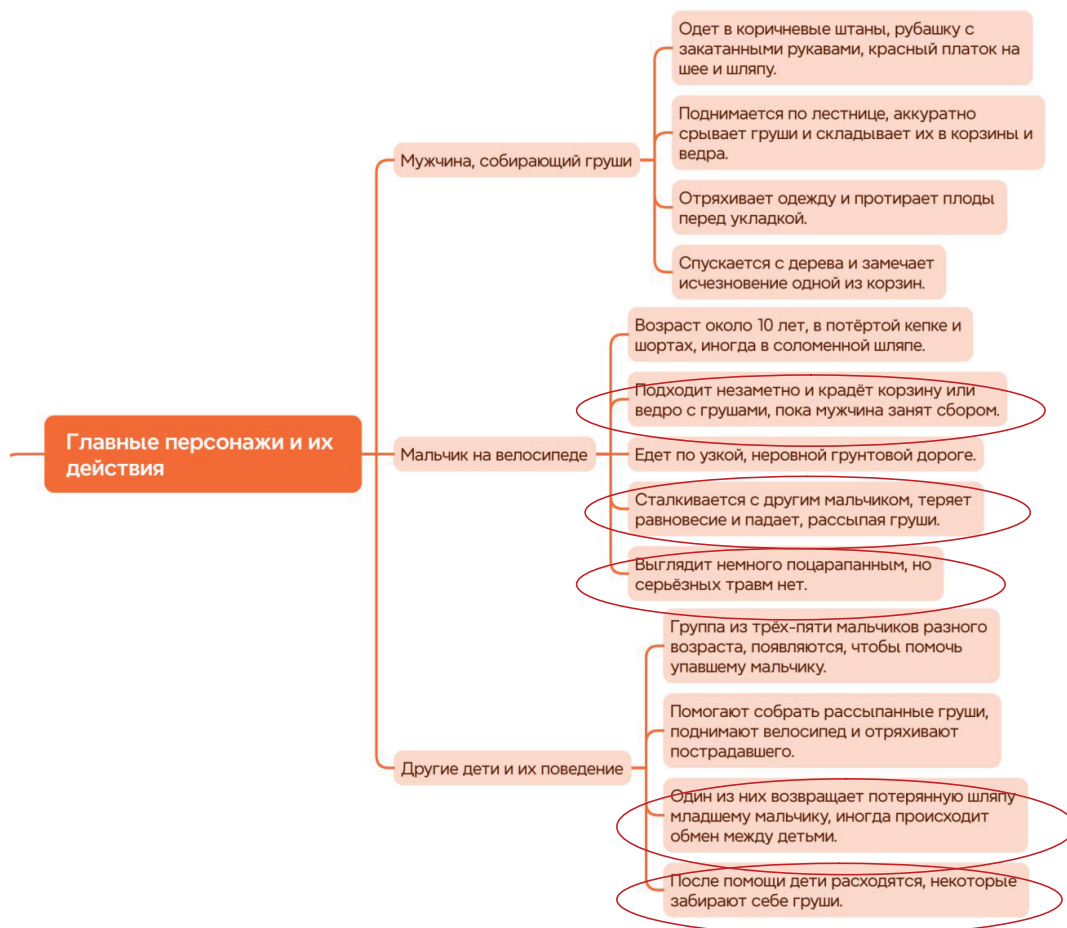

Рис. 3. Главные персонажи и их действия.

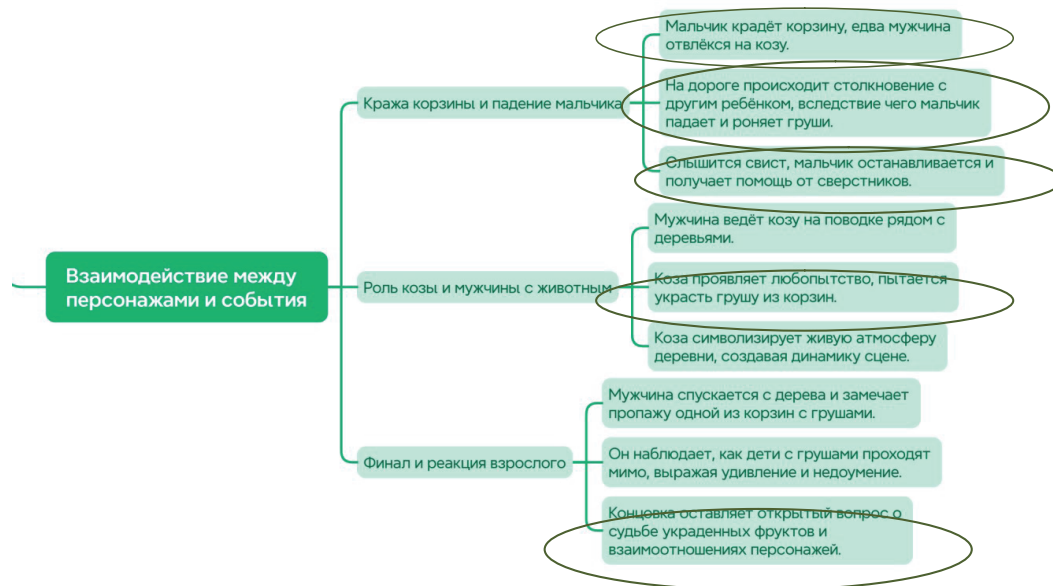

Рис. 4. Взаимодействие между персонажами и события.

Рис. 5. Визуальные и звуковые детали.

(респонденты выделяли 6) – формулировки, представленные на диаграмме, взяты из ответов участников. Сам фильм обозначен как «Сцена с мальчиком, мужчинами и деревьями» и включает следующие события:

- 1) мужчина собирает груши,
- 2) появление мужчины с козлом и мальчика на велосипеде,
- 3) эпизод с мальчиком на дороге,

Рис. 6. Символика и социальные аспекты.

- 4) взаимодействие мальчика с группой ровесников,
- 5) завершающий эпизод с мужчинами и уходящими детьми.

Как мы видим, ИИ-суммаризатор исключил кражу груш из списка значимых сцен, ограничившись только описанием появляющихся персонажей и их взаимодействия.

После проведения сопоставительного анализа основных эпизодов фильма мы повторно загрузили промты респондентов в программу для визуализации сюжета. В данном запросе фильм был назван «Сцена сбора груш и взаимодействия между персонажами в сельской местности» и включал 5 основных блоков:

- 1) описание окружения и атмосферы (рис. 2);
- 2) главные персонажи и их действия (рис. 3);
- 3) взаимодействие между персонажами и события (рис. 4);
- 4) визуальные и звуковые детали (рис. 5);
- 5) символика и социальные аспекты (рис. 6).

В данном блоке в последнем пункте появляются сведения про «других сельских жителей и животных», отсутствующие в оригинале, а коза на поводке представлена как самостоятельный персонаж, прогуливающийся на природе. Добавлена лишняя уточняющая информация по то, что *мужчина старается не повредить ветки*.

Предложенная на рис. 3 информация о главных персонажах соответствует сюжету, описаны основные действующие лица, но в нескольких пунктах допущены неточности: преобладающее количество ответов (35 из 48) указывало, что на велосипеде едет девочка, но алгоритм включил в структуру сюжета мальчика (*сталкивается с другим мальчиком*), появляется лишняя информация о травмах (*выглядит немного поцарапанным, но серьезных травм нет*). Некоторые формулировки, предложенные ИИ-суммаризатором, требуют уточнения. Например, информация о том, что *иногда происходит обмен между детьми*: чем? репликами? — они в оригинале отсутствуют, фраза *после помощи дети расходятся, некоторые забирают себе груши* также предполагает неоднозначную трактовку и нарушает нормы русского языка.

На рис. 4 сведения также содержат фактические ошибки. Например: *мальчик крадет корзину, едва мужчина отвлекся на козу*, в видеоряде эти эпизоды никак не связа-

ны друг с другом, персонажи появляются на экране в разные временные отрезки; или: *коза проявляет любопытство, пытается украсть грушу из корзины* вновь допущено искажение информации – в промтах респондентов таких сведений не было. Как и в предыдущем блоке, информацию про девочку, которая едет на велосипеде, ИИ-алгоритм сформулировал как *столкновение с другим ребенком*. Неудачное употребление лексемы *столкновение* может привести к некоторой двусмысленности в трактовке событий, предполагая драку, а свист (*слышится свист, мальчик останавливается и получает помощь от сверстников*) описан как знак того, что проходящие мимо мальчики идут на помощь. И, наконец, последний пункт *концовка оставляет открытый вопрос о судьбе украденных фруктов и взаимоотношениях персонажей* является вольной трактовкой сюжета, т.к., во-первых, придает фильму развлекательную цель, которой перед авторами исследования не было, а во-вторых, вновь является ошибочной: *судьба украденных фруктов* известна – корзину забрал мальчик.

На рис. 5 приведено описание звукового сопровождения и происходящего на экране. Очевидны ошибки в формулировках: *камера приближается к мужчине и корзинам, подчеркивая процесс сбора», свист и голоса детей акцентируют моменты помощи и социальных взаимодействий, движение камеры фиксирует дорогу и падения мальчика с велосипедом* – здесь множественное число указывает на многократность действия, но нам известно, что мальчик упал с велосипеда один раз.

Формулировки, представленные на рис. 6, интересны с точки зрения предпринятой ИИ-алгоритмом попытки некоторого осмысления и подведения итогов происходящего: *колорит сцены, символ изобилия и труда, мужчины заняты работой, дети – игрой и шалостями* – формулировки, отсутствующие в ответах респондентов, но классифицирующие кражу корзины мальчиком не как факт воровства, а как шалость, присущую ребенку. Тем не менее и в этом блоке не обошлось без **фактических** и **языковых** ошибок: *несмотря на конфликты и шалости мальчики поддерживают друг друга, обмен шляпой и фруктами, подчеркивает разницу в восприятии событий, коза и естественные звуки*.

Опираясь на промежуточные итоги исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Выделение основных сюжетных линий респондентами и ИИ-суммаризатором отличается: респонденты включили кражу груш в число основных сюжетных эпизодов, чего ИИ-алгоритм не сделал.
2. Некоторые сцены, отмеченные в работах лингвистов как наиболее значимые с точки зрения неоднозначной интерпретации, также не были включены ИИ-суммаризатором в визуализацию сюжета, но присутствовали в ответах респондентов (например, ракетка с привязанным мячиком в руках одного из мальчиков).
3. С учетом того, что ИИ-суммаризатор работал только с текстовой информацией (ответами респондентов), при визуализации появились фактические ошибки, сведения, отсутствующие в оригинальном видеоряде, и «вольные» трактовки сюжета (травмы у мальчика, появление других местных жителей, конфликты ребят).

В ходе дальнейшего исследования мы планируем расширять охват респондентов, выявляя элементы сюжета, специфические для человеческого восприятия.

Список литературы

1. Кибрик А.А., Федорова О.В. Уоллас Чейф // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 211–216.
2. Русский мультимедиа-дискурс // URL: <https://multidiscourse.ru/main/> (дата обращения: 25.08.2025).

3. Федорова О.В. В прямом эфире Фильм о грушах: когнитивные особенности репортажа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2022. Т. 21. С. 203–210.
4. Blackwell S.E. What's in a pear film narrative? Framing and the power of expectation in Spanish // Spanish in Context. 2009. Т. 6. №. 2. С. 249–299.
5. Bickel B., Stoll S. How Deep Are Differences in Referential Density' // Crosslinguistic approaches to the psychology of language: research in the traditions of Dan Slobin. Lawrence Erlbaum, 2009. P. 543–555.
6. Mapify. Сумманизатор ментальных карт на базе ИИ // URL.: <https://mapify.so/ru> (дата обращения: 25.08.2025).
7. Pear Stories: 40 years later. CEUR Workshop Proceedings, Vol. 1419 (EAPCogSci 2015) [Proceedings of the EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science, Torino, Italy, 28 September 25-27, 2015], Gabriella Airenti, Bruno G. Bara, Giulio Sandini (eds.) // URL: <http://ceur-ws.org/Vol-1419> (дата обращения: 25.08.2025).
8. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Psychology press, 2013.
9. Schuppen L. van, Krieken K. van, Sanders J. Variations in Viewpoint Presentation: The 'Pear Story' as Told by People with a Schizophrenia Diagnosis // Open Library of Humanities. 2020. 6. (2). P. 1–43.
10. The Chinese Pear Stories // URL: <http://www.pearstories.org/docu/ThePearStories.htm> (дата обращения: 25.08.2025).

* * *

1. Kibrik A.A., Fedorova O.V. Uollas Chejf // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2019. № 5. S. 211–216.
2. Russkij mul'tikanal'nyj diskurs // URL: <https://multidiscourse.ru/main/> (data obrashcheniya: 25.08.2025).
3. Fedorova O.V. V pryamom efire Fil'm o grushah: kognitivnye osobennosti reportazha // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». 2022. Т. 21. S. 203–210.

“Pear Film”: a new interpretation in the era of digitalization

The experiment, aimed at the identification of the peculiarities of information analysis and revealing of the key elements and the conceptual blocks by the respondents and the algorithms of artificial intelligence, is described. The study is based on the “Pear Film”, created in the laboratory of W. Chafe in 1975.

Keywords: “Pear Film”, Artificial Intelligence (AI) algorithms, visualization, information extraction, information analysis, digital linguistics.

(Статья поступила в редакцию 17.09.2025).

СЛЕНГ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ

Анализируются сленговые номинации, используемые школьниками-подростками. Установлено, что они тематически разнообразны и имеют разную частотность употребления, могут как обогащать язык, так и быть следствием языковой моды и оказывать на него неэкологическое воздействие. Кроме этого, выявлено, что в устной и письменной речи современных школьников-подростков наблюдается тенденция к использованию сокращений, отражающих действие закона языковой экономии.

Ключевые слова: *социолект, сленг, молодёжный сленг, экологичность, языковая экономия.*

Социолингвистика рассматривает формы существования языка как фундаментальные явления, как разновидности языка, обладающие достаточным потенциалом для осуществления коммуникации в рамках конкретного социума. Традиционно выделяют три типа таких разновидностей: литературный язык, являющийся наиболее престижным и нормализованным; диалекты, демонстрирующие территориальную дифференциацию; и социолекты, формирующиеся под влиянием социальной структуры общества.

Социолекты – это языковые особенности, характерные для определенных социальных групп (например, по профессии, возрасту или социальному положению), которые существуют в рамках национального языка. К ним относятся различные виды сленга (молодёжный, компьютерный), жаргона (солдатский, уголовный) и арга (например, арга, используемое хиппи). Хотя языковые различия, связанные с социальным положением, существовали всегда, сам термин *социолект* появился в лингвистике лишь во второй половине XX в. Он образован от слов *социо-* (общество) и *диалект*, по сути, являясь сокращением словосочетания *социальный диалект*. Сегодня термин *социолект* является общепризнанным обозначением разнообразных языковых единиц, которые служат для выражения коммуникативных потребностей и намерений людей, принадлежащих к определенным социальным группам.

Социолекты, как известно, не представляют собой самостоятельные языковые системы. Они проявляются в специфических речевых особенностях: отдельных словах, выражениях, грамматических конструкциях или даже в особенностях произношения. При этом словарный запас и грамматика социолектов зачастую совпадают с общенациональным языком. Например, в русском уголовном арге есть множество уникальных, часто метафорических слов (например, *балда* – голова, *кусок* – тысяча рублей, *хрусты* – деньги, *шмонать* – обыскивать). Однако их склонение, спряжение и использование в предложениях подчиняются общим правилам русского языка. Слова, связанные со спецификой жизни преступников, используются по общеязыковым нормам: *Ударил меня по балде; Это он купил за два куска; Обшмонали всех, кто там был* (см. подробнее: [7]).

Как известно, язык – это система, развитие которой не стоит на месте и обусловлено течением времени. Динамический характер языка особенно ярко проявляется на лексическом уровне. Некоторые слова и выражения уходят в прошлое, становятся архаизмами и историзмами. Другие, наоборот, только появляются в речи и начинают укре-

плять свои позиции в языке, формируя лексический пласт неологизмов. Сегодняшние ученики разговаривают на особом, зачастую понятном только им молодёжном языке, который можно отождествить со сленгом. При рассмотрении природы сленга целесообразно обратиться к определению Э.М. Береговской, согласно которому он представляет собой непрерывно обновляющийся лексический массив, черпающий свои ресурсы из общенационального языка и функционирующий на его фонетико-грамматической базе [1, с. 32]. Данное положение подтверждается результатами современных исследований, посвященных изучению различных аспектов и разновидностей сленга [2; 4; 5; 6; 12].

Ввиду продолжающихся споров о критериях отнесения слов к сленгу, важно оговорить, какие именно характеристики были выбраны в качестве релевантных для формирования фактического материала данной статьи.

Под молодежным сленгом мы понимаем слова и словосочетания, активно бытующие среди современных школьников-подростков и часто выполняющие функцию групповой идентификации. К ним относятся как новые лексические единицы или новые значения уже существующих слов, так и выражения, принадлежащие к пласту разговорной лексики, отклоняющейся от литературной нормы.

Личные наблюдения автора данной статьи за общением собственного сына подросткового возраста с друзьями свидетельствуют, что современные школьники активно используют в своей речи слова и выражения, понятные далеко не всем. Ср.: *анк* – взрослый человек, который пытается молодиться; *бести* – лучшая подруга; *буллинг* – травля; *бумер* – представитель старшего поколения; *вайб* – атмосфера; *зумер* – представитель нового поколения; *краш* – человек, в которого влюблён; *кринж* – стыд, смущение за чьи-либо поступки; *насыпать ногтей* – обозначить в переписке смайлики скобками; *нуб* – новичок; *пранк* – шутка; *пруф* – подтверждение или доказательство; *скуф* – неприятный мужчина старше 30 лет; *тильт* – напряжённое состояние, в котором человек не контролирует ситуацию и злится от бессилия, *чекать* – проверять, *юзать* – использовать и др.

Проанализируем данные примеры с различных позиций.

С этимологической точки зрения практически все эти номинации представляют собой дериваты, образованные от слов, заимствованных из английского языка: *анк* (от *uncle*), *краш* (от *have a crush on sb*), *чекать* (от *check*), *юзать* (от *use*) и др., или результаты калькирования: *буллинг* (англ. *bullying*), *вайб* (англ. *vibe*), *кринж* (англ. *cringe*), *пранк* (англ. *prank*), *пруф* (англ. *proof*) и др.

Появление таких лексем свидетельствует о влиянии глобализационных процессов на русский язык, что проявляется в его активном взаимодействии с английским – основным средством международного общения. В результате русскоязычное пространство насыщается многочисленными англицизмами. Русский язык, не оставаясь пассивным, принимает и ассимилирует эти иноязычные элементы. Таким образом, носители языка, включая в свой лексикон интернациональные слова, вынуждены адаптироваться к условиям, задаваемым глобализацией.

Рассматривая положительные стороны этого процесса, отметим, что он приводит к обогащению русского языка, расширению его лексического фонда. Новые номинации оказывают «экологическое» влияние на язык.

Наряду с этим остро встает вопрос о разумности применения подобных слов и их негативном воздействии на современный русский язык. Такие пуристские позиции выглядят особенно значимыми, если учесть огромный потенциал нашего родного языка. В этом контексте многие англоязычные заимствования в речи современных школьников могут восприниматься как излишние и, как следствие, вредные для здоровья языка. Выбор их вместо возможных русских эквивалентов – это, по сути, дань языковой моде, которая, увы, может быть далека от заботы о благополучии языка.

Слова молодежного сленга, используемые в речи современных школьников, тематически берут свое начало из разных сфер жизнедеятельности человека. Так, слова *пруф*, *чекать*, *юзать* – это лексемы из онлайн-пространства. Школьники прекрасно с ними знакомы, т.к. проводят много времени в социальных сетях. Слово *тильт* – изначально термин из игры в покер. Оно обозначает состояние, когда игрок в покер начинает сомневаться в каждом своем следующем шаге. Подобно боксеру, который после пропущенного удара теряет ориентацию и начинает действовать менее уверенно, игрок в покер после грубой ошибки может почувствовать, что его «выбили из колеи» интеллектуально. Конечно, школьники на уроке вместо того, чтобы решать примеры, играть в карты не будут. Но слово *тильт* у них стало очень популярным. Появление выражения *насыпать ногтей* объясняется активностью школьников в личной переписке в мессенджерах, когда они на постоянной основе используют скобки, которые похожи на следы от ногтей. В данном контексте *насыпать ногтей* – это метафора для взрослых людей, над которыми подростки позволяют себе шутить.

С социолингвистической и психологической точек зрения использование школьниками особого языка – неизбежный процесс идентификации себя с определённой социальной группой и один из закономерных этапов взросления. Любому подростку важно влиться в свою возрастную группу, осознать себя как личность, выстроить дистанцию с родителями, и свой неповторимый язык помогает в этом процессе, подчеркивая индивидуальность.

Ярким тому примером является фрагмент диалога между дочерью-подростком Полиной и ее отцом из телевизионного шоу «Уральские пельмени»:

ПОЛИНА: Пап, ну, ты чё, *рофлишь*?

ОТЕЦ: (выражает недоумение). *Рофлишь, рофлишь* ... (подходит к холодильнику, на котором прикреплен словарь с основными словечками, которые использует Полина, и их переводом на традиционный русский язык) *Нет, я не прикалываюсь.*

Или:

ОТЕЦ: *Отлично! Я приеду, тебя в два заберу.*

ПОЛИНА: Пап, ну это совсем *лол*.

ОТЕЦ: *Лол?* *Лол* ... (смотрит на холодильник за подсказкой в словарики) *Ничё не смешно это!*

Оба примера подтверждают, что сленг в речи Полины, вероятно, выступает выражением протеста: она намеренно его использует, чтобы заявить о своей непохожести и подчеркнуть свою индивидуальность. Тем самым создается коммуникативный барьер для тех, кто не принадлежит ее кругу общения. Именно поэтому отец Полины вынужден обращаться к словарю на холодильнике, где дан перевод сленговых выражений на русский язык: *рофлить* – ‘прикалываться’, *лол* – ‘смешно’.

Ещё один фрагмент беседы Полины и её отца представляет собой неудачную попытку представителя старшего поколения запомнить топовые лексемы из речи современных школьников. Так, отец не до конца сохраняет в своей памяти сленговые номинации *токсичный* ‘человек, который создаёт нездоровую обстановку’ и *душный* ‘зануда, педант, нытик, человек без чувства юмора, проблемный в общении’:

ОТЕЦ: *Потом опять скажешь, что я радиоактивный.*

ПОЛИНА: *Токсичный!*

ОТЕЦ: *Ну, да. Вот-вот. Или этот ... Как его? Дымный!*

ПОЛИНА: *Душный!*

Здесь уместно вспомнить заповеди известного отечественного психолога и педагога Д.Б. Эльконина, который говорил о первостепенном значении для подростков ком-

муникации со сверстниками. Использование специфического языка, в частности сленга, характерного для определенной группы, выполняет функцию идентификатора, позволяющего подростку интегрироваться в сообщество. Это, в свою очередь, удовлетворяет острую потребность в принадлежности и принятии [13].

Анализируя степень регулярности использования сленговых слов и выражений в речи современных школьников-подростков и возможности их закрепления в языке, мы обратились к Национальному корпусу русского языка [11]. Полученные данные показывают, что большинство лексем пока ещё не ассимилировались в языке, они отсутствуют в корпусе (*бетси, кринж, тильт* и др.) или закреплены в нём в ином значении (*анк, бумер* и др.). Например, слово *бумер* довольно частотно, но его контекстуальное употребление не иллюстрирует семантику 'представитель старшего поколения', а является разговорным сокращением от названия автомобиля марки БМВ.

Несмотря на это некоторые слова из речи современных школьников все-таки частотны в коммуникативном обращении. Лидерами среди них по данным Национального корпуса русского языка являются следующие номинации: *пранк* (49 примеров), *юзать* (43 примера), *буллинг* (13 примеров), *краш* (7 примеров), *вайб* (3 примера) [11].

Любопытно, что в настоящее время некоторые из этих слов довольно регулярно используются в песнях современных молодёжных исполнителей. Так, лексема *краш* встречается в выпущенной в 2020 г. песне Клавы Коки и NILETTO под аналогичным названием. В этой композиции о сильной любовной привязанности есть такие строки: *Ты мой краш // Либо я, либо никто – это шантаж // Я приду одна, я знаю твой этаж // Покушаюсь на тебя, ведь твой типаж – Ограниченный тираж*.

Упоминается слово *краш* и в одном из куплетов песни «Ягода-малинка» певца Хабиба: *Номер один, девочка-краш // Не ем уже день, не сплю уже два*. Певица Дора в своей композиции «Втюрилась» использует слово, производное от лексемы *краш*: *Я просто в тебя втюрилась, // Втрескалась, **вкрашилась**, // Потеряла голову, // Врезалась, вляпалась*.

Используется в текстах современных песен и слово *вайб*. В треке «Х.О.» рэперов Andro и The Limba есть такие строки: *Её бокал полон ХО // Она скрывает своё лицо // Я ни при чём – это твой **вайб** // Это твой **вайб**, это твой **вайб** // Это твой **вайб***. В музыкальной композиции Miyagi и Andy Panda «Говори мне» встречаются следующие строки: *Важно говорить хоть с кем-то, дабы удержаться на плаву // В этом лабиринте большие психов // Часто подпускаю в дом нечистый **вайб** // И кто-то снова посчитает, что играет с нами лихо*. В песне Jony «Воздушный сарафан» отмечаются несколько раз повторяющиеся строки: *Oh без тебя ветром сносит весь мой **вайб** // Здесь только ты и я, делим этот рай*.

Примеры из Национального корпуса русского языка и музыкальных композиций свидетельствуют о том, что лексемы, впервые появившиеся в речи, постепенно начинают проникать в языковую систему, укреплять в ней свои позиции.

Включение новых слов в активный словарный запас языка часто обусловлено ходом времени. Исследователи полагают, что общественное сознание адаптируется к новым лексическим единицам от 1 года до 5 лет. При этом, как отмечает В.И. Заботкина, молодые люди, активно читающие СМИ и участвующие в общении, быстрее принимают новые слова [3].

Переход от редкого употребления нового слова к статусу неологизма, а затем и к общеупотребительности зависит от того, насколько востребовано новое слово и насколько оно заполняет пробелы в общении.

Одним из свойств языка является его склонность к сокращению и облегчению часто используемых слов, что делает их более доступными. Во все времена школьники-подростки в своей речи следовали и следуют этой тенденции. Потому и появились

в свое время *домашка* (домашнее задание), *физра* (физкультура), *литра* (литература), *училка* (учительница), *сменка* (сменная обувь) и др. Если такие школьные реалии существуют до сих пор, то и эти сокращения никуда не делись из речи учеников.

Современные школьники-подростки также используют в своей речи сокращения: *спс* (спасибо), *пон* (понятно), *прив* (привет), *че дел* (Что делаешь?), *ясн* (ясно), *норм* (нормально), *лп* (лучшая подруга), *лд* (лучший друг), *чел* (человек), *бро* (брат) и др. Такой процесс экономии в языке показывает, что он живой, что он способен эволюционировать и совершенствоваться. При этом язык развивается, стремясь к максимальной информативности и гибкости, но при этом руководствуется принципом экономии усилий. Реализация подобной экономии включает в себя выбор наиболее рациональных и кратких единиц, подходящих для коммуникации [8; 9].

М.Н. Эпштейн считает насыщенность языка сокращениями ключевым индикатором его динамичного развития под влиянием экстралингвистических факторов. Он прослеживает их появление в Советской России 1920-х гг., связывая сокращения с американским влиянием. Ученый признает, что аббревиатуры могут создавать коммуникативные трудности из-за сложности их расшифровки. Однако, по его мнению, их ценность заключается в том, что они служат двойным маркером: с одной стороны, они отражают техническую рационализацию и тоталитарный характер языка, а с другой – демонстрируют стремление к экономии времени. М.Н. Эпштейн иллюстрирует этот принцип сжатия, приводя примеры фонетических упрощений в речи, таких как *здрасьте* вместо *здравствуйте*, *дожсь* вместо *дождь* и *вада* вместо *вода*, где акустические усилия при произношении минимизируются [14].

Разделяя данную позицию, мы признаем, что развитие общественной жизни, в особенности научно-технический прогресс, являются определяющими факторами, обуславливающим тенденцию к компрессии языковой системы и оптимизации номинативных стратегий. Экспоненциальный рост объема информации, обусловленный интенсивным развитием различных областей знания, требует от индивида обработки все большего количества данных в единицу времени, что, в свою очередь, неразрывно связано с уровнем его коммуникативной компетенции и накоплением у него определенного багажа коммуникативных знаний.

Подтверждая научные позиции О.И. Матяш, мы объясняем полезность коммуникативного знания его практической значимостью. Коммуникативное знание способствует обогащению индивида. Оно, подразумевая освоение новых поведенческих моделей, приемов и тактик, необходимых для эффективного решения разнообразных жизненных задач и ситуаций, способствует укреплению духовного потенциала, повышению уровня самооценки и формированию более мудрого отношения к жизни (см. подробнее: [7]).

По мнению О.И. Матяш [10], глобальное распространение коммуникативного знания порождает парадоксальный эффект: мир становится более разнообразным, но одновременно *сжимается* (выделено нами – Н. К.), что выражается в усилении взаимозависимости людей в экономическом, демографическом и экологическом измерениях [8, с. 15–17]. Исходя из данного положения, мы полагаем, что наблюдаемое «сжатие» относится не к окружающей реальности как таковой, а к языковым и речевым формам, ее репрезентирующим. В рамках коммуникативной парадигмы языкознания эта тенденция сводится к принципу, который является общеметодологическим: за счет экономии языковых и речевых средств, эволюции номинативной техники в сторону упрощения и усиления семантики появляющихся новых компрессивных номинаций общение людей должно стать более экономичным и прагматичным, т.е. более экспрессивным.

Таким образом, социолект как форма существования языка возникает в результате социальной дифференциации общества. В нем репрезентируются языковые особенности определенных социальных групп, существующих в рамках национального языка.

Социолекты не представляют собой самостоятельные языковые системы. Они проявляются в специфических речевых особенностях: отдельных словах, выражениях, грамматических конструкциях или даже в особенностях произношения. При этом словарный запас и грамматика социолектов зачастую совпадают с общенациональным языком.

Динамический характер языка отражается в речи современных школьников-подростков, в которой активно используются слова и выражения молодежного сленга. Под молодежным сленгом мы понимаем слова и словосочетания, активно бытующие среди современных школьников и часто выполняющие функцию групповой идентификации. К ним относятся как новые лексические единицы или новые значения уже существующих слов, так и выражения, принадлежащие к пласту разговорной лексики, отклоняющейся от литературной нормы.

Анализ некоторых сленговых слов и выражений из речи современных школьников-подростков показывает многогранность данного феномена. Так, с этимологических позиций подобные номинации – это заимствования-дериваты или калькирования из английского языка, чья экологичность для русского продолжает оставаться дискуссионной. С одной стороны, эти лексемы могут восприниматься как излишние, как следствие языковой моды, как вредные для здоровья языка. С другой стороны, появление таких новообразований приводит к обогащению русского языка и расширению его лексического фонда.

Анализируемые слова молодежного сленга в речи современных школьников-подростков тематически берут свое начало из разных сфер жизнедеятельности человека: социальных сетей, азартных игр, личной переписки и др.

С социолингвистической и психологической точек зрения, использование школьниками особого языка – неизбежный процесс идентификации себя с определенной социальной группой и один из закономерных этапов их взросления.

В ходе исследования была предпринята попытка определить частотность употребления анализируемых примеров по данным Национального корпуса русского языка [11]. В результате работы с этим ресурсом было установлено, что большинство лексем пока не ассимилировались в языке или употребляются в нем в ином значении. Есть определенное количество слов и выражений, которые имеют достаточные контексты коммуникативного использования, что подтверждается Национальным корпусом русского языка и текстами некоторых музыкальных композиций русскоязычных исполнителей.

Еще одной тенденцией в речи современных школьников является активное обращение к различного рода сокращениям, которые представляют собой отражение важнейшей универсалии – языковой экономии. Этот процесс является доказательством гибкости и подвижности языка, его открытости к изменениям и поиску наиболее релевантных единиц общения.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
2. Дмитриева С.О. Динамика молодежного сленгового лексикона: лингвосоциокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2024.
3. Заботкина В.И. Слово и смысл. М.: Издательство РГГУ, 2014.
4. Зоркина К.В. Лингвопрагматические характеристики молодежного сленга (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2021.
5. Игнатьева Э.С., Балашова Е.Ю. Адаптация англицизмов в русскоязычном молодежном сленге // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в современном иноязычном образовании. 2025. № 3. С. 98–102.

6. Камилова А.Б. Источники пополнения молодежного сленга // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 5 (86). С. 599–602.
7. Коробкина Н.И. Коммуникативная ориентированность, экономия и окказионализация современного языкового пространства // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. Февраль. № 1 (35). С. 60–66.
8. Коробкина Н.И. Синкретизм как механизм реализации языковой экономии // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2018. Апрель. № 2 (55). С. 62–67.
9. Коробкина Н.И. Лингвистический потенциал современных окказионализмов: Монография. Волгоград: ООО «Волга-Пресс», 2023.
10. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая / Под науч. ред. О.И. Матяш. СПб: Речь, 2011.
11. Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.09.2025).
12. Шалупов Л.А. Молодежный сленг как индикатор языковых перемен // Информация-Коммуникация-Общество. 2025. Т. 1. С. 484–489.
13. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. М.: Институт практической психологии, 1995.
14. Эпштейн М.Н. Смысловая компактность слова: количественная мера удачи новообразования // Дар слова. Еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. Проективный лексикон русского языка. 3 сентября 2012. URL: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201209/03100604.html> (дата обращения: 21.09.2025).

* * *

1. Beregovskaya E.M. Molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 3. S. 32–41.
2. Dmitrieva S.O. Dinamika molodezhnogo slengovogo leksikona: lingvosociokul'turologicheskij i leksikograficheskij aspekty: dis. ... kand. filol. nauk. Pskov, 2024.
3. Zabotkina V.I. Slovo i smysl. M.: Izdatel'stvo RGGU, 2014.
4. Zorkina K.V. Lingvopragmaticheskie harakteristiki molodezhnogo slenga (na materiale nemeckogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2021.
5. Ignat'eva E.S., Balashova E.Yu. Adaptatsiya anglicizmov v russkoyazychnom molodezhnom slenge // Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremennom inoyazychnom obrazovanii. 2025. № 3. S. 98–102.
6. Kamilova A.B. Istochniki popolneniya molodezhnogo slenga // Vestnik nauki. 2025. Т. 2. № 5 (86). S. 599–602.
7. Korobkina N.I. Kommunikativnaya orientirovannost', ekonomiya i okkazionalizatsiya sovremennogo yazykovogo prostranstva // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya». 2015. Fevral'. № 1 (35). S. 60–66.
8. Korobkina N.I. Sinkretizm kak mekhanizm realizatsii yazykovoj ekonomii // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya». 2018. Aprel'. № 2 (55). S. 62–67.
9. Korobkina N.I. Lingvisticheskij potencial sovremennyh okkazionalizmov: Monografiya. Volgograd: ООО «Volga-Press», 2023.
10. Mezhlchnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn' / O.I. Mat'yash, V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zarickaya / Pod nauch. red. O.I. Mat'yash. SPb: Rech', 2011.
11. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka // URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 21.09.2025).
12. Shalupov L.A. Molodezhnyj sleng kak indikator yazykovyh peremen // Informatsiya-Kommunikatsiya-Obshchestvo. 2025. Т. 1. S. 484–489.
13. El'konin D.B. Psihicheskoe razvitie v detskih vozrastah. M.: Institut prakticheskoy psihologii, 1995.
14. Epshtejn M.N. Smyslovaya kompaktnost' slova: kolichestvennaya mera udachi novoobrazovaniya // Dar slova. Ezhenedel'nyj leksikon Mihaila Epshtejna. Proektivnyj leksikon russkogo yazyka. 3 sentyabrya 2012. URL: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201209/03100604.html> (data obrashcheniya: 21.09.2025).

Slang in the speech of modern teenage schoolstudents

The slang nominations used by teenage schoolchildren are analyzed. It is stated that they are thematically various and have different frequency of use. They can both enrich the language and be the consequence of language fashion and have a non-ecological impact on it. It is also revealed that the tendency to the use of reduction, reflecting the operation of the law of linguistic economy, is observed in the oral and written speech of modern teenage schoolstudents.

Keywords: *sociolect, slang, youth slang, ecological compatibility, linguistic economy.*

(Статья поступила в редакцию 09.10.2025).

И.А. МИХАЙЛИН

Волгоград

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ «BLACK BOOK/ЧЁРНАЯ КНИГА» КАК МАРКЕРЫ ЖАНРА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

Определяется роль имен собственных в формировании жанрообразующих признаков компьютерной игры, относящейся к жанру «приключения». Выделяется четыре основных признака, характерных для данного жанра (наличие одного главного героя и системы второстепенных персонажей, использование уникальных предметов, детально прописанная игровая география), каждый из которых маркирован собственными именами определенного типа.

Ключевые слова: *имя собственное, компьютерная игра, ономастикон, жанр «приключения», жанрообразующий признак.*

Современные исследования жанрообразующих функций имён собственных в основном проводятся на материале художественных или публицистических текстов. Однако компьютерные игры, в которых фактически сочетаются признаки различных функциональных стилей, реальное и фикциональное начало, отраженное в системе используемых в играх имен собственных, с данных позиций практически не исследовались.

Согласно точке зрения Д.В. Галкина, компьютерная игра – это феномен, в основе которого лежит симбиоз художественного и технологического начал. В данном случае технология (связанные воедино компьютерный код и визуальное оформление) – ин-

струмент для создания формы «художественного произведения – мира компьютерной игры» [1]. Этот мир создается с помощью определенных структурных элементов, каждый из которых маркируется определенной группой имён собственных. Такой подход определил цель нашего исследования, которая заключается в выявлении взаимосвязи между именами собственными и жанром компьютерной игры. В качестве иллюстративного материала выбрана наиболее показательная компьютерная игра в жанре *приключения* «Чёрная книга» (англ. «Black Book»). Эта игра разработана российской студией Morteshka в 2021 г. Разработчики характеризуют жанр игры как смесь карточной RPG (ролевой игры) и приключенческой игры [10].

Приключения или *приключенческая игра* (англ. adventure game) – это жанр, в котором игрок в интерактивной форме управляет главным героем, преодолевая появляющиеся на его пути трудности. Зачастую жанр отождествляют с понятием «квест» [13]. Это предопределяется тем, что игровой процесс в играх жанра *приключения* выстраивается на решении героем возникающих задач (квестов) с помощью кого-либо или чего-либо. Среди важнейших элементов жанра отмечают исследование мира, поиск решений головоломок и задач (через предметы), большое количество второстепенных персонажей, которые выполняют разнообразные роли в игре (напарники, противники, фоновые персонажи) и т.д. [12]. Проанализировав представленное описание жанра, мы пришли к выводу, что для игр жанра *приключения* важным будет являться большой и проработанный мир (множественность локаций), в котором игрок решает постепенно появляющиеся перед ним задачи и преодолевает препятствия (*квесты*) с помощью предметов и/или второстепенных персонажей.

Мы считаем, что в играх жанра *приключения* присутствуют следующие характерные жанровые особенности: *наличие одного главного героя и системы второстепенных персонажей (враждебных или дружественных главному герою, в т.ч. его компаньонов), детально проработанная география мира, использование уникальных предметов, необходимых игроку для решения отдельных задач.*

Прежде чем приступать к ономастическому анализу жанровых особенностей, нам бы хотелось обратить внимание на тематику и особенности игры. Разработчики вдохновлялись конкретным историческим и культурным периодом, а также коми-пермяцкими мифами, основываясь на социокультурной информации о Чердынском уезде Пермской губернии Российской империи второй половины XIX в.

События игры повествуют о жизни девушки-крестьянки Василисы. Её возлюбленный погибает, и она намеревается вызволить его из Ада. Для этого главная героиня решает стать *знаткой* (ведьмой), а её приемный дедушка передает ей могущественный артефакт – *Черную книгу*. После этого начинаются приключения. События происходят в 1879 г. в Чердынском уезде Пермской губернии. В основу сюжета легли коми-пермяцкие былички (мифы) [10]. В научных работах последнего времени наблюдается возросший интерес к исследованию коми-пермяцкой культуры: географии Пермской губернии и мифологически-религиозных верований [2; 5; 6]. Очевидно, что коми-пермяцкая культура имеет свои языковые особенности, которые, в частности, нашли отражение в ономастике территорий Пермского края. По нашим подсчетам, ономастическое пространство игры «Black Book/Чёрная книга» составляют 545 имён собственных.

Рассмотрим группы игровых антропонимов, которые используются как маркеры жанровой характеристики *главный герой*. В различных ситуациях для номинации главной героини используются 8 игровых антропонимов (1%): полное имя *Василиса*, 5 его производных вариантов (*Васька*, *Вася*, *Васюшка*, *Васенька* и *Василиса Федоровна*) и 2 прозвища (*Векша* и *Знатка*). Предположительно своё основное имя *Василиса* героиня получила благодаря русской народной сказке «Василиса Прекрасная». В ней героиня отправляется в путь, полный приключений, после смерти близкого человека – мате-

ри. Для этого в помощь она получает волшебную куклу, способную её защищать и подсказывать, что делать в сложных ситуациях. В игре у главной героини погибает возлюбленный, которого она стремится вызволить из лап Сатаны. Для этого она решает перенять ремесло векши от своего деда – Егора. Он отдаёт ей могущественный колдовской артефакт – Чёрную книгу, которая должна помочь героине на её пути. У фольклорной и игровой Василисы много общего: обе теряют близкого человека, получают могущественный предмет, отправляются в путь для достижения финальной цели. Мы полагаем, что имя главной героини игры – результат трансонимизации, т.е. перехода имени известного фольклорного персонажа в игровой антропоним.

Второстепенные персонажи при обращении к главной героине используют различные формы антропонима *Василиса*. Приёмный дедушка обращается к ней *Васька*, *Вася*, *Васюшка*, *Васенька*, что отмечает близость между персонажами. Крестьяне, приходящие к ней с просьбами, используют форму *Василиса Федоровна*, которая демонстрирует их уважение к героине.

Некоторые персонажи при обращении к главной героине употребляют два прозвища – *Векша* и *Знатка*. Оба являются знаковыми для мифологии пермяков (Среднее Прикамье). На этом выстраивается основной синопсис игры и её мир. *Векша* или *Вещица* – это мифологический персонаж женского пола, совмещающий начало человека (женщины) и демона [11]. Использование подобной единицы сюжетно обусловлено. Когда Василиса решает спасти своего любимого, она занимает пост колдуньи *Вильгорта*. Для этого попадает в Ад, где Сатана нарекает её векшей и позволяет пользоваться Чёрной книгой. Так Василиса получает демонические силы, что выражает идею смешения женского и демонического начал в героине и соответствует семантике существительного *векшица*. Прозвище образовано путем онимизации апеллятива *векша*.

В.А. Черванёва отмечает, что существуют специальные имена существительные для номинации людей, обладающих магическими способностями, например, *знаток* [9, с. 16]. Мы полагаем, что для наименования женщины формой этого слова может быть *знатка*. В мифологии коми-пермяков *знатка* – это человек, который служит проводником между миром живых и мертвых (людей и нечисти). Он обладает навыками знахарства, знаниями о заговорах, может как помочь крестьянам в беде, так и накликать беду [7]. В игре Василиса обладает схожими способностями. К ней за помощью постоянно приходят разные люди и бесы. На наш взгляд, существительное *знатка* напрямую отображает род деятельности Василисы и символизирует ее связующую роль между загробным миром и миром живых людей. Здесь мы также наблюдаем онимизацию апеллятива.

Система второстепенных персонажей игры «Черная книга» включает в себя большое количество существ, которые встречаются на пути главной героини. Они могут быть нейтральными, дружественными или враждебными. Всё напрямую зависит от выбора игрока. Второстепенные персонажи реализуют различные игровые условия (выдача заданий и помощь игрокам в решении сложных задач). Они маркированы группой имён собственных второстепенных персонажей, которые так или иначе связаны с продвижением сюжета, – всего 115 имен (21%).

В зависимости от роли в сюжете мы выделяем несколько групп игровых антропонимов.

Первая – 8 имен (5%), принадлежащих 6 персонажам, которых главная героиня Василиса может брать в напарники (они дружественные): *дед Егор* (он же *Егор Евлампович*), *ворон Карныш*, *отставной солдат Николай*, *Войтель* (он же *суседко Прошка*), *Чуров* и *колдун Левонтий* (он же *Белая голова*).

9 имён собственных (8%) – это имена чертей в услужении Василисы. *Матвея*, *Ивашку* и *Федора Кривого* она получает сразу, а *Тринадцатого брата*, *Андрейко*, *Змея*

Огненного, Миколку, Адописного беса и Лувезелько – победив их. Изначально они выступают врагами.

58 имён собственных (53%) – это имена персонажей-противников главной героини и нейтральных персонажей: имена магических существ и богов (игровые мифонимы) и простых людей (антропонимы). К первой подгруппе (46 имен – 79,5%) относятся *Сатана, Леший, Водяной, Бес-призыватель* и т.д. Некоторые из них могут стать дружественными по отношению к героине при выполнении определенных условий. 6 имён собственных используются для номинации персонажей-людей, которые в зависимости от выбора игрока могут быть как врагами, так и нейтральными персонажами: *Капитолина Ивановна* (она же *Пряха*), *врач-дворянин Александр, Прокопий, Пётр и Матрена*

Вторая подгруппа (12 имен – 18%) – это имена людей-прямых противников: *Разбойник у дороги, Грабитель* и др. Последняя подгруппа – имена людей, встречающихся на пути главной героини. Таких имён 23 (33,5%): *Евдокия Фоковна, Федька-гармонист, Батюшка, Травница, Книжник* и т.д.

Рассмотрим особенности образования некоторых имён второстепенных персонажей.

Ворон Карныш – это имя мифического существа из игры, которое появляется перед героиней в виде ворона. В реалиях игры *Карныш* выступает сыном *Ворса* (Лешего). Мы полагаем, что искусственно созданное имя *Карныш* образовано путём комбинации звукоподражательного слова *кар-*, которое демонстрирует издаваемый воронами звук, и суффикса *-ыш*, свидетельствующего о наличии определённого признака (принадлежности к определенной породе птиц).

В игре есть информация о том, что бес *Матвей* когда-то давно был человеком, опричником при правлении Ивана Грозного. Возможно, это аллюзия на Матвея Третьякова, который был опричником у Ивана Грозного. Так имя исторического персонажа было перенесено в игру и дано второстепенному персонажу. Имя беса *Федор Кривой* тоже, вероятно, перенесено в игру из реального мира, это аллюзия на существовавшую историческую личность. У Ивана Грозного был воевода князь *Фёдор Петрович Сицкий* по прозвищу *Кривой*. Прозвище *Кривой* также указывает на характерную внешнюю особенность беса – его кривой глаз.

Бес Тринадцатый брат поясняет, что у него было 12 братьев, и все они погибли на войне. В итоге остался только он один – *Тринадцатый брат*. Число тринадцать, входящее в состав имени собственного, в суевериях часто связывается с чем-то негативным, с неудачей и несчастьями, – ср., например, словосочетание *чёртова дюжина*. Имя *Тринадцатый брат* связано с судьбой персонажа. Он лишился всей своей семьи, а после смерти не смог упокоиться и превратился в дьявольскую потустороннюю сущность.

В имени *Адописный бес* мы видим отсылку к реально существующему явлению – *адописным иконам*, в которых лики Святых переиначиваются на дьявольские мотивы (им добавляют рога, демонические крылья и т.д.) [8]. В игре бес появляется из рамки написанной иконы при первой встрече.

При изобретении имени беса *Лувезелько*, вероятно, была применена анаграмма с добавлением суффикса *-к* и окончания *-о*, стилизовавших под реалии игры имя собственное *Вельзевул*. В Новом Завете это имя отождествляется с нечистым духом (бесом).

Жанровая характеристика *использование уникальных предметов* связана с предметами, выдаваемыми игроку в начале игры. На них базируются основные игровые механизмы: использование заклинаний и контроль над некоторыми персонажами. Наименования таких предметов мы определяем как игровые хрематонимы. В данной игре 2 хрематонима (0,5%): *Чёрная книга* и *Пестерь с чертями*.

Чёрная книга – предмет, обладающий невероятной силой. Она запечатана семью печатями. И никто не может её открыть. В контексте игры именно Василиса должна

это сделать, чтобы вернуть своего возлюбленного из загробного мира. Мы считаем, что предмет отражает симбиоз между мифологическим/языческим и христианским началами. Подобное наблюдалось во времена, взятые за основу для игры. Для номинации было использовано атрибутивное словосочетание: существительное *книга* отсылает к священным текстам, а прилагательное *чёрная* демонстрирует связь с мистикой и чёрной магией. Схожие трактовки термина *чёрная книга* прослеживаются и в других мифологиях. Например, в латышской мифологии *чёрная книга* – это магическая книга, с помощью которой можно вызвать из загробного мира мертвых для выполнения какой-то воли [14, с. 210–211]. В событиях игры Василиса может использовать книгу схожим образом. Она способна вызывать бесов, говорить с ними и воздействовать на них силой с помощью заклинаний из книги.

Пестерь с чертями – это плетеная корзина, в которой Василиса хранит бесов, слушающих ей. В игре упоминается, что векше помогают в её делах черти, в противовес они обязаны её мучить. Для того чтобы они ее не мучили, героиня обязана отправлять их на задания (вредить людям). Мы полагаем, что этот предмет показывает связь персонажа с потусторонними явлениями, Адом, откуда появляются черти и т.д. Единица представляет собой словосочетание двух имен существительных. Для народов среднего Урала *Пестерь* означал «емкость прямоугольной формы, задняя часть которой выплетается выше и нахлестывается на переднюю <...>, плели такой короб в основном из узких полос бересты прямым или косым плетением» [3]. Представленное описание предмета в точности повторяет его визуальную форму в игре.

Самой многочисленной группой имён собственных в игре выступают топонимы, которые используются для маркирования жанровой особенности *детально проработанная география игры*. Всего в игре 357 топонимов (65,5%). Группа представлена самыми разнообразными единицами. Это названия игровых локаций, на которых происходят события игры. Среди них комонимы: *село Энидорское, деревня Бигичи, деревня Пантина, деревня Усть-Каиб* и т.д. (34 ед. – 9,5%); лимонимы *Озеро Лопатское, Котжильские озера, Качево озеро* (3 ед. – 1%); дромонимы *Боневская дорога, дорога на Пятнег, Турганский тракт* и т.д. (11 ед. – 3%); дримонимы *Алимовская роща, лес у Бигичей, Камгортская роща* и т.д. (15 ед. – 4,5%). В составе игровых топонимов выявлены также потапонимы. Н.В Подольская определяет потапоним как «имя собственное любой реки» [4, с. 112]. Всего таких названий 5 (1,5%): *Колва, Низовка, Таракановка, Цыдовка, Бодюжинка*. В игре встречаются и названия болот, выступающих игровыми локациями. В ономастике имена собственные болот называются гелонимами [4, с. 43]. Таких единиц в игре насчитывается 8 (2%): *Люльвинские болота, Салманские болота, болото Касьяна, Чёрные болота, Верхне-Чугрумское болото, Адово болото* и т.д.

281 единицу (78,5%) из группы географических имён собственных мы относим к игровым топонимам. Они номинируют более мелкие отдельные участки на территории *Чердынского уезда Пермской губернии*. Например, *Старый мост, Троицкая церковь, обрыв Ташкова, Ярмарка, Старые кладбища, Старый идол* и т.д. Для мира игры подобные названия уникальны. Они обозначают отдельные подлокации на пути героини в пределах данной территории. В игре каждая из глобальных миссий происходит в ряде конкретных локаций, в которых есть свои небольшие подлокации.

Рассмотрим построение географии локаций на примере второй главы «Как к водяному в гости попасть» и миссии «Добраться до завода».

Каждая из глав начинается с одной из самых значимых локаций, откуда героиня начинает свой путь, выполняя поставленные задачи, а после возвращается в *Избу Деда Егора*. В основе этого топонима – имя второстепенного персонажа *деда Егора*, поэтому эту единицу мы определяем как антропотопоним. После получения задания героини

ня попадает на карту заданий, где она линейно должна посещать представленные подлокации. В миссии «Добраться до завода» такими подлокациями выступают: *Земская станция, Дорога на Усть-Боровское, Кокаринская роща, Деревня Логово, Чёрный берег, Мрачный лес, Село Нижнее Мошево, Село Усть-Боровское, Усть-Боровской завод и Заводская Изба*.

Героиня начинает свою дорогу с *Земской станции*. Это условный игровой топоним, т.к. прямого подтверждения, что во времена Российской империи близ территории села Усть-Боровское была земская станция мы не обнаружили. Он нужен для развития сюжета: Василиса отправляется на завод на повозке, но не доезжает до него и останавливается на станции. Далее Василиса пытается добраться до *Усть-Боровского соляного завода*, находящегося в пределах *села Усть-Боровское* (его округа выступают глобальной локацией для задания). Вдоль дороги Василиса может посетить локации, маркированные дримонимом *Кокаринская роща*, а также комонимами *Деревня Логов* и *Село Нижнее Мошево*. Это реальные топонимы, перенесенные в игру без существенных изменений. Их расположение соответствует примерной географии региона реального Чердынского уезда.

Топонимы *Мрачный лес* и *Чёрный берег* – это названия, введённые в игру для реализации мифологического начала. Они образованы путём онимизации. Названия характеризуют особенности этих мест. Василиса посещает лес и берег в ночное время, из-за чего они выглядят *черными* и *мрачными*. На берегу она встречает *черных* как смоль бесов. Названия подлокаций *Усть-Боровской завод* и *Заводская Изба* становятся финальными точками путешествия Василисы в рамках этого задания. Название завода было перенесено в игру без изменений. *Заводская изба* выступает промежуточной локацией, выполняющей те же функции, что и *Изба Деда Егора*. Название указывает на расположение избы рядом с заводом. Здесь мы также наблюдаем онимизацию. Все искусственно созданные локации имеют ясную внутреннюю форму.

Оставшиеся 64 онима формируют ономастический фон игры, необходимый для продвижения сюжета. Отдельную подгруппу составляют названия растений, или фитонимы: *Одолень-трава, Колюка-трава, Прикрыш-трава, Тирлич-трава, Плакун-трава, Адамова голова, Разрыв-трава, Петров крест* и т.д. (27 ед. – 39,5%). Каждое из таких растений, по коми-пермяцким поверьям, обладает какой-то своей волшебной силой. Её отображение мы находим и в игре. Например, считается, что разрыв-трава способна открывать любые замки. В игре с помощью этой травы героиня может открыть заржавевший замок, разрушить деревянную балку и т.д. Плакун-трава в поверьях способна помочь в управлении нечистыми духами. В игре героиня может заставить противника атаковать своего напарника с помощью этой травы. Все названия растений были перенесены в игру без изменений.

Другая группа фоновых имен собственных – хоронимы. Они не обозначают активные локации, встречаются в диалогах и текстовых вставках: *Пермская губерния, Чердынский уезд, Вильгорт, Коми-Пермяцкий округ, Русский Север, Пятнег, Урал, Сибирь* и т.д. (21 ед. – 36%).

Последние 16 имён собственных – это онимы разных разрядов (24,5%). 6 из них мы относим к антропонимам. Среди них 2 антропонима, которые принадлежат реальным историческим лицам: *Иван Грозный* и *епископ Архангельский и Холмогорский Вениамин*. В игру имена этих лиц перенесены без изменений. Четыре антропонима, упоминаемые в диалогах, – *Евламтий Гуров, Тимофей, Дашка из Пильвы* и *Проконий юродивый* – были созданы для игры. Они соответствуют реальным именам, характерным для простых людей середины XIX в. 5 игровых теонимов – *Сидящий на Престоле, Иисусе Христе, Омуть, Ен* и *Войпель* – демонстрируют сочетание языческих верований и христианской веры. Первые два относятся к христианству, а последние – к верованиям ко-

ми-пермяков. Три названия книг и письменных источников (*Послание Синода, Откровение Святого Иоанна Богослова, Житие Стефана*) и одно название временного отрезка (хрононим *Русско-турецкая война*) тоже введены в игру без изменений. Названия книг используются для реализации идеи о внедрении христианства на землях Российской империи. Одно из имён собственных – экклезионим *Свято-Чертовская церковь*, – употребляет в речи дух-икотник Прошка. Будучи изначально враждебным персонажем, он мечтает об установлении бесовского порядка и о том, чтобы люди почитали его. Для этого он хочет открыть *Свято-Чертовскую церковь*. Это имя собственное – результат игры семантически несочетаемых слов, что противоречит догмам христианской веры и указывает на дьявольское происхождение персонажа. Ср. с традиционными экклезионимами, образованными по этой модели: *Свято-Иоанновский Монастырь, Свято-Успенский Храм* и т.д.

Таким образом, в компьютерной игре «Черная книга» основные признаки жанра *приключения* маркированы именами собственными определенного типа. В центре игры – один *главный герой*, Василиса. Для ее номинации используется комплекс из нескольких различных антропонимов, многократно повторяющихся в игре (полная форма имени, диминутивы, прозвища), что подчеркивает значимость главного героя. Характеристика *система второстепенных персонажей* связана с наличием в игре нескольких героев, которые препятствуют или способствуют выполнению задач, стоящих перед *главным героем*: персонажи-люди, персонажи-духи, персонажи-боги, персонажи-бесы. Для номинации многих персонажей-людей авторы пользовались существующими антропонимами, характерными для именования простых людей в XIX в. Некоторые из них содержат интертекстуальные отсылки к мифологическим и фольклорным персонажам, характерным для коми-пермяцкой культуры. Часть имен персонажей-людей отражает род их деятельности. Для их создания авторы использовали онимизированные апеллятивы. Отдельные имена персонажей-богов, духов и бесов взяты из коми-пермяцкой мифологии. Другая часть создана искусственно. Они имеют ясную внутреннюю форму и отражают особенности игровых персонажей (внешний вид, выполняемая функция, предыстория). При их создании использовались приемы метафоризации, иногда применялись словообразовательные способы (словосложение и суффиксация).

Характеристика *использование уникальных предметов* представлена двумя хремотонимами – именами магических предметов, необходимых для преодоления препятствий на пути главной героини к реализации поставленной цели.

Характеристика *детально проработанная география игрового мира* представлена самой многочисленной группой имен собственных – топонимами. Они использовались для номинации локаций и подлокаций. Их условно можно разделить на две группы. Первая перенесена из реальной географии Чердынского уезда Пермской губернии без изменений. Вторая создана для нарратива игры. Вторая группа названий выступает связующим звеном между более крупными локациями (топонимами из первой группы). Такие названия отражают более мелкие места на карте. В большинстве своем это онимизированные атрибутивные словосочетания, характеризующие местность: внешняя характеристика, закреплённость за каким-то значимым персонажем или связь с более крупными локациями.

Кроме того, в игре присутствует ономастический фон, который образуют имена собственные разных разрядов. Большинство из них – это реальные топонимы, антропонимы, мифонимы. Они устанавливают связь с определенным местом и способствуют погружению игрока в определенную эпоху – 1879 год, Чердынский уезд Пермской губернии Российской империи.

Подводя итоги, отметим, что рассмотренные жанрообразующие признаки, каждый из которых маркирован собственными именами (*наличие одного главного героя, систе-*

мы второстепенных персонажей, использование уникальных предметов для выполнения заданий и сложной, системно организованной игровой географии), характерны и для других игр жанра приключения. При этом их качественная и количественная характеристики могут различаться в зависимости от особенностей игровой истории.

Список литературы

1. Галкин Д.В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. С. 54–72.
2. Голева Т.Г. Метеорологическая магия у коми-пермяков. Оказиональные приемы воздействия на погоду // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 4 (31). С. 19–30.
3. Пестерь: сайт музея // URL: <https://uraltradicia.ru/vystavki/cikl-publikacij-istoriya-odnogo-predmeta/pester/> (дата обращения: 19.10. 2025).
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978.
5. Подюков И.А. Коми-пермяцкая мифологическая лексика и фразеология как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2018. № 1 (14). С. 107–121.
6. Ракин А.Н. Структурно-словообразовательная система метеорологической лексики коми-пермяцкого языка // Финно-угорский мир. 2016. № 2 (27). С. 36–41.
7. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. СПб.: Алетейя, 1997.
8. Трубачева М. С. Адопись // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2000. Т. 1. С. 310.
9. Черванёва В.А. Колдун/колдунья: особенности референции магических специалистов в севернорусских мифологических рассказах // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 6. С. 12–26.
10. Черная книга: Сайт для покупки игр // URL: <https://www.morteshka.com/ru/black-book> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Черных А.В., Русинова И.И., Шкураток Ю.А. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016. Т. 17. № 2 (62). С. 62–79.
12. Adams E. Fundamentals of Game Design. Prentice Hall, 2006. P. 398–399.
13. Adams E., Rollings A. Andrew Rollings and Ernest Adams on game design. New Riders Publishing, 2003. P. 347–348.
14. Mitoloģijas enciklopēdija 1. Rīga: Latvijas enciklopēdija. 1994. P. 210–211.

* * *

1. Galkin D.V. Komp'yuternye igry kak fenomen sovremennoj kul'tury: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya // Gumanitarnaya informatika. 2007. № 3. S. 54–72.
2. Goleva T.G. Meteorologicheskaya magiya u komi-permyakov. Okkazional'nye priemy vozdejstviya na pogodu // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2015. № 4 (31). S. 19–30.
3. Pester': sajт muzeya // URL: <https://uraltradicia.ru/vystavki/cikl-publikacij-istoriya-odnogo-predmeta/pester/> (data obrashcheniya: 19.10. 2025).
4. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii / Otv. red. A.V. Superanskaya. M.: Nauka, 1978.
5. Podyukov I.A. Komi-permyackaya mifologicheskaya leksika i frazeologiya kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya // Voprosy leksikografii. 2018. № 1 (14). S. 107–121.
6. Rakin A.N. Strukturno-slovoobrazovatel'naya sistema meteorologicheskoy leksiki komi-permyackogo yazyka // Finno-ugorskij mir. 2016. № 2 (27). S. 36–41.
7. Sidorov A.S. Znaharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi. SPb.: Aletejya, 1997.
8. Trubacheva M. S. Adopis' // Pravoslavnaya enciklopediya. M.: Cerkovno-nauch. centr «Pravoslavnaya encikl.», 2000. T. 1. S. 310.
9. Chervanyova V.A. Koldun/koldun'ya: osobennosti referencii magicheskikh specialistov v severnorusskikh mifologicheskikh rasskazah // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2023. № 6. S. 12–26.

10. Chernaya kniga: Sajt dlya pokupki igr // URL: <https://www.morteshka.com/ru/black-book> (data obrashcheniya: 19.10.2025).

11. Chernyh A.V., Rusinova I.I., Shkuratok Yu.A. «Veshchica» v mifologicheskikh rasskazakh russkikh Srednego Prikam'ya // Tradicionnaya kul'tura. 2016. T. 17. № 2 (62). S. 62–79.

The proper nouns in the computer game “Black Book” as the markers of adventure genre

The role of proper nouns in the development of genre-formative features of computer games, related to the adventure genre, is defined. There are revealed four basic features, that are specific for this genre (the existence of one principal character and the system of background characters, the use of unique subjects, the described in detail gaming geography), all of which is marked by the proper names of the specific type.

Keywords: *proper noun, computer game, onomasticon, adventure genre, genre-formative features.*

(Статья поступила в редакцию 25.10.2025).

В.П. МОСКВИН
Волгоград

МЕСТОИМЕНИЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Рассмотрены подходы к определению местоимения, проанализированы его речевые функции и типовые стилистически релевантные замены, на этой основе уточнены его дефиниция и место в системе частей речи современного русского литературного языка.

Ключевые слова: грамматика, часть речи, местоимение, фигура речи.

Еще Э. Бенвенист справедливо указал на то, что местоимение (*далее* – М.) при трактовке его как образующего «единый класс на формальной и функциональной основе» становится предметом «непрекращающейся дискуссии» [2, с. 285]. Типовым объектом разногласий и сейчас остаются как формальные, так и функциональные критерии определения М., которое, равно как причастие, деепричастие, звукоподражание и модальные слова, в русской филологии представляет собой одну из наиболее спорных частей речи (*далее* – ЧР) прежде всего в плане понятийного объема, который заметно варьируется в зависимости от концепции автора, а следовательно, и в плане определения.

В специальной литературе разных лет М., в противопоставление всем иным ЧР, обычно характеризуется на основе двух критериев (*далее* – К):

1. По семантическому критерию [К-1] – как знак: а) указательный, дейктический: «М. обязательно дейктичны, указательны, а не прямо номинативны. М. – слова-указатели, напоминающие, а не называющие прямо объект» [25, с. 262; 6, с. 22; 28, с. 12–14], в связи с чем М. оцениваются как «тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции» [21, с. 10]; б) семантически неопределенный, абстрактный, т.е. лишенный дескриптивных и оценочных (см. *далее* п. 1.1.) элементов: «Другой семантической особенностью М. считается широта их применения. Они характеризуются неопределенностью вещественного значения корня-основы. В них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельствам (*какой-то, некоторый, кое-кто, никакой, откуда, куда* и т.п.). Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы “беспредметным”» [5, с. 270]. Если лексическое значение М. условно, логично полагать, что М. имеет «значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов заключается <...> в том, что у них совсем нет вещественного значения», т.е. М. образуют «особую <...> экстерриториальную <...> группу, живущую на “территории” грамматики» [23, с. 155–156]. С этой позиции трудно принять мысль о том, что М. «не обладает значением» [28, с. 18], является знаком «пустым» [2, с. 288]. Грамматичность значения М. отвечает гипотезе о местоименном происхождении флексий [39, с. 147; 40, с. 203; см. обзор: 17, с. 210–215].

1.1. Неопределенным М. (*Приходил тут какой-то*) приписывается отрицательная оценочность, объясняемая «модальностью “незнания”»: «*неизвестный*, значит, скорее

плохой» [7, с. 131], однако эта формула обратила бы все неопределенные М. (*кто-либо, что-то, сколько-нибудь, некоторый* и др.) в пейоративы, что не отвечает действительности. Думается, что оценочность у М. *какой-то* присутствует, но, скорее всего, на правах коннотации, возникшей в результате семантического заражения в таких контекстах, как: *Приходил тут какой-то подозрительный тип, Устроили тут какой-то цирк* и др.*

Желательно также различать: 1) местоименное прилагательное *какой-то* с тремя сериями сочетаемости: а) нейтрально-оценочной: *какое-то здание*; б) положительно-оценочной: *какой-то дивный сон*; в) отрицательно-оценочной: *какой-то ужас (кошмар), какой-то подозрительный тип*; 2) субстантивированное М., возникшее на основе серии (1в): *Приходил тут какой-то*.

2. По морфологическому критерию [К-2] – как склоняемая ЧР [32, с. 166], но при этом: а) обнаруживающая «особые самостоятельные типы словоизменения» [10, с. 64] и представленная «словами с аномальным склонением» [1, с. 39] [К-2а]; б) морфологически гетерогенная [К-2б].

Из сопоставления семантического [К-1] и морфологического [К-2] критериев вытекают два обстоятельства:

1. Если критерии [К-1] и [К-2а] интегрируют М. как ЧР, то критерий [К-2б] является в этом плане дезинтегрирующим фактором, в связи с которым М. «распределяются по различным частям речи» [14, с. 5].

2. При осмыслении критериев [К-1] и [К-2а] как менее значимых либо иррелевантных по сравнению с [К-2б], что с точки зрения грамматики представляется логичным, местоимению отказывают в статусе ЧР: «целый ряд так называемых “М.” приходится считать существительными: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, кто? что? некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*», «под категорию прилагательных мы подводим и такие “М.”, как *мой, твой, наш, ваш, свой, этот, тот, такой, какой, который, всякий, сам, самый, весь, каждый* и т.п.» [35, с. 74, с. 76; ср.: 10, с. 64].

Закономерно возникает вопрос, существует ли тот дефиниционно релевантный признак М., который бы обеспечил ему несомненный частеречный статус. В связи с этим заметим, что М. было выделено как ЧР на функциональной основе – прежде всего как средство субституции [К-3], что отражено во внутренней форме термина М.: а) лат. *pronomen* и греч. *ἀντωνυμία* (от греч. эол. *ὄνομα*) ‘М.’, букв. ‘вместо имени’; б) *ἀντωνομασία/ἀντονομασία* (от общегреч. *ὄνομα*) грам. ‘М.’, ритор. ‘переименование’. Вариант *ἀντωνομασία* находим в трактате Аполлония Дискола, с пояснением написания: «Ἐκφεύγοντάς φασι τὸ Αἰολικὸν τοὺς <...> ἀντωνομασίας καλεῖν, εἶγε τὸ μὲν ὄνομα οὐ κοινόν, τὸ δὲ ὄνομα». – *Дабы избежать эолийского произношения, называем антономасией: не от ὄνομα, но от общего ὄνομα* (т.е. принадлежащего койне. – В. М.) [37, с. 3]. Вариант *ἀντονομασία* находим у Дионисия Фракийского в следующем контексте: «Затем местоимения (ἀντονομασίας) были отделены от имен – <так появилась> шестая (ἕκτον)** часть речи» [53, с. 7]. В словаре А. Этьена мл. (1528–1598) термины *ἀντωνυμία* и *ἀντονομασία* представлены как синонимичные, но первый, в отличие от второго (обо-

* Возможно, путь семантического заражения прошли и «эмоциональные» [33, с. 495] М. *экий, этакый, сякой*, а также рифмованное удвоение *такой-сякой*.

** Классификация ЧР восходит к дихотомии «ὄνομα / ῥῆμα» ‘имя / глагол’, указанной Платоном (428–348 гг. до н.э.) в диалоге «Софист» (1). В «Риторике» Аристотеля названа третья ЧР: союзы (σύνδεσμοι) (2). По свидетельству Диогена Лаэртского, стоики Диоген Вавилонский (240–150 гг. до н.э.) и его учитель Хрисипп (281–208 гг. до н.э.) различали пять ЧР: имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз, артикль (3). Рассматривая развитие теории ЧР, Квинтилиан отметил, в частности, вклад александрийского филолога Аристарха Самофракийского (216–144 гг. до н.э.), составлявшего комментарии (схолии) к поэмам Гомера, что потребовало более дифференцированной системы ЧР, насчитывающей восемь ЧР. Канонической для античной филологии стала восьмичленная классификация ЧР, принадлежащая Дионисию Фракийскому, ученику Аристарха (его труды утрачены): имя (собственное и нарицательное), глагол, причастие, артикль, М., предлог, наречие, союз (4). При взгляде на систему (4) с точки зрения (3) М. оказывается шестой ЧР. – В. М.

значающего и однословную, и неоднословную номинацию), означает номинацию строго однословную, т.е. «заключенную в одном слове (*in uno vocabulo*)» [49, с. 1034].

С этой точки зрения, восходящей к эпохе Античности, четыре известных значения последнего термина, принадлежащего риторике и стилистике, целесообразно дополнить **пятым**. Тогда антономасия представляет собой замену: 1) онима перифразой: *вечный город* вместо *Рим*; 2) онима апеллятивом: *светило* вместо *Солнце*; 3) апеллятива метафорически употребленным онимом: *Плюшкин* вместо *скряга*; 4) имени существительного прилагательным: *серый* вместо *волк*; **5)** имени (существительного, прилагательного или числительного) местоимением: а) указательным: *находящийся рядом, ближний* ↔ *этот*; *дальний* ↔ *тот*; *упомянутый, указанный* ↔ анафорич. *этот, тот*; *подобный* ↔ *такой же*; б) отрицательным: *бесхозный* ↔ *ничей, пусто* (в холодильнике) ↔ *ничего* (в холодильнике нет), *ни души* ↔ *никого*, в индивидуально-авторском употреблении: *И по мере того как уходят все те, кто любимы, // человек утончается, делаясь точкой // Никем* (А. Габриэль. Воробьи и люди, 2021) – ср.: геометр. *точка* ‘нульмерный объект’; в) неопределенным: *неустановленное лицо* ↔ *некто, неопознанный объект* ↔ *нечто, определенный* ↔ *некоторый, ряд* ↔ *несколько*; г) определительным: *лично* ↔ *сам, наиболее* ↔ *самый, целый* ↔ *весь, первый попавшийся* или *встречный* ↔ *любой (каждый, всякий), несхожий* ↔ *другой*, в индивидуально-авторском употреблении: *и, засмеявшись, убежал, // и плакал остальной* (А. Левин. Квартет, 1995) – вместо *другой*.

Об отношении вопросительных, личных, притяжательных и возвратного М. к функции замещения, а также о соотношении М. и наречий, М. и глаголов речь пойдет ниже. Если предположить, что М. как грамматическая категория действительно привязано к тактике (**5**), то выстроенная нами модель лишней раз убеждает в справедливости мысли Л. Шпитцера: «Синтаксис и грамматика – не что иное, как застывшая (*gefrorene*) стилистика» [48, с. 517].

Существует мнение, согласно которому коррелятом прономинального субститу-та является местоглаголие, *pro-verb* букв. ‘проглаголие’ [43, с. 83], т.е. глагольное М.: а) *Не делай этого!* [19, с. 166]; б) «что делать: *писать, плясать, печь, развлекаться*» [29, с. 90]. Думается, что идея местоименности заключена здесь не столько в глаголе, сколько в М. *это* и *что*, предполагающих отвлеченную идею действия и, соответственно, принципиальную возможность отглагольного имени существительного, к которому трансформационно могут быть сведены речения указанного типа: а) *ремонтит квартиру* → *делает в квартире (что?) ремонт (= это)*; б) *пляшет* → *устраивает (что?) пляски (= это)*. Прикрепленность идеи действия именно к М. *это* демонстрирует и следующий просторечный дериват: *Тогда по банану взяли, раз это самое его, распатронули – мыло и мыло. Тьфу!* (В. Орлова. Проводины, 2022).

Следует согласиться, что глаголы типа *делать* в силу своей абстрактности «похожи на местоимения» [29, с. 90], но признать глаголы *делать* и *устраивать* местоимениями *sensu stricto* мешают: а) невозможность субституции *они пошли делать* вместо *они пошли плавать* [29, с. 90] – как представляется, ввиду отсутствия М. *это* (ср.: *пошли это делать*); б) неполнота семантической опустошенности, в частности присутствие в их значениях элементов дескриптивности и оценочности (К-16).

Внутренней форме термина М. отвечают первые его дефиниции, составленные александрийскими грамматиками:

1. Аполлонием Дисколом (II в. н.э.): «М. (*ἀντωνυμίον*) – часть речи (*μέρος λόγου*), вместо имени употребляемая» [37, с. 2].

2. Дионисием Фракийским (170–90 гг. до н.э.), автором трактата «Грамматическое искусство», в котором М. впервые фигурирует как ЧР: «М. – часть речи, вместо имени

(ἀντὶ ὀνόματος) употребляемая и лица (πρόσωπον) разграничивающая» [51, с. 640]. Под именем Дионисий понимал:

- 1) два разряда имен существительных: а) нарицательное (προσηγορία); б) собственное (ὄνομα, в греческой филологии этот же термин означает и имя в широком смысле);
- 2) имя прилагательное (ὄνομα ἐπίθετον);
- 3) порядковое и количественное числительное.

К этим ранним дефинициям восходят средневековые определения: «М. – часть речи, изобретенная (inuēntēe) для замены как собственного, так и нарицательного имени <...>» [45, с. 47]. Приведем трактовки этого же типа, составленные в Новое время: 1) «М. – названо так потому, что оно становится вместо имени» [22, с. 20]; 2) «Категория слов, которую античные грамматики рассматривали в качестве заместителя имени <...>, поскольку эти слова косвенным образом содержат в себе понятие лица или предмета <...>» [18, с. 153]; 3) М. выполняют в языке «заместительную функцию», «замещают слова, т.е. выступают в функциях последних» [17, с. 27, с. 32]; 4) М. «выполняют роль субститутов, слов-заместителей» [6, с. 195] и др.

Трактовки данного типа не являются общепринятыми, поскольку: а) личные М., «выражая первые два лица, не замещают имен, вовсе не имеющих своих представителей в этих лицах» [20, с. 269; ср.: 43, с. 82; 17, с. 141]; б) «Функция замещения при существа в основном местоимениям *он, она, оно* и указательным местоимениям. Местоимения же *я, ты, мы, вы, сам, самый* и др. никаких других слов не замещают» [3, с. 96]; в) функция замещения отсутствует у личных М., исключая М. 3-го лица [14, с. 6].

С учетом фактов этого рода заместительная функция М. закономерно смещается на второй план: «<...> местоимениями называются слова – существительные, прилагательные, числительные, наречия, которые составляют замкнутые, непополняющиеся ряды и объединяются указательной функцией (разновидностью указательной функции является функция заместительная)» [24, с. 529], откуда вытекает, что функцией замещения обладают не все М.: «К словам-названиям примыкают и слова, являющиеся эквивалентами, а иногда и заместителями названий. Такие слова называются местоимениями» [5, с. 34]. Думается, что условия, при которых М. могут становиться заместителями названий, требуют уточнения.

Приведем контраргументы.

1. На наш взгляд, указанные Л.Л. Буланиным М. *сам* и *самый* взаимозаменяемы с наречиями: а) *сделаю сам* ↔ *сделаю лично (собственноручно)*; б) *самый красивый* ↔ *наиболее красивый*.

2. О. Есперсен, в целом признавая заместительную функцию М., отмечает: «ни у кого нет сомнений в том, что *никто* и вопросительное слово *кто* являются местоимениями, но нелегко понять, какие существительные они могут заменить» [43, с. 82]. Однако смысл отрицательного М. *никто* выразить через существительное можно: *никого* ↔ *ни души (на улице нет)*, субститут же вопросительного (а значит, катафорического) М. содержится в ответе (*Кто пришел?* → *Сосед пришел*). На такой замене основан вопросно-ответный ход, а также, например, следующий риторический вопрос с ответом в предтексте: *я твердо знал, что Бога нет, // но кто мне путь подсказывал?* (И. Губерман. Я дую иногда на облака. Гарики, 2021); возможна и такая замена: *Кто не ругал станционных смотрителей?* ↔ *Есть ли человек, не ругавший станционных смотрителей?*

3. Личные М. существуют в языке на разных основаниях, в связи с чем такие М. нередко ограничивают первыми двумя лицами [32, с. 166]): значение 1-го лица имеется только у М. *я* и *мы*, 2-го – у М. *ты* и *вы*, значение же 3-го лица разделяется М. *он, она, оно, они* «с необозримым количеством существительных, что формально выражается в общности их согласования с глаголом» [27, с. 187; 43, с. 82]. Показательна с этой точ-

ки зрения, например, следующая фраза: *Нас, между прочим, немало. Нас, художников наших. И есть среди них (или нас? – В. М.) достойные, талантливые* (В. Алейников. И сияние. Проза поэта, 2021).

Равенством лиц обеспечивается взаимозаменяемость существительных и М. 3-го лица (*Художников немало. И есть среди них достойные*). Взаимозаменяемость же существительных и М. первых двух лиц, казалось бы, должна вызывать обоснованные сомнения, поскольку в этом случае при субституции происходит смена лица, что приводит: а) к неясности или неточности (*Художников немало. И есть среди нас достойные*); б) к аграмматизму: *Вы изволите → Ваше Величество изволите*.

Вместе с тем при взгляде с точки зрения элокуции – теории фигур, впоследствии ставшей разделом стилистики ресурсов, выясняется, что М. 1-го и 2-го лиц способны вовлекаться в отношения субституции с существительными (3-е лицо) несмотря на категориальное несовпадение лиц:

1. При использовании фигуры иллеизма [лат. *ille* ‘он’], т.е. в речи о себе в 3-м лице, М. 1-го лица оказываются замещены:

1.1. Именем нарицательным:

а) в высоком библейском стиле: *Укреплю их в Господе, и они будут ходить во имя Его, говорит Господь* (Книга пророка Захарии, 10: 12) – ср.: *во Мне* ‘в вере в Меня’; *Иисус сказал им в ответ: <...> Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог* (Еванг. от Иоанна, 6: 26 и 27) – ср.: *дам Я, на Мне*;

б) в ораторской речи: *Да, Президент Российской Федерации получил от верхней палаты парламента право использовать Вооруженные Силы на Украине* (В.В. Путин. Послание Президента Российской Федерации, 18.03.2014) – вместо *я*;

в) в деловой речи: *Нижеподписавшиеся обязуются принять все зависящие от них меры, чтобы содействовать установлению на острове Разочарования единого христианского календаря* (Л.И. Лагин. Остров Разочарования, 1950) – вместо *мы*;

г) в научной речи: *автор полагает* – вместо *я* или (как *pluralis modestiae*) *мы*. Формула (1) получила широкое распространение как этикетное средство: так, в китайском языке на правах субститутов М. *я* применяются пейоративы *маленький младший брат, ничтожный, глупец*; в венгерском языке аналогичную функцию выполняет выражение *csekélységem* ‘мое ничтожество’ – ср. также: устар. нем. *meine Wenigkeit* ‘мое ничтожество’, турецк. *bendeniz* (букв. ‘Ваш слуга’) в значении ‘я’ и др. [17, с. 153–162; 28, с. 23–31].

1.2. Именем собственным:

а) в высоком стиле: *Цезарь. Кто из толпы сейчас ко мне взывал? // Пронзительнее музыки чей голос // Звал – Цезарь! Говори же: Цезарь внимлет* (В. Шекспир. Юлий Цезарь, 1599. Пер. М. Зенкевича, 1959) – ср.: *я внимлю*;

б) в речи ребенка, еще не овладевшего «персональным дейксисом, что проявляется в отсутствии местоимений *я* и *ты*»: *Раздень Рому* (двухлетний мальчик о себе самом) [31, с. 155, с. 159] – вместо *меня**;

в) при общении с ребенком, при стилизации детской речи, а также речи первобытного человека, дикаря** – ср.: *За что Робинзон Крузо сердится на Пятницу? Что я сделал?* (Д. Дефо. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, 1719; пер. К.И. Чуковского, 1936).

* «Как известно, ребенок первоначально называет себя собственным именем и с некоторым трудом усваивает личное М.» [8, с. 175].

** Если, вслед за Ф. Блейком, предположить параллелизм онтогенеза и филогенеза, то небезосновательной окажется гипотеза о допрономинальной стадии развития языка, в соответствии с которой до возникновения местоимений в их роли применялись собственные имена [38, с. 244–248]; на первичности М. настаивал В. Гумбольдт [9, с. 113–114].

Номинативную формулу (1.2) зафиксировал испанский грамматист Ф. Санктиус (1523–1601), отметив, что «можно сказать *Франциск* вместо *я*» [46, с. 26–27]. Согласно оценке О. Есперсена, «для неискушенного ума очень неестественно говорить *Я вижу тебя* вместо *Отто Есперсен видит Мэри Браун*» [43, с. 82], но любая фигура речи стилистически отмечена, а значит, ее применение ограничено определенными констатирующими условиями. С.Д. Кацнельсон полагает, что «М. я не имеет заместительной функции» (а), употребление же «имени собственного или выражений типа *Ваш покорный слуга, автор этих строк* и т.п. в данной позиции следовало бы скорее признать особыми стилистическими заменами “местоимения” первого лица (б)» [12, с. 147]. Здесь тезис (а) явно вступает в логический конфликт с тезисом (б).

Аппозитивная трансформация формулы (1.2) *Цезарь внемлет* → *Я, Цезарь, внемлю* приемлема, замена же *Цезарь внемлет* → *Цезарь внемлю* выглядит как аномалия, тем не менее издавна известны примеры «имен, используемых в первом лице» [44, с. 10; ср.: 50, с. 403]:

а) *Annibal peto pacem* (Тит Ливий. История Рима. I: 30. I в. до н.э.), букв. ‘Аннибал прошу мира’* – вместо ожидаемого *petit* ‘просит’;

б) *haec tibi victor Romulus rex regia arma fero* (Ливий. Op. cit. I: 10) букв. ‘вот тебе царь-победитель Ромул царское войско веду’ – ср.: *feret* ‘ведет’;

в) *Themistocles veni ad te* (Корнелий Непот. Жизнеописания выдающихся полководцев. IX: 2. I в. до н.э.) букв. ‘Фемистокл <я> пришел к тебе’ – ср.: *venit* ‘<он> пришел’;

г) *Coram, quem quaeritis, adsum, Troius Aeneas* (Вергилий. Энеида. I: 595. I в. до н.э.) букв. ‘Тот, кого ищешь, из Трои Эней, предстою пред тобою’ – ср.: *adest* ‘предстоит’. В грамматике такое применение имен известно как эвокация (лат. религ. ‘вызов, перемагивание на свою сторону чужого божества’, перен. ‘обретение чужого лица’):

а) эксплицитная (*explicita evocatio*): *Я, Аннибал, прошу*;

б) имплицитная (*implicita evocatio*): *Аннибал прошу* [47, с. 28–29]**; под эвокацией чаще подразумевается тип (б) [41, с. 742], тип (а) точнее было бы обозначить как обособленное приложение (см. п. 3б).

Конструкции типа *Петя хочу* не наблюдаются даже на ранних стадиях развития детской речи [31, с. 155], однако эвокация встречается в русском языке при относительном М.: *Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою* (Еванг. от Иоанна, 4: 26); *И за все это я, который буду делать это для собственного счастья, я буду наслаждаться благодарностью их, буду видеть, как с каждым днем я дальше и дальше иду к предположенной цели* (Л. Толстой. Утро помещика, 1856); *Как мы сами сон свой губим, // Забываем и клянем, // – Мы, которые так любим // И блаженством жизнь зовем!..* (Г. Гейне. Он уж снился мне когда-то..., пер. А.Н. Майкова, 1857).

2. Замещение М. 2-го лица субстантивом применяется как прием этикета: – *Благодарю всех господ за исправность, – говорил капитан окружившим его офицерам* (А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда», 1833); *благодарю уважаемого читателя, приветствую уважаемую публику / аудиторию / зрителей – вместо вас*. В китайском языке на правах этикетных субститутов М. *ты* применяются мелиоративы («целительные обороты») *большой старший брат, мудрец, старик*; в венгерском – *Felséged* ‘Ваше величество’ и др. [17, с. 158–162; 28, с. 23–31]. Такая замена, связанная с дефектностью персонального дейксиса, наблюдается в речи детей (*Рома хочет к маме – вместо Я хочу к тебе*), а также в речи взрослых как прием подстройки (*Сейчас мама оденет Рому – вместо Сейчас я одену тебя*). Формула (2) допускает эвокацию: а) при эти-

* Комментируя этот пример, Ф. Санктиус утверждает: «Заблуждаются те, кто считает М. замещением (*visagium*) имени, ведь в выражении *Hannibal peto pacem* отсутствует его, т.е. имя не вторично, а первично» [46, с. 27]; данная мысль согласуется с гипотезой Ф. Блейка.

** Ср.: а) Дворник Иванова пришла; б) Дворник пришла (анаколуф).

кетном субстантиве: *Сегодня я слышал, что Ваше Величество изволите переехать нынешним вечером в Петровский дворец* (К.П. Победоносцев. Письма Александру III, 1881–1889; НКРЯ) – вместо *изволит*; *Ваше преосвященство будете первым архиепископом, первым кардиналом Московским и приобретете на земле славу мирного завоевателя царства, а на небеси – награду апостольскую!* (Ф.В. Булгарин. Димитрий Самозванец, 1830; НКРЯ); б) при относительном М.: *Хотя это кровь птицы, но поверьте, вы, которые будете когда-нибудь читать мои Записки, что воспоминание о ней тяготит мою совесть!..* (Н.А. Дурова. Кавалерист-девица 1835; НКРЯ) – вместо *будут*.

Замены (1) и (2), исключая детскую речь, составляют основу элокутивной тактики дистанцирования (англ. *distancing*) [42, с. 142–143].

3. М. 1-го и 2-го лиц могут:

а) функционировать в роли постпозитивного пояснительного компонента при субстантивах: *Того человека, меня одиннадцатилетнего, на свете нет* (Е.Л. Шварц. Дневник, 6.07.1951); *Либо мы встретимся в каком-то месте, либо в такой-то час, невозможно спрогнозировать и то и другое, учитывая особенности движущегося объекта – то есть меня* (Т. Веденская. О рыцарях и лжецах, 2018); – *С педагогами работает завуч – то есть вы, Роза Борисовна* (А. Иванов. Географ глобус пропил, 2002);

б) сопровождаться постпозитивным субстантивным пояснением: *К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям* (Д. Лихачев. О русской интеллигенции, 1993); *Терехов озаглавил его «Я (то есть Игорь Кио) был зятем Брежнева»* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995–1999; НКРЯ) – ср. в деловой речи: *Мы, нижеподписавшиеся...; Я, Иванов Иван Иванович...* Аппозитивное пояснение (б) применяется при М. 2-го лица в составе обращения: *Эй! вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери* (П.П. Ершов. Конек-горбунок, 1834); отсутствие пояснительного компонента может привести к коммуникативной неудаче – ср.: *Эй, ты!.. – Кричал адмирал. – На грот-мачте! Да не ты... Эй, там, рыжий! Отчаявшись обратить внимание того, к кому он обращался, он менял тактику: – Эй, слышь, ты, ты!.. Толкни своего соседа!* (С. Голубев. Времена Амираана, 2021). В обоих случаях пояснительный компонент: 1) обособлен; 2) может предваряться союзом *то есть*, выражающим «поясняющее отождествление», т.е. «отношение переформулирования, основанное на сохранении денотативного тождества» [1, с. 62, с. 49]; 3) используется аппозитивно, т.е., как правило, контактно с поясняемой номинацией.

Прием пояснения позиционных типов (3а) и (3б) известен как *пролепса* (греч. *πρόληψις* ‘предвосхищение’) – уточнение, «самопоправка» посредством более ясной номинации [36, с. 71]. Неравенство лиц при таком пояснении может:

а) подчеркиваться: *Чем я, больной, так неприятен мне, // так это тем, что он такой неряха* (Л. Лосев. Местоимения, 1976);

б) создавать эффект обманутого ожидания: *Несмотря на то что автором его был сам главный редактор, то есть я* (Г. Тарасевич. О науке без звериной серьезности, 2018; НКРЯ), эффект сохраняется при смене позиций: *я, то есть главный редактор*. Если полагать, что поясняемая и поясняющая номинации кореферентны и находятся в отношениях замещения, то едва ли можно утверждать, что М. 1-го и 2-го лиц «никаких других слов не замещают».

4. Как известно, М. 1-го и 2-го лица не могут выполнять анафорическую функцию [21, с. 133], вместе с тем еще Дионисий Лонгин (213–273 гг. н.э.) отметил, что:

а) «автор нередко принимает личину своего героя» и, «переходя от одного лица к другому», «становится многоликим (πολυπρόσωπον)»;

б) Демосфен «разрывал речь между третьим и вторым лицом: “Найдется ли, – кричал он, – чувство отвращения или даже гнева в ком-либо из вас к этому грязному мерзав-»

цу – о **ты**, презренный негодяй!..» [53, с. 40–41]. Неравенство лиц замещающей и замещаемой номинации создает эффект дистанцирования: в случае (а) под маской 3-го лица появляется 1-е: *Забавы еще есть у старика: // пока **меня** на небо не зовут, // **я** дую иногда на облака, // и сразу веселей они плывут* (И. Губерман. *Я дую иногда на облака*. Га-рики, 2021), в случае (б) – 2-е. В обоих случаях неравенство лиц трансформационно сводится к равенству и, соответственно, к классической анафоре: а) *Забавы еще есть у старика: // пока **его** на небо не зовут, // **он** дует иногда на облака*; б) *Найдется ли чувство отращения или даже гнева в ком-либо из вас к этому грязному мерзавцу – к **нему**, презренному негодяю!...*

4.1. Сходным образом неравенство лиц, создавая дистанцию между автором и персонажем, не разрушает связь прямой и авторской речи, а при замене прямой речи на косвенную также сводится к равенству и классической анафоре: а) *Алиса сказала: **Я** никогда еще не видела такого красивого корабля* (К. Булычев. *Девочка с Земли*, 1971) → *Алиса сказала, что **она** никогда еще не видела такого красивого корабля*; б) *Судья Кононов у одного свидетеля спросил: **Вы** агент КГБ?* (А. Яковлев. *Омут памяти*, 2001) → *Судья Кононов у одного свидетеля спросил, является ли **он** агентом КГБ*.

А.А. Шахматов полагал, что М. *я* и *ты* – «двоякого рода»: а) *Я* болен (м.р.) и *Я* больна (ж.р.), б) *Ты* болен (м.р.) и *Ты* больна (ж.р.) [33, с. 495–496]. Целесообразнее считать, что значение рода для М. первых двух лиц ед.ч.* адгерентно, поскольку зависит от «субститута, т.е. рода кореферентного номинативного термина» [4, с. 325]: а) мужского рода (например: *Ты* болен, *Ваня*); б) женского (*Ты* больна, *Аня*); в) среднего. Тип (в) приводит к эвкации: *Тело тесно* → ***Я** многим тесно... А иным просторно...* (Г. Сапгир. *Тело*, 1989); *Насекомое прыгало* → *Ведь вчера еще **я** прыгало // в ослепительных садах* (А. Левин. *Ответ насекомого В. Строчкову*, 1995).

К личным М. трансформационно сводятся притяжательные: *мой* ↔ *принадлежащий мне*. А.М. Пешковский присоединяет их к личным М., полагая, что «опирается в своем значении на личные М.» и возвратное [23, с. 154–155, 160]; А.А. Шахматов относит последнее к личным М. [33, с. 495]. Соответственно, этим двум разрядам должны быть свойственны те же формулы замещения, что и личным М.: *мой* ↔ *принадлежащий автору этих строк, упомянуть себя* ↔ *автора этих строк* и т.д.

Каждое *я* и *ты* связано с уникальным референтом, с «данным настоящим моментом речи», а потому «единственно и неповторимо» [2, с. 287–288], но при этом, как показано выше, конситуативно сопряжено с рядом кореферентных номинативных коррелятов двух типов: а) именем собственным; б) нарицательными именами. Связь М. с именами данных двух типов служит ассоциативной базой для фигур дистанцирования и пролепсы. Конситуативную связь указанных М. с именами типов (а) и (б) наглядно демонстрирует жанр пьесы, где эта связь эксплицируется в паратексте:

Действующие лица

Гриша Разлюляев, молодой купчик, сын богатого отца. <...>

Маша и Лиза, подруги Любви Гордеевны. <...>

Разлюляев. И **я** приду. **Я** больно плясать горазд. (*Становится фертом.*) Девушки, полюбите **меня** кто-нибудь.

Маша. Как **вам** не стыдно! Что это **вы** такое говорите!

А.Н. Островский. *Бедность не порок*, 1853.

С учетом приведенных фактов: 1) трудно принять позицию, согласно которой «трактовка местоимений как слов-заместителей принадлежит теперь только истории лингвистических учений» [26, с. 28]; 2) логично полагать, что М. выполняют в языке за-

* Как известно, в формах мн. ч. различия между грамматическими родами нейтрализуются.

местительную функцию [К-3], которая для М. *я, мы* и *ты, вы* ввиду несовпадения категории лица с конситуативно кореферентными им субстантивами ограничена пролепсой и фигурой дистанцирования.

Если признать функцию замещения релевантной и для М. первых двух лиц, то с этой точки зрения критерии [К-1] и [К-2а] оказываются значимы как дополнительные к [К-3], а критерий [К-2б] – как основание для видового членения М., например, на М.-существительные и М.-прилагательные [33, с. 495] либо на «местоименные существительные (*я, ты, он, кто, что*), местоименные прилагательные (*мой, твой, какой, чей, иной, тот, этот* и т.д.) и местоименные наречия (*по-моему, по-твоему, как, так, иначе, где, здесь, там, тут* и т.д.)» [23, с. 154]. Добавим сюда и местоименные числительные: «к местоимениям принято относить только имена, – существительные [а], прилагательные [б], числительные [в]» [15, с. 294], т.е. склоняемые ЧР.

При добавлении наречия (г), что с точки зрения [К-3] выглядит обоснованно, но с точки зрения релевантного для флективных (древнегреческого, латинского, русского и др.) языков критерия склоняемости [К-2], т.е. привязки к разряду имен, – не вполне*, возникает широкое понимание М., при устранении (б) и/или (в) – узкое: «За исключением предметно-личных М., составляющих небольшую грамматически обособленную группу [К-2а], другие разряды местоимений рассеяны по разным грамматическим категориям [К-2б]. Они не образуют самостоятельного грамматического класса» [5, с. 266]. «Большая часть древних М. вросла в систему других грамматических классов [К-2б]. Лишь небольшая группа слов *я, ты, он (-а, -о, они), мы, вы, себя, кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, некто, нечто, никто, ничто, кое-кто, кое-что* сохраняет яркие признаки своего грамматического своеобразия, своей грамматической изолированности [К-2а], не слившись с категорией имен существительных» [Там же, с. 272]. Позицию В.В. Виноградова принимает и Русская грамматика (1980), – при таком понимании к М. как ЧР относят только М.-существительные: «Собственно М. по своим грамматическим свойствам неоднородны [К-2б]: они обладают разными морфологическими категориями и синтаксическими функциями. Местоименные прилагательные грамматически относятся к прилагательным: морфологически они никак не противопоставлены остальным словам, объединенным в этой части речи. М.-числительные (*сколько, столько, несколько, много, мало*) грамматически относятся к числительным <...>: их морфологические характеристики совпадают. Иначе обстоит дело с М.-существительными: морфологически они не объединяются с существительными [К-2а]. Такому объединению препятствуют у М.-существительных своеобразия выражения категорий рода, числа и падежа <...>. Эти собственные морфологические характеристики служат основанием для выделения М.-существительных в самостоятельную часть речи» [24, с. 529]. Устранение же не только (б) и (в), но и (а) означает отказ от признания частеречного статуса категории М. Так, по мысли Ф.Ф. Fortunatova, М. объединяются в единый класс только на семантической основе [К-1], в грамматическом же отношении [К-2б] они крайне разнородны: «различие между словами-названиями и словами местоименными <...> основывается только на различии в значении слов», т.е. последние образуют «неграмматический класс» [К-2б] [30, с. 157–158], или «лексико-семантический класс» [21, с. 11; 15, с. 294]. Близка к этой следующая позиция: «М. не может быть названо собственно “частью речи”, поскольку связано сложными смысловыми и грамматическими отношениями со всеми разрядами номинативной лексики <...>» [К-2б] [29, с. 91–92; ср.: 23, с. 154; 34, с. 6].

* Ср.: «несклоняемые указательные слова, как *здесь, теперь, так* и т.п., обычно зачисляются в наречия» [12, с. 147], отсюда следствие: «Наречные М. обычно не отделяются от наречий даже теми, кто признает М. особой частью речи» [5, с. 268].

Возникает замкнутый круг: «если все М. собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы [К-26]. Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков [К-1]. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже глаголами*. Если же упразднить класс местоимений и рассортировать местоимения по другим категориям [К-26], то окажется необходимым не только среди прилагательных, но и среди существительных выделять местоимения в особые разряды [К-1]» [6, с. 268]. Как видим, подходы [К-1] и [К-26] заводят проблему в таксономический тупик: «Чем строже выдерживается грамматический (прежде всего морфологический) принцип [К-26], тем меньше разрядов слов отнесено к местоимениям; чем больше применяется лексический принцип [К-1], тем более разнообразны разряды слов, включаемые в грамматических работах в раздел о местоимениях» [17, с. 34].

Выходом из этой концептуально сложной ситуации представляется трактовка М. на основе [К-3], при которой становится возможным более четкое определение объема М. как частеречного класса и его места в системе ЧР, которое может быть задано следующей моделью: 1) изменяемые ЧР: а) склоняемые: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное; б) М. как ЧР, служащая замещению [К-3] склоняемых ЧР [К-2]; в) спрягаемые: глаголы; 2) неизменяемые ЧР: а) наречие; б) категория состояния; в) междометие; г) звукоподражание**; д) служебные слова: предлоги, союзы и частицы. Грамматическую неоднородность М. как ЧР [К-26] следует расценивать как функционально оправданное свойство, отвечающее необходимости приспособления М. к морфологическим параметрам замещаемой единицы.

Список литературы

1. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 37–46.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
3. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976.
4. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Шк. «Мастера рус. культуры»: Кошелев, 1997.
5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.
6. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений: на материале иберо-германских языков. М.: Наука, 1974.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002.
8. Выготский Л.С. Психология развития человека. М., Смысл; Эксмо, 2006.
9. Гумбольдт В. Родство слов и словесная форма // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. С. 110–117.
10. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 60–81.
11. Инькова О.Ю., Гурьев А.С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 46–73.
12. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.

* Имеются в виду местоглаголия, рассмотренные нами выше, – В. М.

** Звукоподражание может быть включено в разряд междометий на двух основаниях: а) как гибрид слова и речевого акта (т.е. эквивалент предложения); б) как неизменяемое слово (напр.: [13, с. 734], но звукоподражание не всегда эмоционально и потому не обязательно образует восклицательное предложение, к которому, по справедливому мнению А.М. Пешковского, привязано междометие [23, с. 153, с. 394], в связи с чем следует принять во внимание позицию специалистов, по мысли которых объединение звукоподражаний с классом междометий нецелесообразно [16, с. 257].

13. Кручинина И.Н. Междометие // Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 731–735.
14. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика / Ред. А.Б. Пеньковский. Владимир, 1989. С. 5–12.
15. Крылов С.А., Падучева Е.В. Местоимение // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 294–295.
16. Кунгуров Р.К., Тихонов А.Н. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов / Под ред. В.М. Жирмунского и О.П. Суника. Л.: Наука, 1968. С. 254–258.
17. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.
18. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с франц. Н.Д. Андреева. Под ред. А.А. Реформатского; предисл. В.А. Звегинцева. М. Изд-во иностранной литературы, 1960.
19. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987.
20. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
21. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
22. Петерсон М.Н. Русский язык. Пособие для преподавателей. М.–Л: Гос. изд-во, 1925.
23. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Яз. славян. культуры, 2001.
24. Плотникова В.А. Местоимения-существительные // Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 529–537.
25. Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии // Реформатский А.А. Фонология и морфонология. Избр. работы. М.: Наука, 2018. С. 197–268.
26. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1988.
27. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / Ред. В.В. Пассек. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
28. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011.
29. Федюнёва Г.В. О статусе местоимения в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 89–96.
30. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. С. 23–197.
31. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
32. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / С ввводной статьей С.И. Бернштейна. М.: Учпедгиз, 1941.
33. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Вступ. ст. Е.В. Клобукова; Ред. и коммент. Е.С. Истоминой. 3-е изд. М.: УРСС, 2001.
34. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс рус. местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1998.
35. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Под ред. М.И. Матусевич. М.: Юрайт, 2022. С. 69–91.
36. Anderson R.D. Glossary of Greek rhetorical terms. Leuven, 2000.
37. Apollonii Dyscoli, grammatici Alexandrini, de pronomine liber. Berolini, 1813.
38. Blake F.R. The origin of pronouns of the first and second person // The American journal of philology. Vol. 55. 1934. № 3. P. 244–248.
39. Bopp F. Über das Konjugationsystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache / Hrsg. K.J. Windischmann. Frankfurt am Main, 1816.
40. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Ausg. 2, umgearb. Bd 1. Berlin: F. Dümmler's Verlagsbuchhandlung; Paris, 1857.
41. Despauterus J. Noua vniuersa grammatica. Tolosae, 1699.
42. Dupriez B.M. A dictionary of literary devices: Gradus, A-Z. / Transl. A.W. Halsal. Toronto & Buffalo, 1991.
43. Jespersen O. The philosophy of grammar. London, 1968.
44. Johnson R. Grammatical Commentaries. London, 1718.

45. Meigret L. *Traité touchante le commun usage de l'écriture Française*. Genève, 1972.
46. Sanctius F. *Minerva, seu De causis linguae latinae commentarius*. Ed. 7. Amsteladami, 1809.
47. Schwartz J.C. *Grammatica Latina*. Coburgi, 1732.
48. Spitzer L. *Stilstudien*. Bd. II. Stilsprachen. München, 1928.
49. Stephanus H. *Thesaurus Graecae linguae [1572–1573]*. Vol. I. Pars altera. Parisiis, 1831.
50. Vossius G.J. *Aristarchvs: sive de arte grammatica libri septem*. Ed. 2. Vol. 1. Amstelaedami, 1662.
51. Διονύσιος ὁ Θράξ. Τέχνη Γραμματική // *Anecdota Graeca* / Ed. Immanuel Bekker. T. II. Berolini, 1816. P. 627–643.
52. Διονυσίου Ἀλικαρνασσεῶς Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων // *Dionysii Halicarnasei quae exstant: Antiquitatum romanorum* / Ed. C. Jacoby. Lipsiae, 1888. P. 1–194.
53. Διονυσίου ἢ Λογγίνου Περὶ ὕψους // *Longini quae supersunt. Graece* / Cur. A.E. Egger. Parisiis, 1837. P. 1–64.

* * *

1. Alpatov V.M. O raznyh podhodah k vydeleniyu chastej rechi // *Voprosy yazykoznaniya*. 1986. № 4. S. 37–46.
2. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* / Pod red., s vstup. stat'ej i komment. Yu.S. Stepanova. M.: Progress, 1974.
3. Bulanin L.L. *Trudnye voprosy morfologii: Posobie dlya uchitelej*. M.: Prosveshchenie, 1976.
4. Bulygina T.V., Shmelyov A.D. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki)*. M.: Shk. «Mastera rus. kul'tury»: Koshelev, 1997.
5. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* / Pod. red. G.A. Zolotovoj. 4-e izd. M.: Russkij yazyk, 2001.
6. Vol'f E.M. *Grammatika i semantika mestoimenij: na materiale ibero-germanskih yazykov*. M.: Nauka, 1974.
7. Vol'f E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. 2-e izd., dop. M.: URSS, 2002.
8. Vygotskij L.S. *Psihologiya razvitiya cheloveka*. M., Smysl; Eksmo, 2006.
9. Gumbol'dt V. *Rodstvo slov i slovesnaya forma* // Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* / Per. s nem. G.V. Ramishvili. M.: Progress, 2000. S. 110–117.
10. Zhirmunskij V.M. O prirode chastej rechi i ih klassifikacii // *Zhirmunskij V.M. Obshchee i germanskoe yazykoznanie*. L.: Nauka, 1976. S. 60–81.
11. In'kova O.Yu., Gur'ev A.S. K voprosu o kategorii poyasneniya v russkoj grammatike // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018. № 1 (35). S. 46–73.
12. Kacnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie*. L.: Nauka, 1972.
13. Kruchinina I.N. *Mezhdometie* // *Russkaya grammatika* / Gl. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 1. S. 731–735.
14. Krylov S.A. O semantike mestoimennyyh slov i vyrazhenij // *Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika* / Red. A.B. Pen'kovskij. Vladimir, 1989. S. 5–12.
15. Krylov S.A., Paducheva E.V. *Mestoimenie* // *Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* / Gl. red. V.N. Yartseva. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2000. S. 294–295.
16. Kungurov R.K., Tihonov A.N. *Izobrazitel'nye slova kak samostoyatel'naya chast' rechi* // *Voprosy teorii chastej rechi. Na materiale yazykov razlichnyh tipov* / Pod red. V.M. Zhirmunskogo i O.P. Sunika. L.: Nauka, 1968. S. 254–258.
17. Majtinskaya K.E. *Mestoimeniya v yazykah raznyh sistem*. M.: Nauka, 1969.
18. Maruzo Zh. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* / Per. s franc. N.D. Andreeva. Pod red. A.A. Reformatskogo; predisl. V.A. Zveginceva. M. Izd-vo inostrannoj literatury, 1960.
19. Maslov Yu.S. *Vvedenie v yazykoznanie*. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vyssh. shk., 1987.
20. Meshchaninov I.I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi*. L.: Nauka, 1978.
21. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij*. 6-e izd., ispr. M.: Izd-vo LKI, 2010.
22. Peterson M.N. *Russkij yazyk. Posobie dlya prepodavatelej*. M.–L.: Gos. izd-vo, 1925.
23. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*. 8-e izd. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2001.

24. Plotnikova V.A. Mestoimeniya-sushchestvitel'nye // Russkaya grammatika / Gl. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 1. S. 529–537.
25. Reformatskij A.A. Ocherki po fonologii, morfonologii i morfologii // Reformatskij A.A. Fonologiya i morfonologiya. Izbr. raboty. M.: Nauka, 2018. S. 197–268.
26. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazyke i rechi / Otv. red. V.N. Yarceva. M.: Nauka, 1988.
27. Smirnickij A.I. Morfologiya anglijskogo yazyka / Red. V.V. Passek. M.: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1959.
28. Uspenskij B.A. Ego Loquens: Yazyk i kommunikacionnoe prostranstvo. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2011.
29. Fedyunyova G.V. O statuse mestoglagoliya v yazyke // Voprosy yazykoznanija. 2011. № 2. S. 89–96.
30. Fortunatov F.F. Sravnitel'noe yazykovedenie. Obshchij kurs // Fortunatov F.F. Izbrannye trudy. T. 1. M.: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1956. S. 23–197.
31. Cejtin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi. M.: Znak, 2009.
32. Shahmatov A.A. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / S vvodnoj stat'ej S.I. Bernshtejna. M.: Uchpedgiz, 1941.
33. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka / Vstup. st. E.V. Klobukova; Red. i komment. E.S. Istominoj. 3-e izd. M.: URSS, 2001.
34. Shvedova N.Yu. Mestoimienie i smysl: Klass rus. mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. M.: Institut rus. yaz. im. V.V. Vinogradova, 1998.
35. Shcherba L.V. O chastyah rechi v russkom yazyke // Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku / Pod red. M.I. Matusevich. M.: Yurajt, 2022. C. 69–91.

Pronoun: the approaches to the definition and specification of the concept

The approaches to the definition of pronouns are considered. Its speech functions and typical stylistically relevant exchanges are analyzed. On its basis the definition and place in the system of parts of speech of the modern Russian literary language are specified.

Keywords: *grammar, part of speech, pronoun, figure of speech.*

(Статья поступила в редакцию 10.09.2025).

Л.Дж. КОКОВА

Б.Дж. КОКОВА

Нальчик

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА
(ПО ПОВЕСТИ Ю. НАГИБИНА «ПОЕЗДКА НА ОСТРОВА»)**

Представленное исследование является продолжением цикла статей по литературной ономастике, в частности, по топонимике произведений А. Рыбакова, В. Каверина, Ю. Нагибина. Исследование «северных» топонимов в романе В. Каверина «Два капитана» и рассказе Ю. Нагибина «Терпение» продолжено и дополнено анализом названий Соловецкого архипелага в повести Ю. Нагибина «Поездка на острова».

Ключевые слова: *оним, топоним, апеллятив, архипелаг, море, остров, монастырь.*

Литературная, или поэтическая ономастика – один из самых интересных и мало исследованных разделов ономастики. Изучению этого раздела посвящены труды В.А. Никонова, М.В. Горбаневского, Ю.А. Карпенко, Э.Б. Магазаника и др. Исследованы онимы, используемые в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, М.А. Булгакова и других классиков русской и советской литературы. Топонимы, имеющие отношение к освоению северных земель и морских просторов, связаны, главным образом, либо с именами их первооткрывателей, либо с народными географическими терминами и языками аборигенов этих земель [2, с. 131].

Представленная статья продолжает исследования по литературной ономастике советского и постсоветского периода. Ранее были опубликованы статьи, рассматривающие онимы, используемые в произведениях А. Рыбакова («Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел», «Каникулы Кроша», «Неизвестный солдат»), В. Каверина («Два капитана»), Ю. Нагибина («Терпение») [2; 3].

Топонимы Соловецкого архипелага, используемые в художественных текстах, ранее не исследовались, хотя сам архипелаг описан во многих произведениях. Названия двух северных архипелагов: Земля Франца Иосифа и Северная Земля, описанных в романе В. Каверина «Два капитана», а также наименование Валаамского архипелага, о котором говорится в рассказе Ю. Нагибина «Терпение», ранее уже исследовались в топонимическом аспекте [2, с. 131–135].

Земля Франца Иосифа – архипелаг в Северном Ледовитом океане; обнаружен в 1873 г. австро-венгерской экспедицией и назван по имени императора Франца Иосифа. Другое название – Земля Фритьофа Нансена [Там же, с. 132].

Северная Земля – архипелаг в Северном Ледовитом океане. Открыт в 1913 г. русской экспедицией Вилькицкого, назван *Острова Николая II* в честь царя, переименован в 1926 г. в С.З. [Там же, с. 133].

Ономастика произведений Ю. Нагибина не случайно выбрана в качестве объекта исследования. Онимы, особенно топонимы, встречающиеся в его произведениях, являются очень точным и многогранным средством выразительности, они позволяют читателю не просто следить за сюжетом, а создают «эффект присутствия» рядом с героями. Такое происходит в знаменитом рассказе Ю. Нагибина «Терпение» и повести

«Поездка на острова». Неоднократное посещение автором Валаамского и Соловецкого архипелагов, изучение их истории и названий позволили ему сделать топонимы «героями» своих произведений. Валаам, переименованный автором в рассказе «Терпение» в Богояр, – свидетель и участник трагических событий, начинавшихся с беззаботного путешествия.

Богояр – главный герой рассказа. Его присутствие ощущается даже в воспоминаниях главных героев. С момента, когда теплоход причаливает к нему, и до трагической развязки остров живет переживаниями героев рассказа: «Анна, слепо глядевшая за окно, обнаружила какое-то движение. Они покидали Богояр. Но остров не отдалялся, они шли вдоль берега. Над верхушками сосен возник деревянный, цветом в белую ночь купол с крестом – какая-то церковь. Очевидно, они оплывают остров, чтобы дать туристам более полное представление о Богояре» [3].

Сюжет повести Ю. Нагибина «Поездка на острова» выходит далеко за рамки романтического путешествия героев на Соловецкие острова. Автор уводит читателя в историю России времен правления Ивана Грозного. Построение сюжета напоминает рассказ Ю. Нагибина «Терпение», где приятное путешествие семьи на Валаам оборачивается трагедией и напоминает о страшных событиях Великой Отечественной войны.

Топонимы в рассказе – такие же полноправные «герои» и участники событий, как исторические персонажи и наши современники.

При упоминании о Соловецком архипелаге возникают смешанные чувства. Природа Соловков восхищает и завораживает особенной северной красотой, но не дает забыть о страшной судьбе места наказания инакомыслящих, коим долго был Соловецкий архипелаг и его страшный СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

«Любопытна участь Соловков! Несколько комочков суши, будто отколовшихся от пустынной карельской земли, а сколько всего связано с этим крошечным архипелагом и великого, и скорбного, и ужасного, и высокого, и печального...» [5, с. 224].

Именно такая палитра чувств и обуревала главных героев повести Ю. Нагибина «Поездка на острова». Автор виртуозно перемещает читателя вместе с главными героями Борским и Егوشيным из современности во времена правления Ивана Грозного, знакомя с историей великой Руси, судьбой святых Савватия, Зосимы и Германа, Авраамия Палицына, будущего народного вождя Минина-Сухорука и князя Пожарского, показывая историю Соловков и умело вплетая топонимы, многие из которых уникальны.

«Они опоздали на <...> прекрасный туристический теплоход, <...> который тратит от Архангельска до Соловков всего одну ночь... Борский достал туристические путевки в Соловки, куда после пожара, уничтожившего всю органическую жизнь на Заицких островах, вольных странников не только не допускали, но, буде кто прорвется, под конвоем возвращали на Большую землю» [5, с. 195]. «Эти сведения о Соловках собрал, разумеется, Борский, которому принадлежала инициатива поездки, – сам Егошин никогда бы не отважился на такое сложное и отважное мероприятие. Вообще-то он давно мечтал – да еще как мечтал! – о поездке на Соловецкие острова, именно туда, а не в Кижы, или Холмогоры, или в Каргополь, там ему тоже хотелось побывать, поскольку он любил всю русскую старину, но Соловками – грезил» [Там же, с. 196].

Соловецкие острова описывались в литературе, начиная с основания Соловецкого монастыря и до наших дней. Первое подробное описание Соловков со всеми топонимами принадлежит Мелетию (Шергину Михаилу Алексеевичу, архимандриту Соловецкого монастыря; 1814–1893) в «Историческом описании Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря»: «Соловецкіе острова были тогда необитаемы, только изрѣдка приставали къ нимъ Бѣломорскіе суда для стоянки отъ неблагонадежной погоды и промышленники, занимавшіеся рыбною и звѣриною ловлею. Блаженный инокъ Германъ, съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя на служеніе Богу въ иноческой жизни въ 1428 году,

проживая на матеромъ Корельском берегу, упражнялся в подвигахъ отшельнической жизни при одной часовнѣ находящейся близъ реки Выга» [1, с. 11].

Соловки становились «героями» произведений М.В. Ломоносова («Петр Великий»):

*Уже белея, понт перед Петром кипит.
И влага уступить шумя ему спешит.
Там вместо чаянных бореи флагов Шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких*
[4, с. 217].

Они описаны в произведениях Н.А. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), А.К. Толстого («Послание к М.Н. Логвинову о дарвинизме»), М.А. Булгакова, А.Т. Твардовского, В.Г. Васильева, А.В. Жигулина, С.В. Морозова и др.

Соловецкие острова – острова в Белом море. Возможно, из западнофин. языков: *salu* ‘глухой, бесплодный лес’ или *salvo* ‘сруб’. Веске, 60 упоминал по другому поводу: эстон. ‘остров’. У него же: саам. *суоло* ‘остров’. Название одного из островов распространено на всю группу; тесно связано с названием монастыря, основанного в 1439 г. В обиходном употреблении Соловки [6, с. 389].

«Соловецкий монастырь находится на архипелаге Соловецкие острова при входе в Онежскую губу Белого моря; Архангельская область. Архипелаг назван по наиболее крупному острову *Соловецкий* (от саам. *solov* ‘остров’). На этом острове монахи Кирилло-Белозерского монастыря Зосим и Савватий в XIV в. основали Спасо-Преображенский монастырь. Позже монастырь распространился и на другие острова архипелага и получил известность как *Соловецкий*. Сохранился ансамбль монастыря, а также скиты, культовые и хозяйственные постройки XVI–XIX вв. В 1974 г. острова получили статус историко-архитектурного и природного музея-заповедника» [7, с. 240].

Е.М. Поспелов отметил особенность топонима: «Неофициальная форма названия *Соловки*. В основе саам. геогр. термин *suolov* – ‘остров’, т.е. Соловки – это просто “островки”, а когда мы говорим Соловецкие острова, то получается “островецкие” острова» [8, с. 176].

«**Архангельск** – г. <...> в устье р. Сев.Двина. В XII в. в этой местности существовал монастырь *Михаила Архангела*. В 1584 г. у высокого мыса Пур-Ниemi (из финоугор. языков: *пуру* ‘мятель’, *ниemi* ‘наволлок, коса’) построен порт для торговли с Зап. Европой. Возникший при нем поселок назван Ново-Холмогоры (по назв. с. Холмогоры на Сев. Двине), в 1613 г. переименованный в А. В языке коми *Кар-дор* ‘укрепленное место’: *кар* ‘крепость’, *дор* ‘место’ [6, с. 33–34].

«**Архангельск**, город ц. обл. В 1584 г. при Михайло-Архангельском монастыре (основан в XII в.) было начато строительство города, который в первые годы его существования назывался *Новый город*, *Новые Холмогоры*, *Новый Холмогорский город*. Названия были связаны с тем, что к этому городу перешла от слав. Холмогоры роль главного порта на Сев. Двине. Часто его называли также по монастырю – *Архангельский город*, а с 1613 г. это название стало офиц. Со временем название закрепляется в употреблении в форме *Архангельск* [7, с. 65].

«**Белое море** – часть Сев. Ледовитого океана. Названо, вероятно, за белесоватый цвет воды, отражающей северное небо. Однако не исключено, что *белое* могло означать ‘северное’ в системе цветовых обозначений стран света» [6, с. 48].

«Но известно также использование определения *белый* в нецветовом значении: в др.-русс. языке *белый* означал, в частности, “освобожденный от феодальных повинностей, нетяглый, т.е. вольный, свободный” ... В этом смысле новгородцы X–XI вв. могли противопоставлять *Белое море* морям *Свейскому* (Балтийскому) и *Мурманскому* (Ба-

ренцеву), названия которых свидетельствуют, что на них хозяйничали *свеи* (шведы) и *мурмане* (норманны); по сравнению с ними *Белое море*, как внутреннее, было действительно свободным, вольным» [7, с. 72].

Секирная гора. Существует несколько версий происхождения этого топонима. Но наиболее вероятными остаются две из них. Согласно первой, спустившиеся с небес два ангела высекли жену рыбака, который позволил себе оскорбить монахов. Эта версия представляется наиболее убедительной, т.к. нашла отражение в письменных памятниках и датируется 1429 г. По другой версии в основе топонима лежит апеллятив *секира* 'одна из разновидностей топора'. Учитывая, что в этих местах шла постоянная вырубка лесов, и эта версия достаточно убедительна.

Апеллятив *секира* имеет древнейшее происхождение и встречается в древнейших письменных памятниках: Зографском и Мариинском четвероевангелии, Ассеманиевом евангелии, Саввиной книге, Синайском псалтыре. «Секира, -ы, ж., топор *sekyra*: секира при корене дрѣва лежитъ» [9, с. 600]. Апеллятив *секира* присутствует во всех славянских языках.

«**Секира**, укр. сокира, др.-русс. секира, сокира, ст.-слав. секира, болг. секира 'топор', сербохорв. секира – то же.... Праслав. **sekyra* родственно лат. *securus* 'топор'» [10, с. 192].

Зайцкие острова, печальная судьба которых описана Ю. Нагибиным в повести, – еще один интересный топоним. «Ущерб, нанесенный Соловецкому архипелагу неорганизованными туристами... В одну из подобных ночей сгорели дотла Зайцкие острова. На чем и кончилась браконьерски-гитарная романтика в соловецком микромире» [5, с. 195].

Единого мнения о происхождении топонима нет, как и научного его обоснования. Его происхождение можно отнести к «народной» топонимике. По одной из версий название связано с обилием зайцев на островах, по другой – является искаженной формой от *заедские* (от слова *заехать*). Существует также версия, что монахи приходили сюда за яйцами птиц и острова получили название *Заяцкие*. Местные жители называют острова *Зайцы* или *Зайчики*.

Исследованы не все онимы повести, а только топонимы. Соловецкий архипелаг с его микропонимами, связанный с трагическими событиями в истории России, представлен Ю. Нагибиным очень выразительно. Речь идет о тех фрагментах повести, которые уводят читателя в историю России. Антропонимика повести не менее интересна и содержательна и требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря, подготовленное архимандритом Мелетием (репринтное издание). Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2011.
2. Кокова Л.Дж., Кокова Б.Дж. Ономастика российского освоения Севера (по роману В.А. Каверина «Два капитана») // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 3 (07). С. 131–135.
3. Кокова Л.Дж., Кокова Б.Дж. Топонимы как средство выразительности (по рассказу Ю. Нагибина «Терпение») // Филологический аспект. 2025. № 07 (123) // URL: <https://scipress.ru/philology/articles/toponimy-kak-sredstvo-vyrazitelnosti-po-rasskazu-yu-nagibina-terpenie.html> (дата обращения: 31.09.2025).
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 8. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. Нагбин Ю.М. Тьма в конце тоннеля. М.: РИПОЛ классик, 2015.
6. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
7. Пospelов Е.М. Топонимический словарь. М.: Астрель: АСТ, 2005.
8. Пospelов Е.М. Школьный топонимический словарь. М.: Просвещение, 1988.

9. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Сост. Э. Благова, Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка. М.: Рус.яз., 1999.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т 3. Т 4. М.: Прогресс, 1971–1973.

* * *

1. Istoricheskoe opisanie pervoklassnogo stavropigial'nogo Soloveckogo monastyrya, podgotovlennoe arhimandritom Meletiem (reprintnoe izdanie). Spaso-Preobrazhenskij Soloveckij stavropigial'nyj muzhskoj monastyr', 2011.

2. Kokova L.Dzh., Kokova B.Dzh. Onomastika Rossijskogo osvoeniya Severa (po romanu V.A. Kaverina «Dva kapitana»)) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 3 (07). S. 131–135.

3. Kokova L.Dzh., Kokova B.Dzh. Toponimy kak sredstvo vyrazitel'nosti (po rasskazu Yu. Nagibina «Terpenie») // Filologicheskij aspekt. 2025. № 07 (123) // URL: <https://scipress.ru/philology/articles/toponimy-kak-sredstvo-vyrazitelnosti-po-rasskazu-yu-nagibina-terpenie.html> (data obrashcheniya: 31.09.2025).

4. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 8. М.: Л.: Izd-vo AN SSSR, 1959.

5. Nagibin Yu.M. T'ma v konce tonnelya. М.: RIPOL klassik, 2015.

6. Nikonov V.A. Kratkij toponimicheskij slovar'. М.: Mysl', 1966.

7. Pospelov E.M. Toponimicheskij slovar'. М.: Astrel': AST, 2005.

8. Pospelov E.M. Shkol'nyj toponimicheskij slovar'. М.: Prosveshchenie, 1988.

9. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) / Sost. E. Blagova, R.M. Cejtlin, R. Večerka. М.: Рус.яз., 1999.

10. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T 3. T 4. М.: Progress, 1971–1973.

***The historical toponymy of the Solovetsky Archipelago
(based on the story “A Trip to the Islands” by Yuriy Nagibin)***

The introduced study is the continuation of the circle of the articles, devoted to the literary onomastics, in particular, the toponymy of the works by A. Rybakov, V. Kaverina and Yu. Nagibin.

The study of the “Northern” toponyms in the novel “Two captains” by V. Kaverin and the story “Patience” by Yu. Nagibin is continued and completed by the analysis of the names of the Solovetsky Archipelago in the story “A trip to the Islands” by Yu. Nagibin.

Keywords: *onym, toponym, appellative, archipelago, sea, island, monastery.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2025).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. КУДРЯВЦЕВ

Волгоград

НАУЧНАЯ ПРОЗА В СТРУКТУРЕ СБОРНИКА Н.В. ГОГОЛЯ «АРАБЕСКИ»

На материале научных текстов, вошедших в состав сборника Н.В. Гоголя «Арабески», рассматривается роль научной прозы в структуре сборника, история написания вошедших в его состав научных статей, определяется значение «Арабесок» в творческом наследии Гоголя, их восприятие современниками и позднейшими исследователями.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Арабески», научная проза, рецепция.

Научная проза Н.В. Гоголя находится в тени его художественной прозы, оставаясь вне поля зрения широкого читателя. Сам термин *научная проза* не имеет однозначного определения. От художественной прозы этот вид словесного творчества отличается своими функциями. В художественной прозе на первом плане эстетическая функция, в основе которой лежит художественный вымысел. Основные функции научной прозы – познавательная, рассчитанная на специалистов в той или иной области знаний и смежных наук, и просветительская, призванная донести научные идеи и знания до массовой аудитории.

Вместе с тем многие произведения научной прозы Н.В. Гоголя, сохраняя верность научным фактам, лишены стилистической нейтральности, насыщены яркими художественными образами, увлекательны и поэтичны в изложении научных идей. Гоголь-ученый и Гоголь-художник – это разные грани единой творческой личности писателя.

В 1835 г. Н.В. Гоголь издает в Санкт-Петербурге сборник в двух частях под названием «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». В европейской романтической традиции под термином *арабески* понимали одну из форм литературной циклизации, которая позволяла охватить разнородный в жанровом отношении материал. По словам Ю. В. Манна, название гоголевского сборника – «это нарочитая и узаконенная разноголосица» [13, с. 414]. Под одной обложкой Н.В. Гоголь поместил художественные произведения «Глава из исторического романа „Гетьман“», «Портрет», «Невский проспект», «Пленик», «Записки сумасшедшего»; эстетические очерки «Скульптура, живопись и музыка», «Несколько слов о Пушкине», «Об архитектуре нынешнего времени», «Последний день Помпеи»; стоящий особняком историософский фрагмент «Жизнь»; а также ряд научных статей: «О средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «Взгляд на составление Малороссии», «Ал-Мамун», «Шлецер, Миллер и Гердер», «О малороссийских песнях», «Мысли о географии» и «О движении народов в конце V века».

Многие из художественных текстов «Арабесок» вошли в канон русской литературы XIX века. Эстетические статьи вызвали больший интерес читателей, чем научные. Между тем эти статьи демонстрируют широкий круг научных интересов Н.В. Гоголя, его глубокие познания в истории, географии, фольклористике, знакомство с современными историософскими и естественнонаучными концепциями.

«Арабески» стали важной вехой в жизни и творчестве Н.В. Гоголя. Им предшествовали «Вечера на хуторе близ Диканьки», публикация которых в 1831–1832 гг. принесла молодому писателю известность в литературных кругах Петербурга и Москвы и признание читателей. Однако он находился в напряженном жизненном и творческом поиске. В письме М.П. Погодину 1 февраля 1833 г. Гоголь сетует на недостаточную масштабность своих литературных достижений: «стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! Великое не выдумывается!» [7, т. X, с. 257]. Составление «Арабесок» было тесно связано с его деятельностью на педагогическом поприще. Помимо занятий литературой, Гоголь преподавал историю и географию в женском Патриотическом институте, читал лекции по всеобщей истории в Санкт-Петербургском университете, рассчитывал получить профессорскую должность в готовящемся к открытию Киевском университете Святого Владимира.

Стремление Гоголя опубликовать свои научные статьи исследователи связывают с его желанием выстроить «репутаци[ю] серьёзного учёного, подкреплён[ую] хоть какими-то печатными трудами» [6, с. 274], в надежде на профессорскую карьеру в Киеве, но также и с ощущением недостаточной творческой реализованности.

«Арабески» стали для Н.В. Гоголя серьезным шагом вперёд. Несмотря на популярность и художественную ценность «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», их тематика оставалась локальной, провинциальной, и эта провинциальность сковывала Гоголя. В «Арабесках» взгляд писателя охватывает крайне обширные пространства – и географически, и хронологически [6, с. 279]. Универсализм, всеобъемлющий взгляд на историю и на мир, «иде[я] об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы» [7, т. VIII, с. 85] были важной составляющей картины мира писателя, нашедшей отражение в научных статьях «Арабесок». Этот взгляд, характерный для эпохи романтизма, он отстаивает как педагогический принцип в своих статьях о преподавании географии и истории и как историографический принцип в статье «Шлецер, Миллер и Гердер». Гоголя захватывает идея написания по-настоящему всеобщей истории. В этой статье он утверждает, что такую историю было бы возможно написать, если соединить «глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, <...> с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера», а также присоединить «драматическ[ое] искусств[о]» Шиллера, «занимательность рассказа Вальтера Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки» и «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах» [7, т. VIII, с. 89].

Можно предположить, что амбиции составить такой исторический труд были у самого Н.В. Гоголя, сочетавшего в себе страсть к историографии и талант литератора. В письмах Гоголя к Погодину за 1833 г. мы находим упоминания грандиозного историографического замысла: «Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием „Земля и Люди“. Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках» [7, т. X, с. 256]. Проект остался неосуществленным, но в исторических статьях «Арабесок» мы, несомненно, находим отзвуки историографических идей Н.В. Гоголя.

С универсальностью историографического и историко-географического взгляда Гоголя связывают и жанровую неоднородность сборника. «Чтобы „объять всё“ в отдельных картинах мира, Гоголь совместил не только различные области знания, методы и стили, но и произведения разных жанров, воплощавшие это многообразие, в рамках особой <...> системы, которая отражала мировоззренческую позицию автора и её формирование», – пишет комментатор и исследователь текстов сборника В.Д. Денисов [9, с. 97–98].

Таким образом, научные тексты Гоголя оказываются не просто напечатанными «по соседству» с его более известными художественными повестями, как «Невский проспект» или «Портрет», но соединяются с ними в неразрывное целое, отражающее полноту авторского замысла.

Большая часть научных текстов «Арабесок» были опубликованы или прочитаны Гоголем ещё до составления сборника. В 1831 г. в «Литературной газете» под псевдонимом Г. Янов 21-летний Гоголь публикует статью «Несколько мыслей о преподавании детям географии». В композиционно переработанном виде она войдёт в состав «Арабесок» под заголовком «Мысли о географии». В это время Гоголь связывал своё будущее с преподаванием: «Просим читателей смотреть на предложенную здесь статью, как на одно только начало. Автору, который совершенно посвятил себя юным питомцам своим, более всего желательно знать о сем предмете мнение ученых наших преподавателей. В последующих за сим мыслях читатели встретят, может быть, более нового, более относящегося к облегчению науки и приведением оной в ясность и понятность для детей», – гласит авторское примечание к статье* [12, с. 7]. Действительно, вопросы педагогики живо занимали Гоголя в первой половине 1830-х гг.

Педагогические идеи Н.В. Гоголя во многом развивались «от противного»: в противовес тому, как в русских школах в его время преподавали географию и историю. «Полюбив историю с лицейской скамьи, Гоголь живо чувствовал недостатки её школьного преподавания и внёс в своё собственное преподавание живую душу, страстные мечты и талант великого художника», – отмечал в 1909 г. М. Ковалевский в статье «Гоголь, как историк» – одной из первых попыток научного осмысления научной и педагогической деятельности Гоголя [11, с. 48]. История и география были тесно в них связаны. Преподавание географии в России значительно отставало от европейской, в первую очередь немецкой, передовой географической науки, идей и трудов К. Риттера и В. Гумбольдта. Это касалось как школ, так и университетов, где «к 1820-м гг. она [география] стала вообще исчезать из университетских курсов в связи с низким научным уровнем преподавания» [3, с. 116]. Гоголь, вслед за другими популяризаторами географии, такими как Н.А. Полевой и М.П. Погодин, хотел сократить интеллектуальное отставание России от передовой европейской научной мысли.

Педагогические устремления Н.В. Гоголя не ограничивались теорией. В 1834 г. он прочитал курс лекций по истории европейского средневековья в Санкт-Петербургском университете. Две из них, которые в воспоминаниях слушателей названы «блестящими», были опубликованы в «Арабесках»: «О средних веках», которая была вводной лекцией курса, и «Ал-Мамун», на чтение которой были приглашены А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. Остальные лекции курса запомнились слушателям как менее яркие [5, с. 84–85].

В том или ином виде в лекционный курс Н.В. Гоголя входила и будущая статья «О движении народов в конце V века». «Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал довольно поздно и начал ее фразой: „Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом“. Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию?» [5, с. 85]. Эту лекцию Гоголь переработал (в частности, фраза о «народовержущем вулкане» в статье сохранилась, но не открывает её) и, вероятно, значительно расширил:

* Авторство сноски оспаривается. Г.М. Фридлендер предполагал, что примечание «по всей вероятности, принадлежит О.М. Сомову», редактору «Литературной газеты» и знакомому Гоголя [7, т. VIII, с. 761]. Л.В. Дерюгина, однако, в своём комментарии к статье отмечает, что «само содержание примечания, стремление представить произведение как несовершенную попытку <...> настолько характерны для авторской манеры Гоголя, что заставляют с большой степенью уверенности предполагать здесь его собственную руку» [10, с. 797]. Последняя точка зрения нам представляется более убедительной.

слушатель обеих лекций Н. Иваницкий вспоминает, что лекция о переселении народов длилась 20 минут, а обзорная лекция – три четверти часа [5, с. 84–85], в то время как опубликованная статья «О движении народов в конце V века» значительно больше статьи «О средних веках».

В том же 1834 г. Гоголь активно сотрудничает с основанным графом С.С. Уваровым «Журналом Министерства народного просвещения», в котором опубликовал четыре статьи: «План преподавания Всеобщей истории», «Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях» и «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С. Петербургском Университете Адъюнкт-профессором Н. Гоголем» [4, с. 83–84]. Все они были впоследствии включены с небольшой правкой в сборник «Арабески».

Сотрудничество Гоголя с Уваровым соответствует государственным и религиозно-консервативным политическим взглядам писателя, которых он придерживался на протяжении всей жизни. По мнению И.А. Виноградова, статью «План преподавания всеобщей истории» можно охарактеризовать как программную для воззрений Уварова на образование [4, с. 83]. Гоголь вполне открыто заявляет о ее политических целях в монархическом духе: «цель моя – образовать сердца юных слушателей <...>; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве – быть верными Отечеству и Государю» [7, т. VIII, с. 39]. Но статья имела и вполне определенный практический посыл, связанный с хлопотами Гоголя перед министром о назначении на кафедру всеобщей истории Киевского университета. Она была представлена Уварову как программа будущего преподавания в нем и обоснование права на получение кафедры.

Другие исторические статьи Н.В. Гоголя продолжают «уваровскую» консервативно-патриотическую линию. Статья «Ал-Мамун» выступает с предостережением против космополитизма и религиозных реформ. Гоголь описывает, как действия арабского халифа, который «истинно желал сделать счастливыми своих подданных», однако «упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» [7, т. VIII, с. 78–79], приводят к дестабилизации и упадку средневекового арабского государства. Это перекликается с идеями Гоголя о пагубности излишнего влияния иностранцев в современной ему России, а также с уваровским принципом народности.

«Взгляд на составление Малороссии» посвящен проблеме преодоления национального разделения. Политическая раздробленность Руси рассматривается как трагедия, приведшая к культурному разделению южной и северной частей Руси, а православная вера – как объединяющая сила. Признавая польское и тюркское влияние на украинскую казачью культуру, писатель подчеркивал автохтонность славянского населения малороссийского региона и его общность с русскими.

Таким образом, единственной научной статьей, опубликованной в «Арабесках» впервые, была статья «Шлецер, Миллер и Гердер», которая, впрочем, несмотря на научность тематики, по содержанию скорее является эссе, в котором Гоголь излагает свой взгляд на философию историографии.

Статья была задумана Гоголем уже после начала работы над сборником: в первом плане «Арабесок», составленном в июле 1834 г., она не фигурирует, впервые появляясь лишь во втором плане, датируемом августом-сентябрем того же года под заголовком «Миллер, Шлецер и Гердер». Написана статья, вероятно, была ещё позже: по мнению И. Виноградова и В. Воропаева, изменение последовательности имен в заглавии

статьи означает изменение композиционного замысла, а значит, на момент составления плана статья еще была далека от завершения или даже только задумана, но не начата [8, т. 7, с. 701–703].

Педагогические и научные статьи «Арабесок» были встречены современниками с непониманием. Так, в журнале «Библиотека для чтения» Осип Сенковский публикует разгромный отзыв на них. Он противопоставляет литературные, в первую очередь комедийные, достоинства вошедших в состав сборника художественных произведений, «уродливости суждений и слога» гоголевской учёной публицистики. Критики удостаивается как слог, так и неоригинальность Гоголя: «Сильный напор и усиленный гнёт властей прижал, изволите видеть, так сильно ум человеческий, задвинутый крепкою толщею, что этот несчастный ум, собрав все свои усилия, вспыхнул так ужасно, что с отчаяния открыл порох, печать и Америку» [2, Отд. 6, с. 11].

Похожая рецензия на «Арабески», написанная Ф.В. Булгариным, была напечатана в рубрике «Новые книги» газеты «Северная Пчела» (1835. № 273, выпуск от 1 апреля, с. 289). Булгарин высоко оценивает гоголевскую художественную прозу, в особенности повесть «Невский проспект», в которой «мастерски создан и развит характер живописца, <...> достойный воображения Гофмана». Научные статьи же удостаиваются резкой критики: Гоголь «толкует обо всем, решительно и смело, но, к сожалению, не всегда впопад. Часто он делает жестокие промахи против общих даже понятий о Науках и Искусствах, против Логике и истины, и почти всегда против языка и вкуса» [Цит. по: 7, т. VIII, с. 749].

Другим критиком научных статей Гоголя стал Виссарион Белинский. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», опубликованной в 1835 г. в журнале «Телескоп» (№ 7 и 8), критик дал восторженный отзыв на художественные повести Гоголя, включая опубликованные в составе «Арабесок», однако сопроводил его примечанием: «Я очень рад, что заглавие и содержание моей статьи избавляет меня от неприятной обязанности разбирать ученые статьи г. Гоголя, помещенные в «Арабесках». Я не понимаю, как можно так необдуманно компрометировать свое литературное имя. <...> Если подобные этюды – ученость, то избавь нас бог от такой учености!» [1, с. 307]. Белинский обвиняет Гоголя в неоригинальности и вторичности по отношению к Миллеру, а также в неуместности самого сравнения Шлёцера, Миллера и Гердера, «ни в каком случае не идущих в сравнение» [Там же].

Возможно, Гоголь, остро воспринимавший критику, после «Арабесок» не стал возвращаться к научной прозе. Исключил свои научные статьи писатель и из прижизненного Собрания сочинений 1842 г., в которое из «Арабесок» вошли только повести.

С течением времени постепенно произошла и переоценка его научного наследия. К 100-летию юбилею писателя появились статьи исследователей и комментаторов научных и педагогических текстов Н.В. Гоголя, для которых была характерна их идеализация, стремление видеть во всём новаторство автора. С позиций науки начала XX в. работы Гоголя были проанализированы в статьях М. Ковалевского «Гоголь, как историк» [11] и В. Романовского «Взгляд Гоголя на историю и географию» [14], вышедших в 1909 г. Современные исследователи дают более сдержанную оценку научных трудов Гоголя, однако отмечают глубокое знакомство писателя с современной ему передовой исторической и географической наукой [3; 4; 15]. Не обгоняя своё время, Гоголь и ни на шаг от него не отставал. Идеи К. Риттера, В. Гумбольдта, И. Гердера, Ф. Шеллинга, на которые опирался писатель, были известны многим его образованным современникам. Рассуждения, сходные с гоголевскими, мы находим у Н.А. Полевого, М.П. Погодина, в публикациях журналов «Московский вестник» и «Московский телеграф». Новизна научной прозы Н.В. Гоголя состояла в объединении и систематизации этих разрозненных мыслей [3, с. 85–86].

После «Арабесок» Н.В. Гоголь полностью уходит в мир художественной литературы. Ее высшими достижениями станут комедия «Ревизор» (1836) и поэма «Мертвые души» (1842). Тем не менее его научная проза 1830-х гг., опубликованная в сборнике, остается неотъемлемой частью наследия писателя, проливает свет на его мировоззрение и позволяет шире взглянуть на весь корпус гоголевских текстов.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1835. Т. 9. Кн. 3. Март.
3. Видугирите И. Гоголь и географическое воображение романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
4. Виноградов И.А. Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 83–91.
5. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С.И. Машинского. М.: Гос. издат. худож. лит., 1952.
6. Гоголь Н.В. Арабески / Изд. подгот. В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009.
7. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.;Л]: АН СССР, 1937–1952.
8. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов, комм. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.–Киев: Изд-во Московской Патриархии. 2009–2010.
9. Денисов В.Д. Сборник «Арабески»: генезис и структура // Культура и текст. 2015. № 3 (21). С. 81–104.
10. Дерюгина Л.В. Мысли о географии. Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 3 / Отв. ред. С.Г. Бочаров. М.: Наука, 2009. С. 796–813.
11. Ковалевский М.О. Гоголь как историк. Чит. 20 марта 1909 г. в Имп. Казан. первой гимназии. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1909.
12. Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом. 1831. № 1.
13. Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало: 1809–1835. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2012.
14. Романовский В. Взгляд Гоголя на историю и географию // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. Сентябрь–октябрь. С. 222–278.
15. Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. 2-е изд, доп. Тула: Гриф и К, 2012.

* * *

1. Belinskij V. G. Poln. sobr. soch. i pisem: V 13 t. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953.
2. Biblioteka dlya chteniya. Zhurnal slovesnosti, nauk, hudozhestv, promyshlennosti, novostej i mod. 1835. T. 9. Kn. 3. Mart.
3. Vidugirite I. Gogol' i geograficheskoe voobrazhenie romantizma. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
4. Vinogradov I.A. Gogol' i Uvarov: Pravoslavie, Samoderzhavie, Narodnost' // Vestnik Rossijskogo humanitarnogo nauchnogo fonda. 2001. № 1. S. 83–91.
5. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov / Red., predisl. i komment. S.I. Mashinskogo. M.: Gos. izdat. hudozh. lit., 1952.
6. Gogol' N.V. Arabeski / Izd. podgot. V.D. Denisov. SPb.: Nauka, 2009.
7. Gogol' N.V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. [M.;L]: AN SSSR, 1937–1952.
8. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. / Sost., podgot. tekstov, komm. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.–Kiev: Izd-vo Moskovskoj Patriarii. 2009–2010.
9. Denisov V.D. Sbornik «Arabeski»: genезis i struktura // Kul'tura i tekst. 2015. № 3 (21). S. 81–104.
10. Deryugina L.V. Mysli o geografii. Kommentarii // Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t. T. 3 / Отв. ред. S.G. Bocharov. M.: Nauka, 2009. S. 796–813.
11. Kovalevskij M.O. Gogol' kak istorik. Chit. 20 marta 1909 g. v Imp. Kazan. pervoj gimnazii. Kazan': tipo-lit. Imp. Un-ta, 1909.

12. Literaturnaya gazeta, izdavaemaya baronom Del'vigom. 1831. № 1.
13. Mann Yu.V. Gogol'. Kniga pervaya. Nachalo: 1809–1835. 2-e izd., pererab. i dop. M.: RGGU, 2012.
14. Romanovskij V. Vzglyad Gogolya na istoriyu i geografiyu // Pedagogicheskij sbornik, izdavaemyj pri Glavnom upravlenii voenno-uchebnyh zavedenij. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. Sentyabr'-oktyabr'. S. 222–278.
15. Formozov A.A. Klassiki russkoj literatury i istoricheskaya nauka. 2-e izd, dop. Tula: Grif i K, 2012.

***The scientific prose in the structure of the collection “Arabesques”
by N.V. Gogol***

On the basis of scientific texts, included in the collection “Arabesques” by N.V. Gogol, the role of scientific prose in the structure of the collection and the history of writing of scientific articles in its composition are considered. The significance of “Arabesques” in the creative heritage of Gogol and their perception by the contemporaries and further researchers are defined.

Keywords: N.V. Gogol, “Arabesques”, scientific prose, reception.

(Статья поступила в редакцию 25.09.2025).

А.С. СТОРОЖАКОВА
Волгоград

**РОЛЬ КИНОЭКФРАСИСА В ПОЭТИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РАССКАЗОВ
А. ГРИНА**

Анализируется проблема литературной кинематографичности прозы А. Грина. На материале рассказов «Как я умирал на экране» и «Волшебный экран» рассматривается характерный для их поэтики киноэкфрасис, указывающий на синтез визуальных приемов литературы и немого кино в дореволюционном творчестве писателя. Это позволяет уточнить существующие представления о дескриптивной стратегии прозы писателя и истоках визуальности его стиля.

Ключевые слова: А. Грин, «Волшебный экран», «Как я умирал на экране», кинематографичность, киноэкфрасис, композиционная структура, монтаж, точка зрения.

Расцвет немого кино пришелся на 20-е гг. XX в. и стал новой вехой в истории литературы, поскольку до этого именно словесное творчество было главенствующим фактором развития мирового художественного процесса. Однако изобретение кинематографа и его широкое распространение в начале XX в. оказали огромное влияние на мировое

искусство, заняв особое место рядом с другими его «синтетическими» визуальными видами – театром, архитектурой, фотографией. Ю.М. Лотман в работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» писал: «Кинематограф по своей природе – это рассказ, повествование» [5, с. 21]. Не случайно на заре кинематографии, в 1894 г., У. Пол и Г. Уэллс в патенте сформулировали следующую идею: «Рассказывать истории при помощи демонстрации движущихся картин» [6, с. 29]. При таком подходе смысл изображения с самого начала зависит от предшествующих иллюстраций, а их последовательность в целом создает новую реальность [7, с. 22]. Принципы и приемы изображения мира и человека в кино нашли свое отражение в формах визуализации литературного текста.

Мы рассмотрим их на материале творчества А. Грина. Писатель творил в эпоху немого кино, когда «главенствующая роль в создании кинотекста приписывалась монтажу» [7, с. 21]. Неудивительно, что эстетика немого кино активно проникала в его произведения этого периода. Впрочем, известно, что к модным течениям начала XX в. А. Грин относился с некоторой настороженностью. Такова, например, его оценка современной авангардной живописи в рассказе «Серый автомобиль»: «Я не верю в искренность футуризма, <...> так как им сказать нечего, <...> я видел в окне магазина посуду, разрисованную каким-то кубистом. Рисунок представлял цветные квадраты, треугольники, палочки и линейки, скомбинированные в различном соотношении. Действительно, об искусстве – с нашей, с человеческой точки зрения – здесь говорить нечего» [4, III, с. 435]. Однако вся его жизнь и творчество были полны парадоксов. Так, по свидетельству современников, «кино он очень любил» [2, с. 194]. При этом уже на заре этого нового вида искусства А. Грин вкладывал в уста своих героев следующие суждения: «Кинематограф становится подобием римских цирков. Я видел, как убили матадора – это тоже сняли. Я видел, как утонул актер в драме «Сирена» – это тоже сняли. Живых лошадей бросают с обрыва в пропасть – и снимают... Дай им волю, они устроят побоище, резню, начнут бегать за дуэлянтами» [4, II, с. 558]. У него были непростые отношения с режиссерами фильмов на сюжеты его рассказов. С премьер этих фильмов он демонстративно уходил, считая «такую рекламу оскорблением» [3, с. 334–335], и просил убрать свое имя с афиши. Тем не менее эстетика кино стала неотъемлемой частью произведений писателя.

Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, хотим обратить внимание на то, что в литературной традиции «текста в тексте» особое место занимает экфрасис – «описание произведений искусства, включенное в какой-либо жанр, то есть выступающее как тип текста, и описания, имеющие самостоятельный характер и представляющие собою некий художественный жанр» [1, с. 261]. В последние десятилетия исследователи, предпринимая попытки систематизировать данный прием, выделили несколько видов экфрасиса – в т.ч. киноэкфрасис, который является предметом нашего исследования.

Чтобы показать «литературную кинематографичность» А. Грина, обратимся к примерам киноэкфрасиса в нарративной структуре его рассказов периода Первой мировой войны: «Как я умирал на экране», впервые опубликованного в 1916 г. в газете «Петроградский листок» за 9 (22), 10 (23) августа, и «Волшебный экран», вышедшего в журнале «Северная звезда» № 3 в 1915 г.

Оба рассказа объединены тем, что *экран* становится центральным художественным образом как в их названии, так и в самом тексте. Несмотря на свою противопоставленность реальной жизни, *экран* выступает в рассказах как проводник между ней и визуальным миром на белом полотне. Он способен перенести нас в другую реальность, отличную от действительности, угнетающей героев А. Грина.

В названии рассказа «Как я умирал на экране» сразу же обозначается несколько важных деталей. Во-первых, понятно, что это будет повествование от первого лица, во-

вторых, дана информация о ключевом фрагменте сюжета (о смерти, связанной со съемками в кино), в-третьих, ясно, что события будут развиваться по законам авантюрного рассказа (персонаж попадет в рискованное, опасное дело, успех которого сомнителен; задача автора – не столько поучать, сколько заинтриговать читателя). Стоит также обратить внимание на то, что в заглавие вынесен глагол несовершенного вида «умирал», что говорит о незавершенности действия. На некоторые вопросы мы получаем ответ уже в первом абзаце: «В полдень я получил уведомление от фирмы „Гигант“, что предложение мое принято. <...> Муж, неспособный обеспечить лекарство больной жене и молоко детям, заслуживает быть проданным и убитым» [4, II, с. 558]. Следуя традициям детективов и авантюрных кинопостановок, автор сразу обозначает сюжет, нарушая хронологическую последовательность событий и выводя интригу на первое место. По мере развертывания повествования, благодаря нарушенной фабуле, мы узнаем историю целиком. Главный герой, Эттис, находится в отчаянном положении из-за болезни жены и нищеты. Чтобы спасти родных, он соглашается на предложение фирмы заплатить двадцать тысяч за съемку его самоубийства, которое будет одним из ключевых эпизодов фильма. Однако его друг Бутс придумывает план, как обмануть компанию, остаться в живых, получив при этом деньги.

Кинотекст создается при помощи кинематографических кодов, к числу которых относятся «ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж» [7, с. 21]. Но, говоря о монтаже, следует напомнить, что «именно у литературы кино позаимствовало все основные монтажные приемы, применив их к визуальному ряду» [7, с. 26]. Исследователи сегодня выделяют два его вида: параллельный монтаж и монтаж «по крупности». Параллельный есть не что иное, как известное литературное «А в это время...» (описание смерти старого графа Безухова у Л. Толстого). Монтаж «по крупности» – это «воспроизведение дескриптивного описания в художественном тексте при помощи сочетания визуального образа и плана изображения, когда наиболее важная, значимая деталь дается крупным планом» [7, с. 26]. Оба вида монтажа использованы А. Грином в рассказе «Как я умирал на экране».

Местоимение «Я» в названии имеет особое значение, выполняя прогностическую функцию: в произведении есть рассказчик, очевидец, который и «умирает на экране». Однако детективно-авантюрный сюжет закручен так, что нарраторами становятся двое: Эттис, который соглашается покончить с собой на экране, и Бутс – тот, кто его заменил. Таким образом, умирают и одновременно выживают на экране оба героя. Отсюда ретроспективный параллельный монтаж. Если изобразить это схемой, то получится следующее: *История Эттиса, его встреча с Бутсом, возвращение домой и получение денег* > *история Бутса, раскрытие его авантюры*. В первой части текста рассказчиком выступает Эттис, во второй – Бутс. Важно отметить, что в момент, когда Эттис получает двадцать тысяч, его, как и нас, охватывают напряжение и волнение, т.к. заплатить могли только в одном случае: если человек умер на экране. По В.Б. Шкловскому, нас оставляют в самый критический момент и обращаются к другому параллельному действию [9, с. 64] с целью ретардации, замедления показа развития событий.

«В фильме внутреннее состояние персонажа могут демонстрировать невербальные информационные ряды: музыка, пейзаж, интерьер; но чаще всего – поведение героя», – пишут теоретики киноэкспрессии [7, с. 25]. Неудивительно, что в немом кино, когда музыка и диалоги были еще недоступны, режиссер или автор использовал монтаж «по крупности», переводя фокус на лицо человека.

Так, в воспоминаниях Бутса нам наглядно демонстрируют фрагмент съемки, в которой герой инсценировал самоубийство. Чтобы ярче показать его предсмертные эмоции, передать их зрителю через экран, режиссер кричит оператору: «Ближе, Мишель, снимай лицо!» [4, II, с. 562].

На лице, а именно на глазах как зеркале души, способном отразить весь спектр эмоций, концентрируется А. Грин и в первой части, когда Эттис сообщает другу о решении продать свою жизнь за деньги: «Бутс воткнул трость в землю не меньше как на полфута. Глаза его стали бешеными» [4, II, с. 560]. Перед нами характерный прием кинематографического «наплыва» камеры. Интересно и то, как А. Грин оформляет последнюю фразу Бутса перед расставанием: «Говори адрес. Спасибо! До свидания. Мне осталось ведь только четыре часа. Иди домой, будь спокоен и займись списком неотложных покупок» [4, II, с. 560]. Все ответные реплики Эттиса пропускаются, хотя, следуя логике художественного текста, они должны быть: адрес съемок и прощание. Подобное же оформление диалога напоминает скорее смену кадров, ускорение времени, искусственное создание динамики для вызова напряжения у читателя/зрителя. Мы знаем, что Бутс уходит на смерть, и вместо того, чтобы замедлить время, Грин его торопит: нам и героям страшно, а, следовательно, пульс и время до съемок ускоряются. Замедлится оно лишь в тот момент, когда на Бутса наставят аппарат, стоя в четырех шагах. Эта сцена напоминает уже не съемку фильма, а дуэль, где выживет только один. В итоге, однако, выживут все.

Следовательно, кино в рассказе «Как я умирал на экране» становится не только сюжетным и композиционным якорем, но и мощным приемом, способным передать символическую составляющую произведения, отражающую внутреннее состояние героя.

«Основная функция современного киноэкспрессива связана с задачей разрушения границ между реальностью, ирреальностью и сознательностью» [8, с. 178]. Именно поэтому в рассказе «Волшебный экран» киноэкспрессив представлен в двух планах.

Исходная ситуация повествования такова: главный герой итальянец Цезарь Фантисси, секретарь графа Браганца, пытаясь уйти в Берлине от преследователей, желающих получить пакет с важными документами, забегает в «небольшой, грязный, ярко освещенный кинематограф» [4, II, с. 321], где «на экране в то время струилась беззвучная горная река, вода плескалась у рамы» [Там же]. Под воздействием экрана «ему почудилось, что он не в кинематографе, а сидит на берегу настоящей реки и что к нему подкрадываются убийцы с целью овладеть пакетом» [Там же]. Таким образом, сначала кинематограф фигурирует в качестве чисто декоративном – как место действия, деталь ситуации рассказа. Это первый план, фиксирующий кино лишь как произведение искусства, предназначенное для зрителей, одним из которых волей случая становится Цезарь.

Второй план – психолого-метафорический. В тот момент, когда герой смотрит на экран, его реальность смешивается с ирреальностью картины, которая кажется более реалистичной, чем его собственный мир. Кино меняет что-то в его сознании. Оттого и мелькает у Цезаря странная, нелогичная мысль: «Пусть документы лучше погибнут» [4, II, с. 321]. Для него документы – это жизнь, расстаться с ними – значит покончить с собой, если он не сможет доставить пакет графу. Однако река на экране, способная выйти за границы «рамы», выступающая как символ очищения, приводит Цезаря к осознанию того, что ценность искусства, его подлинность и вечность намного важнее маленькой мимолетной жизни секретаря, погони или документов – потому он и бросает пакет прямо в экран, поддавшись «краткому умопомешательству». Документы тут же «скрываются в волнах» горной реки, перемещаясь в неизведанный мир кино, преступая границы, которые должны оставаться нерушимыми. «Волшебный экран» утверждает подлинные ценности жизни и дает герою рассказа ощущение внутренней свободы.

Таким образом, киноэстетика – новый тип визуальности словесного текста – становится для героев дореволюционных рассказов А. Грина способом разрушения границ между реальным и ирреальным, между жизнью и смертью. Текст художественного произведения предстает перед читателем как своеобразная форма словесного кино, от которого невозможно оторваться, пока не погаснет экран.

Список литературы

1. Брагинская Н.В. «Картины» Филострата Старшего: Генезис и структура диалога перед изображением // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 274–313.
2. Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005.
3. Воспоминания об Александре Грине // Сост., вступление, примеч. В. Сандлера. Л: Лениздат, 1972.
4. Грин А.С. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Художественная литература, 1991–1997.
5. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973.
6. Монтегю А. Мир фильма: Путеводитель по кино. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1969.
7. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
8. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025.
9. Шкловский В.Б. За 40 лет: статьи о кино. М.: Искусство, 1965.

* * *

1. Braginskaya N.V. «Kartiny» Filostrata Starshego: Genezis i struktura dialoga pered izobrazheniem // Odisej. Chelovek v istorii. Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii. M.: Nauka, 1994. S. 274–313.
2. Varlamov A.N. Aleksandr Grin. M.: Mol. gvardiya, 2005.
3. Vospominaniya ob Aleksandre Grine // Sost., vstuplenie, primech. V. Sandlera. L: Lenizdat, 1972.
4. Grin A.S. Sbranie sochinenij: V 5 t. M.: Khudozh. lit., 1991–1997.
5. Lotman Yu.M. Semiotika kino i problemy kinoehstetiki. Tallin: Eehsti raamat, 1973.
6. Montegyu A. Mir fil'ma: Putevoditel' po kino. L.: Iskusstvo. Leningr. otd-nie, 1969.
7. Slyshkin G.G., Efremova M.A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). M.: Vodoley Publishers, 2004.
8. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Keshfidinov Sh.R. Sovremennaya literatura. Vidy iskusstva v literaturnom tekste: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Yurajt, 2025.
9. Shklovskij V.B. Za 40 let: stat'i o kino. M.: Iskusstvo, 1965.

The role of film ekphrasis in the poetics of pre-revolutionary stories by A. Grin

The problem of literary cinematography of the prose by A. Grin is analyzed. On the basis of the stories “How I Died on Screen” and “The Magic Screen” the film ekphrasis, specific for their poetics and indicating the synthesis of the virtual techniques of literature and silent screen in the pre-revolutionary creative work of the writer, is considered. It allows to specify the current concepts of the descriptive strategy of the writer’s prose and the sources of its style’s visuality.

Keywords: *A. Grin, “The Magic Screen”, “How I Died on Screen”, cinematography, film ekphrasis, compositional structure, assemble, point of view.*

(Статья поступила в редакцию 01.10.2025).

Д.Ю. ГУЛИНОВ

Волгоград

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С 13 по 14 ноября 2025 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете прошла IV-я Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация», на которой были рассмотрены актуальные проблемы современной романистики и методики преподавания романских языков.

В работе конференции приняло участие около ста специалистов в области романского языкознания и методики преподавания романских языков из России, представленной городами Астрахань, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, и зарубежных стран (Китай и Камерун).

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором выступил доктор филологических наук, профессор Д.Ю. Гулинов с докладом, посвященным современным вызовам, стоящим перед романскими языками. Вслед за коллегой из Волгоградского государственного социально-педагогического университета слово взял доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного технологического университета С.Г. Воркачев, посвятивший свое выступление описанию геральдического языка ряда стран Франкофонии.

В рамках пленарной части конференции доктором филологических наук, профессором Московского городского педагогического университета Л.Г. Викуловой и соискателем кафедры романских языков и лингводидактики Московского городского педагогического университета В.А. Корнеевой были рассмотрены языковые средства популяризации научных знаний на материале публикаций журнала «Science et Avenir» («Наука и Будущее»).

Доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета С.М. Кравцов посвятил свой доклад стилистическим средствам создания женского образа в художественном тексте на материале поэзии Теофиля Готье. В выступлении доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета, главного научного сотрудника Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина О.А. Леонтович речь шла о проблеме сбалансированного стремления к правильности речи.

В докладе доктора филологических наук, профессора Воронежского государственного университета Н.А. Фененко объектом анализа выступила диалектная и просторечная лексика в переводческом аспекте. Представленные Э.А. Китаниной, доктором филологических наук, профессором Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина в совместном докладе с магистрантом из Камеруна Донфак Сидонье виды межъязыковой интерференции при переводе романа Ф.М. Достоевского «Белые ночи» на французский язык позволили выявить и обосновать факторы, способствующие возникновению межъязыковой интерференции.

В докладе доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета О.А. Дмитриевой представлены результаты лингвистического анализа заимствований в современном французском языке. Доктор филологических наук, профессор Московского международного университета и Белгородского государственного национального исследовательского университета А.П. Седых посвятил свое выступление некоторым аспектам корреляции имбrikативного концепта «язык-культура» в процессе изучения и преподавания иностранных языков.

Завершил пленарную часть конференции доклад доктора филологических наук, доцента Самарского государственного социально-педагогического университета Е.В. Савицкой. Докладчик остановился на проблеме установления зависимости между грамматическим строем языка и стратегиями языкового мышления.

Работа конференции продолжилась в формате секционных заседаний.

На заседании секции № 1 «Теоретические аспекты изучения романских языков» участники обсуждали широкий спектр лингвистических проблем.

Работу секции открыл доклад младшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН А.Г. Гроголь на тему о цифровой идентичности пользователей языка, выборе стиля и самоидентификации в сети. Доклад А.Н. Гурова был посвящен вопросу субъективной модальности и коммуникативной организации высказывания в испанском языке. Е.В. Закировой рассмотрены стратегии и тактики журналиста, используемые в газетных статьях о футболе. Исследование В.Ю. Кабак раскрыло проблему продуктивности словообразовательных моделей имен существительных испанского морского социолекта. В докладе Т.А. Корнейчук проанализированы названия латиноамериканских сериалов в прагмалингвистическом аспекте. К.А. Кузнецова свое сообщение посвятила специфике информационно-рекламного диалога с целевой аудиторией. В выступлении А.И. Томиловой описаны особенности аффиксальной деривации в современном испанском языке. Н.В. Титаренко посвятила свой доклад проблеме нормы и вариативности в оформлении высказываний на испанском языке. Э.В. Шулятева рассмотрела лингвистический ландшафт Валенсии с опорой на результаты полевого исследования городской языковой среды.

В работе секции № 2 «Современное состояние и особенности функционирования романских языков» детально рассмотрен широкий круг актуальных вопросов, посвященных исследованиям в области функционирования романских языков с точки зрения комплексного междисциплинарного подхода.

Так, О.Б. Багринцева обратила внимание слушателей на вопросы терминологии родства во французском языке. Э.Э. Гайбалиева рассказала об интернет-мемах как особом виде полимодального дискурса в медиакommunikации. Лингвокультурологический анализ словаря Французской академии представлен в докладе О.И. Короленко. В.В. Кузнецова рассмотрела эволюцию жанра «портретное интервью». А.В. Минибаева посвятила свое выступление языковым особенностям реализации деструктивного коммуникативного поглаживания. Проблема соотношения рационального и эмоционального в отношении феномена шантажа представлена в докладе А.Д. Никодимовой. В.А. Райскина посвятила свой доклад изучению рефлексивного жанра эссе. Совместный доклад Е.И. Черкашиной и Т.В. Сланиковой касался проблемы поддержания интереса к изучению французского языка. В докладе А.А. Штебы речь шла о феномене диффузной эмотивности. В завершение работы секции Д.И. Юсупова рассмотрела роль миграции в распространении и изменении романских языков.

В рамках секции № 3 «Актуальные вопросы преподавания романских языков» практическим опытом с участниками конференции поделились преподаватели, представляющие образовательные учреждения Волгограда, Москвы и Санкт-Петербурга.

Предметной областью исследований докладчиков явился ряд актуальных на сегодняшний день вопросов, а также поиск новых форм, методов и приемов работы, используемых в учебной деятельности и во внеаудиторное время. Данная секция вызвала живой интерес у студентов – будущих учителей, которые смогли погрузиться в реалии современной школы, задать интересующие их вопросы практикующим специалистам, перенять необходимый педагогический опыт для будущей профессиональной деятельности.

В своем докладе Л.В. Белинко рассказала о функциональных возможностях сквозных технологий при обучении иностранным языкам. Совместный доклад И.И. Головачанской и С.В. Дудушкиной был посвящен практикоориентированной концепции подготовки бакалавров иноязычного образования нового поколения. К.А. Захарова в своем выступлении рассмотрела вопрос об использовании нейронных сетей и искусственного интеллекта в обучении французскому языку. В докладе М.С. Калининой, М.Э. Маргарян и М.А. Эстерман были определены принципы использования междисциплинарного подхода при разработке педагогических проектов. Е.В. Куцубина и А.В. Мельникова посвятили свое совместное выступление осмыслению существующих практик обучения испанскому языку в малых и больших группах лингвистических специальностей. А.В. Макарычевой и Е.В. Смирновой представлен принцип применения мотивационных моделей на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе (на примере модели SSDL). Об особенностях раннего обучения иностранному языку рассказала А.О. Оганесян. Доклад Н.И. Панютиной касался проблемы формирования глобальных компетенций как компонента многофункциональной грамотности на уроках французского языка в выпускном классе (на примере УМК «Французский в перспективе» издательства «Просвещение»). В докладе О.Ю. Скрыбиной речь шла о формировании готовности будущих учителей иностранного языка к использованию цифровых инструментов в самостоятельной исследовательской деятельности. Коллега из Китая Чжан Шуи проанализировала современное состояние преподавания французского языка в КНР с учетом культурных различий.

Секция № 4 «Взгляд молодых исследователей на проблемы романистики» и секция № 5 «Взгляд молодых исследователей на проблемы преподавания романских языков» объединили студентов и магистрантов Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Тематика прозвучавших докладов была связана с различными сферами лингвистики и методики преподавания французского и испанского языков. Участники данных секций продемонстрировали знание теоретической базы исследований, владение терминологическим аппаратом и методологическим аспектом проведенных исследований.

В первый и второй день конференции было организовано пять мастер-классов силами преподавателей Волгоградского государственного социально-педагогического университета и учителей школ и гимназий г. Волгограда.

Мастер-класс кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры романской филологии ВГСПУ Э.В. Шулятевой «*Del mundo hispanohablante al mundo entero: inventos que cambiaron todo*» («*От испаноязычного мира ко всему миру: изобретения, которые изменили все*») познакомил с изобретениями, созданными представителями испаноязычного мира, с их влиянием на повседневную жизнь. Участникам мастер-класса была предоставлена информация о культурном наследии через реальные примеры открытий и изобретений.

На мастер-классе «Коммуникативная игра – эффективное средство обучения говорению на французском языке в школе и вузе», разработанном кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры романской филологии ВГСПУ М.С. Калининой и стар-

шим преподавателем кафедры романской филологии ВГСПУ М.А. Эстерман, были рассмотрены преимущества использования коммуникативной игры на уроках французского языка в школе и вузе, функции коммуникативной игры, типы коммуникативных игр, правила проведения коммуникативной игры, примеры коммуникативных игр на французском языке.

Мастер-класс учителя французского языка МОУ «Средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов № 81 Центрального района г. Волгограда» Л.В. Хриченко «Специфика организации внеурочной деятельности по французскому языку в соответствии с обновленными ФГОС НОО» был посвящен дидактическим возможностям кружковой работы по французскому языку как одной из форм организации внеурочной деятельности в рамках реализации обновленных ФГОС НОО.

В рамках мастер-класса «Dynamiser le travail en groupe» («*Стимулировать работу в группе*») учитель французского языка МОУ «Средняя школа с углубленным изучением отдельных предметов № 20 Краснооктябрьского района г. Волгограда» С.Н. Бородин рассматривала возможности обучающих игр в стимулировании языковых навыков, развитии и тренировке памяти.

На мастер-классе, организованном старшим преподавателем кафедры романской филологии ВГСПУ В.Ю. Кабак, были рассмотрены вопросы, связанные с компетенцией переводчика, методами и ресурсами ее формирования для обеспечения профессиональной коммуникации в рамках международного сотрудничества России с испаноязычными странами. Участники мастер-класса узнали о теоретических основах процесса, а также попробовали себя в роли переводчика.

IV-я Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация» прошла на высоком уровне. В ходе всех заседаний был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов современной романистики и преподавания романских языков, способствующих развитию регионального и международного научного сотрудничества.

(Материал поступил в редакцию 15.11.2025).

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М.А. КАЗАЗАЕВОЙ «СИНХРОННО-
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЯЗЫКОЗНАНИИ: ПРОБЛЕМАТИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ»: МОНОГРАФИЯ. ИРКУТСК: АСПРИНТ, 2024. 192 с.**

Научная монография Марианны Алексеевны Казазаевой посвящена осмыслению проблемы соотношения двух различных подходов к описанию фактов языка: синхронного и диахронического. Работа находится в русле актуальных проблем языкознания, освещает современное состояние основных проблем диахронической лингвистики и намечает перспективы ее развития. Обращаясь к истории вопроса, анализу ранних и современных концепций отечественных и зарубежных ученых, автор акцентирует внимание на различных попытках разрешения отмеченной проблемы, которые были характерны для разных исторических периодов становления науки о языке, рассматривает специальные методы в области исторического изучения языка. Рецензируемая монография, являясь новым современным исследованием, представляет собой убедительную попытку обосновать необходимость комплексного подхода, сочетания разнообразных методов исследования для анализа различных языковых явлений.

Монография состоит из двух разделов. Первый раздел «Теория синхронно-диахронического подхода: история и современность» открывается главой «Синхронный и диахронический подходы в языкознании». Глава содержит 3 параграфа: 1.1. К истории вопроса относительно соотношения синхронного и диахронического состояний языка, 1.2. О понятии «языковая системность», 1.3. Современное состояние вопроса.

Автор обращается к истории возникновения самих понятий и терминов *синхрония* и *диахрония*, отмечая научную деятельность В. Гумбольдта, положившего в 1820 г. начало теоретическому осмыслению разницы между синхронией и диахронией (статикой и динамикой) («изучением организма языков» и «изучением языков в состоянии их развития»), указывает на вклад И.А. Бодуэна де Куртенэ, который разделил лингвистику на статическую (описательную) и динамическую (историческую), подчеркнув, что первая направлена на исследование языка, взятого в определённый период его существования, а вторая – на изучение его истории (с. 14). В монографии уделяется внимание позициям и научным гипотезам Н.В. Крушевского, Л.В. Щербы, Ф.Ф. Фортунатова, обращается внимание читателей на тот факт, что значительная «часть фундаментальных теоретических понятий и принципов, получивших свое отражение в трудах Ф. де Соссюра, была выдвинута ранее, – в работах его предшественников (с. 16). «Фундаментом для дальнейшего формирования идей синхронии и диахронии» признается основной тезис научной концепции Ф. де Соссюра, состоявший в том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» подчеркивается, что именно он обосновал необходимость введения в лингвистику новых терминов «синхрония» и «диахрония» (с. 17).

Дальнейшая история вопроса рассмотрения в языкознании соотношения синхронного и диахронического состояний языка рассмотрена достаточно полно: опираясь на фундаментальные исследования предшественников, автор обобщает и систематизирует научные лингвистические изыскания российских и зарубежных ученых, прежде всего Г. Пауля, Ш. Балли, А.А. Реформатского, О.Н. Трубачева, Ю.Д. Апре-

сяна, А.И. Смирницкого, Л. Ельмслева, В. Матезиуса, Е.С. Кубряковой, Е.Д. Поливанова, Т.М. Николаевой, В.Н. Сидорова, Б.М. Задорожного, О.Н. Трубачева и многих других видных языковедов по вынесенной в название проблематике, а также освещает основные научные дискуссии, многократно возникавшие в научном сообществе с XIX в. по настоящее время.

Значительное внимание уделяется понятию *языковая системность*, при этом рассматриваются и сопоставляются точки зрения М.М. Гухман, В.М. Жирмунского, И.Г. Добродомова, Ю.Д. Апресяна, Е.С. Кубряковой, М.М. Маковского, Б.В. Горнунга, Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, анализируются этапы развития этого понятия, его уточнение современными лингвистами.

Выявляются актуальные проблемы и трудности современной науки о языке, в частности, автор отмечает, что изучение учебной дисциплины «Русский язык», так сложилось исторически, ведется в русле синхронной лингвистики, причем как в школах, так и в вузах (кроме филологических факультетов). Проблема состоит в том, что при традиционном синхронном подходе за «жесткими границами правил и целого ряда сопутствующих им исключений учащийся (школьник / студент) не видит живого родного языка, не понимает, не чувствует его как факта национальной культуры, отражающего, прежде всего, особенности национального характера, менталитета, а также круга тех понятий, которые принято обозначать термином *картина мира* (с. 30).

Намечаются и перспективы научных исследований. Так, например, автор подчеркивает, что до сих пор «остаются только на уровне постановки проблем» вопросы «общих диахронических тенденций саморазвития языка», а также «возможности типологического прогнозирования языкового развития на основе экстраполяции процессов одного языка на другой» (с. 52).

В завершении главы автор, опираясь на рассмотренные исследования, предлагает собственное видение ситуации: язык как систему можно представить в виде определенного темпорального вектора – хронологической перспективы. Под *хронологической перспективой* «понимаются две противоположные точки отчета – конечная точка движения (результат языкового изменения) и начальная точка, между которыми можно проследить все постепенные и промежуточные стадии изменения языка. Изучение истории конкретного языка дает возможность исследователю на протяжении данного хронологического вектора зафиксировать определенные точки – в тех его местах, где были выявлены наибольшие «возмущения системы», то есть там, где язык оказался подвержен максимальному влиянию каких-либо внешних или внутренних факторов. Учет влияния совокупности указанных факторов (как лингвистического, так и экстралингвистического характеров) позволяет теоретически смоделировать на данном векторе конкретные временные «узловые» точки, в которых накопленные с течением времени количественные языковые изменения трансформировались в качественные и привели к *изменениям* в системе на разных ее уровнях: от небольших сдвигов (например, на уровне лексикологии) до более глобальных (например, на уровне фонетики или грамматики) (с. 56). Автор убежден в том, что «любую языковую систему необходимо изучать в разных точках ее “системы координат”: не только на синхронном срезе настоящего времени, но и в тех значимых точках синхронии ее прошлого, где произошло наиболее значительное изменение фрагментов системы, некий “системный сбой”, повлекший за собой трансформацию отдельных звеньев ее системы с последующим их переходом на новый виток развития» (с. 56).

Вторая глава «Языковое изменение и принципы выделения синхронных срезов» состоит из 5 параграфов: 2.1. Понятие языкового изменения и языковой эволюции, 2.2. К вопросу о причинах языковых изменений, 2.3. О проблеме хронологизации исторических периодов, 2.4. Проблема источников при проведении языковых исследова-

ний, 2.5. Изменение языка как преобразование ряда его последовательных синхронных состояний. Автор отмечает, что проблема языкового изменения в современной лингвистике до сих пор относится к числу дискуссионных (с. 60). Рассматриваются и уточняются содержание понятий *языковое изменение*, *языковое состояние*, *языковая эволюция*, *языковое сознание коллектива*. Исследуются разные точки зрения на термины *синхронный срез* и *синхронное состояние*; поясняется неоднозначность толкования термина *системное изменение*: «С одной стороны, данный термин предполагает, что причиной изменения явилась сама система данного языка (тогда эту причину можно классифицировать как внутреннюю), с другой стороны – что по своему характеру это изменение включается в серию однотипных изменений регулярного характера, образуя цепь упорядоченного единства» (с. 63).

Автор подчеркивает, что «использование системного подхода при изучении языковых изменений имеет большое значение не только при структурировании и описании языка как динамической системы особого рода, но позволяет исследователям фиксировать собственно причины языковых изменений, происходивших в языке на протяжении его истории и происходящих сейчас» (с. 64).

Поднимается вопрос о причинах, или факторах происходящих в языке изменений, который интересовал уже несколько поколений ученых. М.А. Казазаева рассматривает концепции социолингвистического направления, согласно которым языковые изменения обусловлены причинами внешнего, социального порядка, а также теории, согласно которым языковые изменения связаны исключительно с внутренними причинами, отмечая позиции Е.Д. Поливанова, Б.А. Ларина, А.М. Селищева, И.А. Бодуэна де Куртене, Ф.Ф. Фортунатова, А. Мейе, В.К. Журавлева, Т.М. Николаевой, В.В. Виноградова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. О.С. Ахмановой. Усилиями исследователей языка после многих лет научных дискуссий на современном этапе развития языкознания обе полярные концепции легли в основу единой теории языковых изменений, согласно которой последние могут носить как спонтанно возникающий характер, так и быть результатом креативной деятельности общества, итогом его целенаправленного вмешательства в языковые процессы. Это подтверждает положение о двуприродности языковых изменений, поскольку язык «проявляет двоякую зависимость своей эволюции – от среды, в которой он существует, с одной стороны, и от его внутреннего механизма и устройства, с другой» (с. 71). При этом автор обращает внимание читателей на то, что идея о совместном влиянии как внешних, так и внутренних типов языковых изменений была выдвинута и сформулирована именно в трудах отечественных ученых.

Рассуждая об изменениях в языке, автор приходит к выводу, что «изменение как результат движения языковой системы, как нарушение тождества единицы подготавливается в синхронии, но не происходит внутри нее: чтобы обнаружить динамическое изменение в собственном смысле этого слова, необходимо сравнить, по крайней мере, два синхронных среза. Основными формами движения в языке являются такие языковые процессы, как изменчивость, переинтеграция и варьирование. При этом переинтеграция и варьирование представляют собой, с одной стороны, результат предшествующей истории языка, с другой, – предпосылку будущего изменения. Данные процессы и подготавливают само изменение (с. 74).

Сложной и не решенной однозначно по сей день является и проблема *хронологизации исторических периодов*. Подчеркивая ее дискуссионность, автор рассматривает научные воззрения Ф. Боппа, А. Шлейхера, А. Кюни, Н.С. Трубецкого, Э. Бенвениста, Е. Куриловича, В.Н. Топорова, Н.Д. Андреева, Ф.П. Филина, В.В. Колесова, Н.А. Кондрашова, описывает попытки ученых реконструировать историю индоевропейского языка, а также предлагаемые ими варианты его деления на основные исторические периоды, отмечая, что даты образования и «затухания» разных языковых общностей явля-

ются часто относительными и могут значительно варьироваться в классификациях разных авторов.

Опираясь на изученные работы ученых, автор выделяет семь основных синхронных срезов, в рамках которых можно рассматривать историю русского языка: 1) раннеиндоевропейский; 2) среднеиндоевропейский; 3) позднеиндоевропейский; 4) ранний праславянский (предславянский); 5) поздний праславянский; 6) древнерусский доисторического периода (восточнославянский); 7) древнерусский исторического периода (начало письменного периода). Однако автор признает, что именно праславянский языковой период признаётся многими лингвистами исходным для начала отсчёта истории русского языка, поскольку именно в это время начинается развитие собственно восточнославянской речи (с. 90).

Обращаясь к проблеме источников при проведении языковых исследований, автор отмечает, что несмотря на то, что в настоящее время существует достаточно большое количество лексикографических источников, содержащих перечень и толкование языковых единиц, относящихся к разным историческим периодам развития русского языка, далеко не все из имеющихся источников содержат объективные, полные и проверенные данные. Автор предупреждает, что в ряде случаев между ними могут отмечаться определенные противоречия (прежде всего в этимологических справочниках) (с. 96).

Второй раздел монографии «К проблеме определения методов и описания других теоретических понятий» состоит из двух параграфов: 2.1. Об использовании специальных методов в области исторического изучения языка и 2.2. О культурной памяти в языке и проблемах изучения языка в историко-лексикологическом аспекте. Развитие исторического языкознания породило значительное количество разнообразных специальных методов и приемов, каждый из которых используется при выполнении определенных целей и задач; в работе раскрываются особенности *интегрированного метода, сопоставительного метода, метода реконструкций, метода «внутреннего сравнения» (в рамках родственных языков), трансформационного метода, метода моделирования, проекционного метода, лексико-статистического* и ряда других. При проведении диахронических реконструкций важными являются близкие понятия: *реконструкция* и *диахроническая интерпретация*. Подчеркивается необходимость их разграничения, поскольку *реконструкция* предпринимается для исторического истолкования соответствий, зафиксированных в общем поле родственных языков и ее цель обычно состоит в построении некоторого общего архетипа (праформы). Что же касается *диахронической интерпретации*, то она выступает следующим этапом при проведении языкового исследования, т.к. для ее проведения необходимо наличие уже реконструированных архетипов. Автор отмечает, что современное сравнительно-историческое языкознание, как особая область науки о языке, на современном этапе накопило уже значительный опыт в области реконструкции разнотипных языковых систем, как имеющих письменные источники, так и не имеющих таковых. Благодаря сформированной методологии, четкой постановке цели и задач, обобщению широкого лингвистического материала, современные языковые реконструкции становятся все более достоверными. Однако, вместе с тем, в указанной области научного знания ещё существует большое количество проблемных задач и вопросов, которые ждут своего разрешения (с. 153).

Для полномасштабного осмысления языковых изменений русского языка автор считает значимым и перспективным «установление четких границ на линии смен синхроний и описание пиков «возмущения» языковой системы», что поможет в полной мере осознать язык как систему «уникальную, совершенную в своем роде и, вместе с тем, очень уязвимую в своих определенных звеньях. При этом важно не забывать, что синхрония и диахрония неразрывно связаны друг с другом, т.к. состояние языка в любой момент его существования является всего лишь одним из эпизодов его развития»

(с. 168). Автор приходит к мнению: «на современном этапе развития языкознания уже не вызывает сомнения, что синхрония и диахрония являются не просто выразителями темпоральных характеристик языка; гораздо более важным является то, что это та «система координат», в рамках которой объективно существует любой язык. Неоспоримым стало признание того факта, что язык двуприроден: синхроничен, т.к. используется как коммуникативный инструмент в данный момент времени, и диахроничен, т.к. живёт во времени» (с. 155).

Оба раздела монографии завершаются четкими выводами, представляющимися весьма актуальными. Значительным и солидным (15 страниц) является Заключение, в котором подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований. Отметим, что обозначенные автором проблемы описаны с опорой широкий круг источников как на русском, так и на английском языках (в библиографическом списке отмечено 197 единиц).

Таким образом, монография М.А. Казазаевой «Синхронно-диахронический подход в языкознании: проблематика и перспективы» представляет собой новое, актуальное исследование, вносящее несомненный вклад в современную науку о языке. Автор рассмотрены сложные, дискуссионные вопросы языкознания, многие из которых были поставлены еще в прошлом, а иногда и в позапрошлом веке и вызвали многочисленные дискуссии в научной среде, однако так и не нашли однозначных ответов. Утвердившаяся на рубеже эпох новая парадигма знания ведет к переосмыслению накопленного массива фактов языка, позволяет по-новому взглянуть на акцентируемые автором научные проблемы, дать им новое освещение, проследить эволюцию понятий синхронно-диахронической сферы.

Рецензируемая монография, безусловно, будет интересна и полезна как историкам языка, так и исследователям его современного состояния, преподавателям-филологам, аспирантам и студентам, поскольку нельзя не согласиться с тезисом автора, что только с помощью синтеза двух подходов – диахронического и синхронического – необходимо описывать такую открытую систему, которой является языковая система в совокупности всех её иерархически связанных подсистем.

Review of the monograph "Synchrono-diachronic approach in Linguistics: problems and perspectives" by M.A. Kazazaeva. Irkutsk: Publishing house "Asprint", 2024. 192 p.

(Рецензия поступила в редакцию 10.10.2025).

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
(рецензия на книгу Е.В. Бобыревой, В.А. Буряковской, О.А. Дмитриевой
«Глобализация и лингвокультурные феномены»: монография. Красноярск:
Научно-инновационный центр, 2025. 198 с.)**

Монография «Глобализация и лингвокультурные феномены» является фундаментальным научным исследованием, направленным на изучение динамики формирования лингвокультурных концептов и типологических моделей в современной социокультурной среде. Исследование выполнено на пересечении таких дисциплин, как лингвокультурология, когнитивная и аксиологическая лингвистика, что свидетельствует о междисциплинарном подходе и значимости работы для широкой профессиональной аудитории.

Исследователями системно изучены разнообразные проявления массовой культуры и коммуникативных практик в лингвокультурном контексте.

Структура каждой главы выстроена ясно и логично.

Первая глава «Глобализация и современная массовая культура» посвящена выявлению основных характеристик массовой коммуникации, к которым авторы относят ярко выраженную социальную направленность, организованный характер, институциональность, отсутствие непосредственной обратной связи (однонаправленность), коллективный характер коммуникатора (адресанта), массовость аудитории (адресата), сочетание разноплановой информации, двухступенчатый характер восприятия сообщения (отсроченное формирование общественного мнения) и др.

Как отмечается в первой главе рецензируемой монографии, массовой коммуникации свойственны следующие функции: 1) социальные (информирующая, просветительская и нормативно-регуляционная); 2) социально-психологические (социальная ориентация, участие в формировании общественного мнения, социальная идентификация, установление и поддержание контакта, социальное самоутверждение); 3) психологические (утилитарная и эмоциональная разрядка). Представленная палитра функций свидетельствует о том, что массовая коммуникация есть мощное средство воздействия на общество с целью оптимизации его деятельности, социализации индивидуумов и интеграции общества в целом.

Перечисленные выше характеристики и функции массовой коммуникации выступают своеобразным фактором, обуславливающим разнообразие и подвижность ее жанров, где наряду с традиционными жанрами (информационными, аналитическими, сатирическими, художественно-публицистическими, рекламными и т.д.) отводится важное место развлекательным жанрам, порожденным массовой культурой.

В первой главе монографии особое внимание уделяется концептам, функционирующим в современных массмедиа: политическим, бытийным, IT-концептам, а также концептам так называемого «гламура».

Говоря о лингвокультурном типаже, понимаемом как обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, авторы подчеркивают преобладающую роль социумных типажей, известных любому представителю того или иного лингвокультурного сообщества.

Во второй главе монографии «Концептосфера массовой культуры» авторы рассматривают различные трактовки понятия «концепт» с опорой на труды Е.С. Кубряко-

вой, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Г.Г. Слышкина, отдавая при этом предпочтение лингвокультурологическому подходу – его толкованию, предложенному В.И. Карасиком, С.Г. Воркачевым, В.А. Масловой.

В монографии акцентируется мысль о значимости этнокультурной составляющей в структуре практически любого концепта. Отсюда следует, что концепт неотделим от языковой картины мира народа.

Интересны рассуждения авторов об импортируемых концептах, которые, переходя из одной культуры в другую, приносят с собой частицы культуры другого народа, таким образом, позволяя прикоснуться к иной культуре и стать частью единого мирового культурного наследия. Подобные концепты, как отмечается в рецензируемой книге, называются импортированными или заимствованными. Под заимствованием концепта имеется в виду как процесс перехода концепта в другую лингвокультуру, так и результат такого перехода – процесс существования (функционирования) концепта в неродном для него окружении.

Заслуживают внимания выявленные в ходе исследования импортированные концепты, которые авторы монографии подразделяют на предметные, абстрактные (абстрактно-понятийные), сценарные и текстовые. Согласно выводам, представленным в монографии, предметные импортированные концепты, как правило, легко адаптируются в языке-реципиенте в силу своей конкретной понятийной природы. Абстрактные (абстрактно-понятийные) концепты не соотносятся с конкретным референтом и могут менять свои ассоциативные образы. Сценарные импортированные концепты привносят в заимствующую их лингвокультуру иные правила и нормы общения, выступающие доминантными в культуре-трансляторе. Текстовую концептосферу формируют ассоциации, возникающие при упоминании известного текста.

Справедливы, на наш взгляд, рассуждения исследователей о том, что в настоящее время импортирование концептов, позволяющее существенно расширить смысловые и понятийные границы конкретного языка, выступает необратимым языковым процессом, которому способствуют как процессы глобализации, так и расширение контактов между разными лингвокультурами и их носителями.

В третьей главе монографии «Типажи современной массовой культуры» рассматриваются полностью или частично ассимилированные лингвокультурные типажи.

К числу полностью ассимилированных в русской лингвокультуре импортированных типажей, по мнению авторов, может быть отнесен лингвокультурный типаж «интеллигент», практически утративший связь с той культурой, из которой он был импортирован.

В монографии отмечается, что частично ассимилированные импортированные лингвокультурные типажи («пастор», «детектив», «селебрити», «бизнесмен», «полицейский», «хакер», «мажор», «блогер» и др.), как правило, сохраняют связь с той культурой, частью которой они выступали ранее.

В рецензируемой книге частично ассимилированные лингвокультурные типажи разделены на парные, имеющие своеобразные дублиеты в принимающей культуре, и непарные, выступающие уникальными, не имеющими коррелятов образованиями. Так, например, к числу парных ассимилированных лингвокультурных типажей отнесены импортированные типажи «пастор», «бизнесмен», «селебрити», «детектив», «полицейский». Среди непарных типажей рассмотрены типажи «хакер» и «мажор», ранее не имевшие коррелятов в русской лингвокультуре, а потому сохранившие практически полностью свою инокультурную природу.

Представленное в виде монографии исследование раскрывает перспективные направления изучения процесса заимствования и адаптации лингвокультурных феноменов. Особое внимание уделено исследованию интерференции заимствованных концеп-

тов и образных схем, что существенно расширяет современные представления о механизмах культурных взаимодействий. Авторское обоснование строится на апробированных научных подходах и актуальных тенденциях современного знания. Примененные методы анализа обеспечивают детальное рассмотрение механизмов заимствования концептуальных единиц и стереотипных образов, особенностей их реализации в разных лингвокультурных пространствах.

Подводя итог, отметим высокий научный уровень рецензируемой монографии: её ценность определяется глубиной проведенного анализа, исчерпывающим характером исследовательского материала и важностью сформулированных выводов.

Полученные результаты обладают несомненным прикладным характером и могут найти свое применение в образовательном процессе, психологическом консультировании и медиапрактиках.

Монография Е.В. Бобыревой, В.А. Буряковской и О.А. Дмитриевой «Глобализация и лингвокультурные феномены» найдет широкую читательскую аудиторию как среди профессиональных ученых, так и среди студентов, магистрантов, аспирантов, интересующихся проблемами лингвокультурологических и когнитивных исследований и аксиологическим анализом.

Список литературы

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на основе православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
2. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): монография. Волгоград: Перемена, 2014.
3. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 29–35.
4. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007.
5. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французская гризетка» // Единицы языка и их функционирование. Вып. 12. Саратов: Научная книга, 2006. С. 185–193.

* * *

1. Bobyрева E.V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na osnove pravoslavnogo veroucheniya). Volgograd, 2007.
2. Buryakovskaya V.A. Kommunikativnye harakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): monografiya. Volgograd: Peremena, 2014.
3. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh s pozicii kul'turnyh cennostej // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. № 2. S. 29–35.
4. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka: monografiya. Volgograd: Peremena, 2007.
5. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh «francuzskaya grizetka» // Edinicy yazyka i ih funkcionirovanie. Vyp. 12. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. S. 185–193.

*Globalization in linguoculturological dimension
(review of the monograph “Globalization and linguocultural phenomena”
by E.V. Bobyрева, V.A. Buryakovskaya, O.A. Dmitrieva. Krasnoyarsk:
Publishing house “Research and Innovation Center”, 2025. 198 p.)*

(Рецензия поступила в редакцию 15.09.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Васильев
Лев Геннадьевич*

– доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. E-mail: argumentation@mail.ru

*Гулинов
Дмитрий Юрьевич*

– доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет». E-mail: satellite74@yandex.ru

*Калмыкова
Людмила Сергеевна*

– специалист по связям с общественностью Управления международного сотрудничества, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: ludmilamk2@gmail.com

*Красавский
Николай Алексеевич*

– доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru

*Кокова
Бэла Джамалдиновна*

– профессор кафедры фортепиано и методики, Северо-Кавказский государственный институт искусств. E-mail: belakokova @yandex.ru

*Кокова
Лейла Джамалдиновна*

– кандидат филологических наук, заведующий лабораторией ономастики и социально-политических исследований, Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова. E-mail: kokovaleila@yandex.ru

*Коробкина
Наталья Игоревна*

– кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natik-lion88@yandex.ru

*Котельникова
Надежда Николаевна*

– кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com

*Кудрявцев
Дмитрий Александрович*

– аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dmtr.kudryavtsev@yandex.ru

*Малюжинский
Алексей Владимирович*

– ассистент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: lionm444@gmail.com

*Михайлин
Иван Алексеевич*

– аспирант кафедры языкознания Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: dudelevel92@gmail.com

*Москвин
Василий Павлович*

– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru

- Никифорова
Елена Борисовна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
- Павленко
Александр Игоревич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. E-mail: pavlenko199507@mail.ru
- Польникова
Алина Александровна* – преподаватель кафедры иностранных и латинского языков, Волгоградский государственный медицинский университет. E-mail: alina.polnikova@volgmed.ru
- Стефанский
Евгений Евгеньевич* – доктор филологических наук, заведующий кафедрой социогуманитарных дисциплин, Самарский государственный медицинский университет. E-mail: estafanski@rambler.ru
- Сторожакова
Анна Станиславовна* – Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: anna.storozhakova@mail.ru
- У Цайюй* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: wucaiyu86@163.com
- Черкасова
Инна Петровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). E-mail: inna_cherkasova@mail.ru
- Шейко
Анастасия Михайловна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Sheiko.am@vspu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aleksandr Pavlenko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance and German Philology and Translation, Pridnestrovian State University, E-mail: pavlenko199507@mail.ru
<i>Aleksey Malyuzhinsky</i>	– Assistant, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: lionm444@gmail.com
<i>Alina Polnikova</i>	– Lecturer, Department of Foreign and Latin Languages, Volgograd State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, E-mail: alina.polnikova@volgmed.ru
<i>Anastasiya Sheiko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Sheiko.am@vspu.ru
<i>Anna Storozhakova</i>	– Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: anna.storozhakova@mail.ru
<i>Bela Kokova</i>	– Professor, Department of Fortepiano and Teaching Methods, North Caucasian State Institute of Arts, E-mail: belakokova@yandex.ru
<i>Dmitriy Gulinov</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: satellite74@yandex.ru
<i>Dmitriy Kudryavtsev</i>	– Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dmtr.kudryavtsev@yandex.ru
<i>Elena Nikiforova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nikiforovaelena@mail.ru
<i>Evgeniy Stefanskiy</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of Department of the Humanities and Social Disciplines, Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, E-mail: estafanski@rambler.ru
<i>Inna Cherkasova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management, E-mail: inna_cherkasova@mail.ru
<i>Ivan Mikhaylin</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: dudelevel92@gmail.com
<i>Lev Vasilyev</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Head of Department of Linguistics and Foreign Languages, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, E-mail: argumentation@mail.ru

<i>Leyla Kokova</i>	– PhD (Philology), Head of the Laboratory of Onomastics and Socio-Political Studies, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, E-mail: kokovaleila@yandex.ru
<i>Lyudmila Kalmykova</i>	– Public Relation Specialist, Department of International Cooperation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ludmilamk2@gmail.com
<i>Nadezhda Kotelnikova</i>	– PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com
<i>Natalya Korobkina</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natik-lion88@yandex.ru
<i>Nikolay Krasavskiy</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru
<i>Vasiliy Moskvina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: vasmoskvina@yandex.ru
<i>Wu Caiyu</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: wucaiyu86@163.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Я.А. Волкова, д-р филол. наук, проф. (Москва)

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Д.Ю. Гулинов, д-р филол. наук, проф.

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

С.А. Мызников, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии